

Карлос КАСТАНЕДА

КНИГА 5. ВТОРОЕ КОЛЬЦО СИЛЫ.

ПРОЛОГ

Плоская и бесплодная вершина горы на западных склонах Сьерра-мадрс в Центральной Мексике была остановкой для моей последней встречи с доном Хуаном и доном Хенаро и их двумя другими учениками — Паблито и Нестором. Торжественность и масштаб того, что имело там место не оставляло в моем уме никакого сомнения, что ученичество подошло к своему заключительному моменту, и что я действительно вижу дона Хуана и дона Хенаро в последний раз. В самом конце мы все попрощались друг с другом, а затем я и Паблито прыгнули вместе с вершины горы в пропасть.

Перед этим прыжком дон Хуан сформулировал некий фундаментальный принцип для всего, что должно было случиться со мной. Согласно ему я, прыгнув в пропасть, должен был стать чистым восприятием и двигаться туда и сюда между тоналем и нагвалем, двумя внутренне присущими сферами всего творения.

Во время моего прыжка мое восприятие прошло через семнадцать упругих отскоков между тоналем и нагвалем. Во время своих движений в Нагваль я воспринимал свое тело как распавшееся. Я не мог думать и чувствовать связным унифицированным образом так, как я делал это обычно, однако, я как-то думал и чувствовал. Во время своих движений в тональ я прорывался в единство. Я был целостным. Мое восприятие имело связность. У меня было видение порядка. Их непреодолимая сила была такой интенсивной, их живость такой реальной, их сложность такой огромной, что я не был способен объяснить их для себя удовлетворительно. Сказать, что они были видениями, живы грезами или даже галлюцинациями — значит не сказать ничего, что пояснило бы их природу.

После самого тщательного и внимательного исследования и анализа своих ощущений, восприятий и интерпретаций того прыжка в пропасть я пришел к пункту, где неразумно верить в то, что он имел место в действительности. И все же другая часть меня непоколебимо настаивала на том ощущении, что он действительно произошел, что я действительно прыгнул.

Дон Хуан и дон Хенаро больше недоступны, и их отсутствие вызвало во мне настоятельную необходимость пробить путь в гущу, по-видимому, неразрешимых противоречий.

Я вернулся в Мексику, чтобы повидать Паблито и Нестора и найти у них помощь в разрешении моих конфликтов. Но то, с чем я столкнулся во время своей поездки, нельзя охарактеризовать иначе, кроме как финальным нападением на мой разум, концентрированной атакой, замысленной самим доном Хуаном. Его ученики, направленные им, при его отсутствии самым методическим и точным образом разрушили за несколько дней последний бастион моего разума. За эти несколько дней они раскрыли мне один из двух практических аспектов своей магии, искусство сновидений, которое является ядром данной работы.

Искусство выслеживания — другой практический аспект их магии и тоже венец учений дона Хуана и дона Хенаро — было представлено мне в течение последующих визитов и было гораздо более сложной гранью их существования в мире, как магов.

1. ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДОНЬИ СОЛЕДАД

У меня возникло предчувствие, что Паблито и Нестора дома нет. Эта уверенность была такой глубокой, что я остановил свою машину в том месте, где асфальт кончился, и я хотел заново рассмотреть вопрос, стоит или нет продолжать в тот день долгую и трудную езду по крутой, покрытой гравием дороге в городок, где они жили, в горах центральной мексике.

Я опустил окошко в своей машине. Было довольно ветрено и холодно. Я вышел, чтобы размять ноги. В результате напряжения от многочасовой езды шея и спина у меня одеревенели. Я прошелся по краю мощеной дороги. Земля была сырой от недавнего ливня. Сильный дождь все еще шел на склонах гор к югу, недалеко от того места, где я находился. Однако справа впереди меня, в сторону востока и также в сторону севера, небо было чистым. В определенных местах на извилистой дороге были видны синеватые пики горных цепей, сияющие вдали в солнечном свете.

После небольшого обдумывания я решил вернуться назад и пойти в город, так как у меня было очень своеобразное ощущение, что я найду дона Хуана на базаре. В конце концов я всегда так поступал, находя его на базарной площади, с самого начала моей связи с ним. Как правило, если я не находил его в соноре, я обычно ехал в центральную мексиканскую, шел на базар в этом определенном городе и раньше или позже дон Хуан объявлялся. Самое большое время, которое я когда-либо ожидал его, было два дня. Я так привык встречаться с ним таким образом, что у меня была абсолютная уверенность, что я найду его снова, как всегда.

Я ждал на базаре всю вторую половину дня. Я прохаживался туда и сюда по проходам, изображал собою человека, желающего сделать покупку. Затем я ждал около парка. В сумерках я знал, что он не придет. У меня было ясное чувство, что он был здесь, но уже ушел. Я сел на скамейку в парке, где обычно сидел с ним и попытался проанализировать свои ощущения. По прибытии в город я был в приподнятом настроении, имел твердое знание, что дон Хуан был где-то там на улицах. То, что я ощущал, было больше, чем память о нахождении его бесчисленное число раз прежде; мое тело знало, что он ждет меня. Но тогда, когда я сидел на скамейке, у меня был другой род странной уверенности. Я знал, что его там больше не было. Он ушел, и я упустил его. Я стал делаться иррациональным; это всегда случалось со мною в прошлом после нескольких дней, проведенных в этой местности.

Я пошел в свой номер в отеле, чтобы отдохнуть несколько часов, а потом я вышел снова побродить по улицам. У меня не было того предвкушения встречи с доном Хуаном, какое было во второй половине дня. Я сдался. Я вернулся обратно в отель, чтобы хорошенько выспаться.

Утром, прежде чем направиться в горы, я проехал туда и сюда по главным улицам в своей машине, но каким-то образом я знал, что напрасно теряю время. Дона Хуана там не было.

Все утро я потратил на то, чтобы добраться до маленького городка, где жили Паблито и Нестор. Я прибыл около полудня. Дон Хуан научил меня никогда не заезжать прямо в город, чтобы не привлекать любопытства зевак. Каждый раз, когда я бывал тут, я всегда съезжал с дороги как раз перед самым городом, на ровное поле, где подростки обычно играли в футбол. Почва была хорошо утрамбована на всем пути до пешеходной тропинки, которая была достаточно широка для машины и которая проходила мимо домов Паблито и Нестора в предгорьях к югу от города. Когда я достиг края поля, то обнаружил, что пешеходная тропа превратилась в гравиевую дорогу.

Я раздумывал, идти ли мне к дому Паблито или Нестора. Ощущение, что их там нет, все еще упорно сохранялось. Я решил идти к дому Паблито; я рассуждал, что Нестор жил один, в то время как Паблито жил со своей матерью и четырьмя сестрами. Если его там не окажется, эти женщины могут помочь мне найти его. Когда я приблизился ближе к его дому, я заметил, что тропа, ведущая вверх к его дому, расширена. Грунт казался твердым, и поскольку там было достаточно места для моей машины, я подъехал почти к самой передней двери. К старому дому была пристроена новая галерея с крышей, покрытой черепицей. Собачьего лая не было, однако я увидел огромного пса, сидящего спокойно за загородкой и внимательно наблюдающего за мной. Выводок цыплят, кормившихся перед домом, рассеялся в стороны с писканием. Я выключил мотор и вытянул руки над головой. Мое тело было оцепеневшим.

Дом казался безлюдным. У меня мелькнула мысль, что, по-видимому, Паблито и его семья выехали, и в доме живет кто-то другой. Внезапно передняя дверь с шумом открылась и оттуда выскочила мать Паблито, как будто ее оттуда кто-то вытолкнул. Она мельком рассеянно взглянула на меня. Когда я вылез из машины, она, кажется, увидела меня. По ее телу прошла грациозная дрожь, и она подбежала ко мне. Я подумал, что она, должно быть, вздремнула и что шум машины пробудил ее и когда она вышла посмотреть кто приехал, она сначала не узнала меня. Несообразное зрелище старой женщины, бегущей ко мне, заставило меня улыбнуться. Когда она приблизилась, я на мгновение засомневался. Каким-то образом она двигалась так проворно, что вообще не походила на мать Паблито.

— Боже мой, вот так сюрприз! — воскликнула она.

— Донья Соледад? — спросил я недоверчиво.

— Ты не узнаешь меня? — ответила она, смеясь.

Я сделал какие-то глупые замечания о ее удивительной живости.

— Почему ты всегда смотришь на меня, как на беспомощную старую женщину? — спросила она, глядя на меня насмешливо и вызывающе.

Она прямо обвиняла меня в том, что я дал ей прозвище «миссис пирамида». Я вспомнил, что однажды сказал Нестору, что по форме она напоминает мне пирамиду. У нее был очень широкий и массивный зад и маленькая остроконечная голова. Длинные платья, носимые ею, усиливали этот эффект.

— Посмотри на меня, — сказала она, — похожа я на пирамиду?

Она улыбнулась, но ее глаза заставили меня чувствовать себя неудобно. Я попытался отшутиться, но она оборвала меня и заставила признаться, что я никогда не имел ничего такого ввиду, и что, как бы это ни было, она в данный момент была такой худощавой, что ее форма не имела ничего общего с пирамидой.

— Что случилось с тобой, донья Соледад, — спросил я, — ты преображена.

— Ты сам сказал это, — ответила она мгновенно, — я была преображена. Я выразился фигурально. Однако в результате более тщательного рассмотрения я должен был признать, что метафора здесь неуместна. Она действительно была измененной личностью. Я внезапно почувствовал сухой металлический привкус во рту. Я был испуган.

Она уперла свои кулаки в бедра и стояла, слегка расставив ноги врозь, глядя мне в лицо. Она была одета в светло-зеленую юбку и беленькую блузку. Ее юбка короче тех, что она обычно носила. Я не мог видеть ее волос. Она подвязала их толстой лентой наподобие тюрбана. Она была босая и ритмично постукивала своими большими ногами по земле, улыбаясь с чистосердечием юной девушки. Я никогда не видел никого, кто распространял бы вокруг себя столько силы, сколько она. Я заметил странный блеск в ее глазах, волнующий, но не пугающий. Я подумал, что я, наверное, никогда не изучал ее внешности внимательно. Среди прочего я чувствовал себя виноватым в том, что поверхностно относился ко многим людям в течение лет, проведенных с доном Хуаном. Сила его личности делала всех других людей серыми и незначительными.

Я сказал ей, что никогда не представлял себе, что она может иметь такую колоссальную жизненную силу, что моя невнимательность тому виной, что я не знал ее на самом деле и что я, несомненно, исправлю это в будущем.

Она подошла ко мне ближе. Она улыбнулась и положила правую руку на мое левое предплечье, мягко схватив его.

— Непременно, — прошептала она мне на ухо.

Ее улыбка застыла и глаза остекленели. Она была так близко от меня, что я ощущал прикосновение ее груди к моему левому плечу. Мое неудобство возросло, когда я попытался убедить себя, что не было никаких причин для тревоги. Я повторял себе снова и снова, что я в действительности никогда не знал матери Паблито и что, несмотря на ее странное поведение, оно, по-видимому, было обычным для нее. Но какая-то испуганная часть меня знала, что это были лишь успокоительные мысли, не имеющие ничего общего с действительностью, потому что независимо от того, как я приукрасил ее личность, я в действительности не только помнил ее очень хорошо, но и знал ее так же хорошо. Она представляла для меня архетип матери; я думал, что ей было лет под шестьдесят или даже больше. Ее слабые мускулы двигали ее массивное тело с трудом. В ее волосах было много седины. Она была, насколько я помнил ее, грустной и печальной женщиной с мягкими и красивыми чертами лица, преданной и страдающей матерью, вечно занятой на кухне, вечно усталой. Я также помнил ее как очень добрую бескорыстную женщину и очень робкую — вплоть до полной подчиненности любому, кому случалось быть около нее. Вот такое представление было у меня о ней, подкрепленное годами случайных контактов. В тот день, к моему ужасу, было что-то другое. Женщина, лицом к лицу с которой я стоял, вообще не укладывалась в представление, которое у меня было о матери Паблито, и тем не менее, она была той же самой личностью, более стройной и более сильной, выглядевшей на двадцать лет моложе, чем в последний раз, когда я ее видел. Я ощутил дрожь в своем теле.

Она сделала пару шагов передо мной и обратилась ко мне лицом: «дай мне посмотреть на тебя, — сказала она, — Нагваль сказал нам, что ты дьявол.»

Тут я вспомнил, что все они — Паблито, его мать, сестры и Нестор, казалось, никогда не хотели произносить имя дона Хуана и называли его Нагваль, и это выражение я привык употреблять и сам, разговаривая с ними.

Она смело положила руки мне на плечи — нечто такое, чего она раньше никогда не делала. Мое тело напряглось. Я действительно не знал, что сказать. Наступила долгая пауза, которая позволила мне критически взглянуть на себя со стороны. Ее появление и поведение испугало меня до такой степени, что я забыл спросить о Паблито и Несторе.

— Скажи мне, где Паблито? — спросил я ее, внезапно ощутив опасение.

— О, он ушел в горы, — ответила она уклончиво и пошла прочь от меня.

— А где Нестор?

Она закатила глаза, как если бы хотела показать свое безразличие.

— Они вместе в горах, — сказала она тем же тоном. Я испытал искреннее облегчение и сказал ей без тени сомнения, что я знаю, что с ними все в порядке.

Она взглянула на меня и улыбнулась. Волна счастья и радостного возбуждения охватила меня и я обнял ее. Она ответила мне горячим объятием; это так поразило меня, что я онемел. Ее тело было твердым. Я чувствовал в нем необычайную силу. Мое сердце начало колотиться. Я постарался осторожно отодвинуть ее и спросил, видится ли Нестор еще с доном Хенаро и доном Хуаном. Во время нашей прощальной встречи дон Хуан выражал сомнение в том, что Нестор готов был закончить свое ученичество.

— Хенаро ушел навсегда, — сказала она, позволяя мне высвободиться. Она нервно теребила край своей блузы.

— Как насчет дона Хуана?

— Нагваль ушел тоже, — сказала она, поджав губы.

— Давно они ушли?

— Ты хочешь сказать, что ты не знаешь?

Я рассказал ей, как они распрощались со мной два года тому назад, и что все, что я знал, это то, что они ушли в то время. Я не отваживался спекулировать на тему, куда они ушли, они никогда не говорили мне о своем местонахождении в прошлом, и я смирился с тем, что если бы они захотели исчезнуть из моей жизни, то все, что им надо было сделать — это отказаться от встреч со мной.

— Их нет поблизости, это точно, — сказала она, нахмурившись. — и они не собираются возвращаться обратно, это тоже точно. — ее голос был предельно бесстрастным. Она начала раздражать меня. Я захотел удалиться.

— Но зато ты здесь, — сказала она, переменяв нахмуренное выражение на улыбку. — ты должен подождать Паблито и Нестора. Они жаждут увидеть тебя.

Она схватила мою руку и потянула прочь от машины. По сравнению с тем, что было в прошлом, ее смелость была удивительной.

— Но сначала разреши мне показать тебе моего друга, — сказала она и силой повлекла меня в сторону дома.

Там была огорожена площадка, нечто вроде маленького домика. В ней находился огромный кобель. Первое, что бросилось мне в глаза, была его отличная, блестящая, желтовато-коричневая шерсть. Он не был похож на обычную собаку. Цепи на нем не было, а изгородь была недостаточно высока, чтобы удержать его там. Пес остался безразличным, когда мы подошли к нему ближе, даже не шевельнул хвостом. Донья Соледад указала на большую клетку сзади. В ней, свернувшись, лежал койот.

— Это мой друг, — сказала она. — пес — нет. Он принадлежит моим девочкам.

Пес посмотрел на меня и зевнул. Он мне понравился. У меня было нелепое ощущение сродства с ним.

— Пошли теперь в дом, — сказала она, подталкивая меня рукой.

Я заколебался. Какая-то часть меня была крайне встревожена и хотела немедленно удалиться отсюда, и тем не менее другая часть меня ни за что не хотела уходить.

— Ты не боишься меня, не так ли? — спросила она обвиняющим тоном.

— Да, безусловно! — воскликнул я.

Она хихикнула и самым располагающим тоном заявила, что она грубая примитивная женщина, которая очень неуклюже владеет речью, и что она едва ли знает, как обращаться с людьми. Она посмотрела мне прямо в глаза и сказала, что дон Хуан поручил ей помочь мне, так как он беспокоится обо мне.

— Он сказал нам, что ты несерьезный и ходишь везде, причиняя много неприятностей невинным людям.

До сих пор ее утверждения были понятны мне, но я не мог представить дона Хуана, говорящего такие вещи обо мне.

Мы вошли внутрь дома. Я захотел сесть на скамейку, где Паблито и я обычно вместе сидели. Она остановила меня.

— Это не место для тебя и меня, — сказала она, — пойдем в мою комнату.

— Я лучше буду сидеть здесь, — сказал я твердо. — я знаю это место и чувствую себя удобно на нем.

Она чмокнула губами с неодобрением. Она вела себя как разочарованный ребенок. Она сжала свою верхнюю губу так, что она стала напоминать плоский клюв утки.

— Происходит какая-то ужасная ерунда, — сказал я. — я думаю, что мне лучше уехать, если ты не расскажешь мне, что происходит.

Она стала очень возбужденной и стала доказывать мне, что ее беда в том, что она не знает как разговаривать со мной. Я поставил ее перед лицом ее очевидного преобразования

и потребовал, чтобы она рассказала мне что случилось. Я должен знать, как произошло это изменение.

— Если я расскажу тебе, ты останешься? — спросила она детским голосом.

— Должен буду остаться.

— В таком случае я расскажу тебе все, но это должно быть в моей комнате.

Я был в панике. Я сделал крайнее усилие, чтобы успокоить себя, и мы направились в ее комнату. Она жила в задней комнате, где Паблито построил спальню для нее. Я однажды был в этой комнате, когда она строилась, а также после того, как она была закончена, перед ее вселением туда. Комната выглядела такой же пустой, какой я видел ее раньше, не считая кровати в самом центре ее и двух скромных комодов у двери. Побелка на стенах поблекла и приобрела очень успокаивающий желтовато-белый цвет. Деревянный потолок также подвергся действию времени. Глядя на гладкие чистые стены, я подумал, что их каждый день мыли губкой. Комната была больше всего похожа на монашескую келью, очень скромную и аскетичную. Там не было никаких украшений. Она имела толстые подвижные панели, закрепленные железной щеколдой. Там не было ни кресел, ни вообще чего-нибудь, чтобы сидеть.

Донья Соледад забрала у меня блокнот, засунула его к себе за пазуху и затем села на кровать, которая была сделана из двух толстых матрасов без каких-либо пружин. Она показала, что я должен сесть рядом с ней.

— Ты и я — одно и то же, — сказала она, когда вручила мне мою записную книжку.

— Прости, я не понял.

— Ты и я — одно и то же, — повторила она, не глядя на меня.

Я не мог постигнуть, что она имеет в виду. Она уставилась на меня, как будто ожидая моей реакции.

— Но что же это означает, донья Соледад? — спросил я.

Мой вопрос, казалось, озадачил ее. Очевидно, она ожидала от меня, что я знаю, что она подразумевала. Сначала она засмеялась, но затем, когда я стал настаивать, что не понимаю, рассердилась. Она выпрямилась и обвинила меня, что я неискренен с нею. Ее глаза пылали гневом, рот скривился в очень уродливую гримасу ярости, что сделало ее очень старой.

Я искренне находился в недоумении и ощущал, что во всем, что я сказал ей, не было лжи. Она, казалось, тоже находилась в таком же затруднительном положении. Ее рот двигался, чтобы сказать что-то, но ее губы лишь подрагивали. Наконец она пробормотала, что я действовал не наилучшим образом в такой серьезный момент. Она повернулась ко мне спиной.

— Посмотри на меня, донья Соледад! — сказал я с силой. — Я никоим образом не ввожу тебя в заблуждение. Ты, должно быть, знаешь что-то такое, чего я совершенно не знаю.

— Ты слишком много разговариваешь, — резко ответила она. — Нагваль говорил мне, чтобы я никогда не позволяла тебе разговаривать. Ты все перекручиваешь.

Она вскочила на ноги и встала на полу, как избалованный ребенок. Я стал сознавать в этот момент, что комната имела другой пол. Я помнил, что он был земляным, сделанным из темной земли. Новый пол был рыжевато-розовый. Я тут же прекратил стычку с ней и обошел вокруг комнаты. Я не мог представить, как же я не обратил внимания на пол, когда зашел сюда. Он был великолепен. Сначала я подумал, что это была красная глина, уложенная наподобие цемента, пока она еще мягкая и влажная, но потом я заметил, что на нем не было трещин. Глина должна была бы высохнуть, скрутиться, растрескаться и распасться на куски. Я наклонился и осторожно провел пальцами по полу. Он был твердым, как кирпич. Глина была обожжена. Мне стало понятно, что пол сделан из очень больших плоских плиток глины, уложенных на подстилку из мягкой глины, служившей матрицей. Плитки образовывали самый запутанный и завораживающий узор, но совершенно незаметный, если не обратить специального внимания на него. Искусство, с которым были размещены плитки, указывало мне на очень хорошо продуманный план. Я хотел знать, как такие большие плитки были обожжены и не покособились. Я повернулся, чтобы спросить донью Соледад, но быстро спохватился. Она, скорее всего, не знала ответа на вопрос, который я хотел задать. Я снова стал расхаживать по полу. Глина была немного шероховатая, почти как песчаник. Она образовывала совершенно устойчивую против скольжения поверхность.

— Этот пол выложил Паблито? — спросил я.

Она не ответила.

— Великолепная работа, — сказал я. — вы должны очень гордиться им.

Я не сомневался, что это сделал Паблито. Ни у кого не могло найтись воображения и способности задумать это. Я сообразил, что он, должно быть, сделал это в то время, когда

меня здесь не было. Но тут же мне в голову пришла другая мысль, что я никогда не бывал в комнате доньи Соледад с тех пор, как она была построена шесть или семь лет назад.

— Паблито! Паблито! Вот еще! — воскликнула она сердитым раздраженным тоном. — по-твоему, он единственный, кто способен делать вещи?

Мы обменялись пристальным взглядом, и вдруг я понял, что это она сделала пол и что на это ее подбил дон Хуан. Мы спокойно стояли, глядя друг на друга некоторое время. Я чувствовал, что было бы излишне спрашивать у нее, прав ли я.

— Я сделала его сама, — наконец сказала она сухим тоном. — Нагваль рассказал мне, как.

Ее утверждения повергли меня в эйфорию. Я заключил ее в объятия и приподнял. Я кружил ее вокруг себя. Все, до чего я мог додуматься, так это забросать ее вопросами. Я хотел знать, как она отделала плитки, что означали узоры, где она брала глину. Однако она не разделяла моего возбуждения. Она оставалась спокойной и безучастной, поглядывая на меня искоса время от времени.

Я прошелся по полу снова. Кровать была расположена в самом эпицентре некоторых сходящихся линий. Глиняные плитки были обрезаны под острым углом, создавая сходящиеся линии, которые, казалось, выходили из-под кровати.

— У меня нет слов, чтобы сказать тебе, как я впечатлен, — сказал я.

— Слова! Кому нужны слова? Резко сказала она.

У меня вспыхнуло подозрение. Мой разум продал меня. Был только один-единственный способ объяснения ее замечательной метаморфозы: дон Хуан должен был сделать ее своей ученицей. Как иначе старая женщина, подобная донье Соледад, могла обратиться в такое таинственное сильное существо? Это должно было быть мне ясно с того самого момента, когда я бросил взгляд на нее, но моя совокупность ожидания относительно нее не включала такую возможность.

Я сделал заключение, что все, что сделал дон Хуан с ней, должно было иметь место в течение двух лет, в которые я не видел ее, хотя два года, казалось, едва ли были достаточны для такого замечательного изменения.

— Мне кажется, я теперь знаю, что произошло с тобой, — сказал я небрежным и бодрым тоном. — кое-что прояснилось у меня в уме прямо сейчас.

— О, вот как? — сказала она совершенно незаинтересованно.

— Нагваль научил тебя, и ты стала магом, не правда ли?

Она свирепо посмотрела на меня. Я ощутил, что я сказал наихудшую возможную вещь. На ее лице было выражение настоящего презрения. Она не собиралась мне ничего говорить.

— Какой же ты ублюдок! — внезапно воскликнула она, сотрясаясь от ярости.

Я подумал, что ее гнев был неоправданным. Я сидел на одном конце кровати, а она нервно постукивала по полу пяткой. Затем она села на другой конец, не глядя на меня.

— Чего ты на самом деле хочешь, чтобы я сделал? — спросил я твердым угрожающим тоном.

— Я уже сказала тебе! — ответила она криком. — ты и я — одно и то же.

Я попросил ее объяснить, что она имеет в виду, так как не мог и на мгновение допустить, что я что-нибудь знаю. Эти утверждения рассердили ее еще больше. Она резко вскочила и сбросила свою юбку на пол.

— Вот то, что я имею в виду! — завопила она, проводя рукой по области лона.

Мой рот непроизвольно открылся. До меня начало доходить, что я уставился на нее, как идиот.

— Ты и я являемся одним здесь! — сказала она.

Я был ошеломлен. Донья Соледад, старая индейская женщина, мать моего друга Паблито, стояла полуобнаженной в нескольких футах от меня, показывая свои гениталии. Я уставился на нее, неспособный сформулировать никакой мысли. Единственное, что я знал, это то, что ее тело не было телом старой женщины. У нее были прекрасные мускулистые бедра, темные и лишенные волос. Костная структура ее боков была широкой, но на них не было жировых отложений.

Она, должно быть, заметила мой изучающий взгляд и бросилась на постель.

— Ты не знаешь, что делать, — сказала она, указывая на свое лоно. — мы являемся одним здесь.

Она обнажила свои крепкие груди.

— Донья Соледад, я тебя умоляю! — воскликнул я. — что с тобой происходит? Ты же мать Паблито!

— Нет! — отрезала она. — я ему не мать.

Она села и посмотрела на меня горящими глазами.

— Я, как и ты, часть Нагваля, — сказала она. — нам предназначено соединиться.

Она раздвинула свои ноги и я отскочил.

— Подожди немного, донья Соледад, — сказал я. — давай поговорим.

У меня был приступ дикого страха и возникла внезапно сводящая с ума мысль. Почему не может быть так, спросил я себя, что дон Хуан спрятался где-нибудь поблизости, смеясь до упаду?

— Дон Хуан! — заорал я.

Мой вопль был таким громким и глубоким, что донья Соледад соскочила с постели и поспешно натянула на себя юбку. Я видел, как она надевала ее, когда я закричал снова.

— Дон Хуан!

Я побежал через дом, выкрикивая имя дона Хуана до тех пор, пока у меня не заболело горло. Донья Соледад тем временем тоже выбежала из дому и стала около моей машины, смущенно глядя на меня.

Я шагнул к ней и спросил ее, не дон ли Хуан сказал ей сделать это. Она кивнула утвердительно. Я спросил ее, нет ли его поблизости. Она сказала, что нет.

— Расскажи мне все, — сказал я.

Она рассказала мне, что она только следовала распоряжениям дона Хуана. Он велел ей изменить свое существо в воина, чтобы помочь мне. Она заявила, что она ожидала годы, чтобы выполнить это обязательство.

— Я очень сильная сейчас, — сказала она мягко. — как раз для тебя. Но ты невзлюбил меня в моей комнате, не так ли?

Я пустился в объяснения, что дело не в этом, что я учитывал лишь свои чувства к Паблито; затем я осознал, что я не отдаю себе никакого отчета в том, что я говорю.

Донья Соледад, казалось, поняла мое замешательство и сказала, что наш инцидент должен быть забыт.

— Ты, должно быть, голоден, — сказала она оживленно, — я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

— Ты мне ничего не объяснила, — сказал я. — я буду откровенным с тобой, — я не хотел бы оставаться здесь ни за что на свете. Ты пугаешь меня.

— Ты обязан принять мое гостеприимство, раз речь идет только о чашке кофе, — сказала она спокойно. — ну, давай забудем то, что случилось.

Она сделала жест, приглашающий идти в дом. В этот момент я услышал громкое рычание. Пес стоял, глядя на нас, как будто понимая, о чем идет речь.

Донья Соледад фиксировала на мне самый пугающий пристальный взгляд. Затем она смягчила его и улыбнулась.

— Не допускай, чтобы мои глаза беспокоили тебя, — сказала она. — по правде говоря, я старая. В последнее время у меня бывают головокружения. Я думаю, что мне нужны очки.

Она разразилась смехом и стала дурачиться, глядя через свернутые кольцом пальцы, как будто они были очками.

— Старая индейская женщина в очках! Это будет посмешище, — сказала она, хихикая.

Тогда я принял решение грубо удалиться отсюда без всяких объяснений. Но перед отъездом отсюда я хотел оставить некоторые вещи для Паблито и его сестер. Я открыл багажник машины, чтобы достать подарки, которые я привез им. Я наклонился глубоко в него, чтобы достать сначала два пакета, которые были уложены против стенки заднего сидения, за запасной камерой. Я взял один и уже приготовился взять другой, как вдруг я ощутил легкую пушистую лапу на затылке. Я непроизвольно вскрикнул и стукнулся головой об открытую крышку. Я обернулся, чтобы посмотреть. Давление пушистой лапы не позволяло мне повернуться полностью, но я смог мельком заметить серебристую руку или лапу, нависающую над моей шеей. Я изогнулся в панике, метнулся прочь от багажника и упал ни сидение с пакетом в руке. Все тело у меня сотрясилось, мускулы ног, сжались и я непроизвольно вскочил и побежал прочь.

— Я не собиралась напугать тебя, — сказала донья Соледад извиняющимся тоном, когда я наблюдал за ней с расстояния десяти футов.

Она показала мне ладони своих рук в жесте капитуляции, как бы заверяя меня, что то, что я ощутил, не было ее рукой.

— Что ты сделала со мной? — спросил я, пытаюсь говорить спокойно и отрешенно.

Она казалась совершенно озадаченной и растерянной. Она пробормотала что-то и встряхнула головой, словно не могла сказать это или не знала, о чем я говорю.

— Ну ладно, донья Соледад, сказал я, подойдя ближе к ней, — не разыгрывай трюков со мной.

Казалось, она вот-вот расплачется. Я хотел утешить ее, но какая-то часть меня сопротивлялась. После краткой паузы я сказал ей, что я ощущал и видел.

— Это действительно ужасно! — сказала она пронзительным голосом. Очень детским жестом она закрыла свое лицо правым предплечьем. Я подумал, что она плачет. Я подошел к ней и попытался было обнять своей рукой ее плечо. Я не мог заставить себя сделать это.

Я остановился перед ней, чтобы посмотреть ей в лицо. Я мог видеть ее черные сияющие глаза и часть ее лица за рукой. Она не плакала. Она улыбалась.

Я отскочил назад. Ее улыбка ужасала меня. Мы оба долго стояли неподвижно. Она продолжала закрывать свое лицо, но я мог видеть ее глаза, которые наблюдали за мной.

Когда я стоял там, почти парализованный страхом, я ощущал крайнюю подавленность. Я оказался в безвыходном положении. Донья Соледад была колдуньей. Мое тело знало это, и все же я не мог реально поверить в это. Я хотел верить в то, что донья Соледад стала сумасшедшей и содержится в этом доме как в психушке.

Я не отважился двинуться или отвести свои глаза от нее. Мы, должно быть, стояли в этом положении пять или шесть минут. Она держала свою руку поднятой и, несмотря на это, неподвижной. Она стояла около задней части машины, прислонившись почти к левому крылу. Крышка багажника все еще была открыта. Я задумал сделать бросок к правой двери. Ключи были в зажигании.

Я немного расслабился, чтобы набрать импульс для бега. Она, казалось, немедленно заметила изменение моего положения. Ее рука двинулась вниз, открывая все ее лицо. Ее зубы были стиснуты. Глаза свои она фиксировала на мне. Взгляд их был суров и неприветлив. Внезапно она, пошатываясь, направилась ко мне. Она ступила вперед правой ногой и протянула вперед скрюченные кисти, пытаясь схватить меня за талию, и испустила пронзительный крик.

Мое тело отпрыгнуло назад из пределов ее досягаемости. Я побежал к машине, но она с непостижимой ловкостью бросилась к моим ногам и сделала мне подножку. Я упал лицом вниз, и она быстро схватила меня за левую ногу. Я поджал свою правую ногу и стал колотить ее в лицо подошвой моего ботинка, пока она не отпустила меня и не отпрыгнула назад. Я вскочил на ноги и попытался открыть дверь машины. Она была заперта. Я бросился над капотом к другой стороне, но каким-то образом донья Соледад оказалась там раньше меня. Я попытался перекатиться назад над капотом, но на полпути ощутил резкую боль в своей правой икре. Она схватила меня за ногу. Я не мог ударить ее левой ногой, она прижала мои обе ноги к капоту. Она потащила меня к себе, и я упал на нее сверху. Мы продолжали бороться на земле. Ее сила была поразительной, а ее вопли были ужасными. Я едва мог двигаться под действием гигантского давления ее тела. Дело было не в весе, а скорее в напряжении, и оно у нее было. Внезапно я услышал рычание и огромный пес прыгнул ей на спину и отшвырнул ее от меня. Я встал. Я хотел попасть в машину, но женщина и пес боролись около двери. Единственным спасением было пойти в дом. Я сделал это за одну-две секунды. Я не обернулся, чтобы посмотреть на них, а бросился внутрь и захлопнул дверь за собой, закрыв ее железной щеколдой, которая находилась на ней. Я побежал в заднюю часть дома и сделал то же самое с другой дверью.

Изнутри я мог слышать яростное рычание пса и нечеловеческие вопли женщины. Затем вдруг лай и рычание пса превратились в вой и скуление, как будто ему было больно или как будто что-то напугало его. Я ощутил дерганье под ложечкой. Уши у меня начали гудеть. Я понял, что попал в ловушку внутри дома. У меня был приступ полнейшего ужаса. Я клял себя за идиотскую идею — забежать в дом. Атака женщины привела меня в такое интенсивное замешательство, что я потерял всякое стратегическое чутье и вел себя так, как будто убегал от обычного противника, которому можно было преградить дорогу, просто закрыв дверь. Я слышал, как кто-то подошел к двери и налег на нее, пытаясь открыть. Затем послышались громкие стуки и сильные удары по ней.

— Открой дверь, — сказала донья Соледад твердым тоном. — проклятая собака покалечила меня.

Я взвешивал, впустить ее или нет. Тут мне на ум пришло воспоминание о столкновении, которое у меня было несколько лет тому назад с одной женщиной-магом, которая, если верить дону Хуану, приняла его обличье, чтобы обмануть меня и нанести смертельный удар. Очевидно, донья Соледад не была такой, какой я ее знал, но у меня были причины сомневаться, что она была магом. Паблито, Нестор и я находились в контакте с доном Хуаном и доном Хенаро в течение целого ряда лет, и мы не были хоть сколько-нибудь магами, как же им могла быть донья Соледад? Независимо от того, сколь

сильно она изменилась, она не могла импровизировать нечто такое, что потребовало бы целой жизни для своего осуществления.

— Почему ты нападаешь на меня? — спросил я, говоря громко, чтобы ей было слышно меня через толстую дверь.

Она не ответила; вместо этого она стала яростно колотить по двери, а я с такой же силой отражал удары. Мы продолжали стук по двери несколько минут. Она остановилась и стала просить меня открыть дверь. Я почувствовал прилив нервной энергии. Я знал, что если я открою дверь, то у меня будет шанс спастись бегством. Я снял щеколду с двери. Она вошла пошатываясь. Ее блуза была разорвана. Лента, удерживающая волосы, свалилась, и ее длинные волосы рассыпались по всему лицу.

— Посмотри, что этот сын суки сделал со мной! — закричала она. — посмотри! Посмотри!

Я глубоко вздохнул. Она казалась несколько ошеломленной. Она села на скамейку и начала снимать свою порванную блузу. Я воспользовался этим, чтобы выбежать из дома и рвануться к машине. С быстротой, порожденной исключительно страхом, я заскочил внутрь, захлопнул дверь, автоматически включил мотор и дал задний ход. Я нажал на педаль газа и повернул голову, чтобы посмотреть назад через заднее стекло. Когда я повернулся, я ощутил горячее дыхание на своем лице; я услышал устрашающее рычание и в одно мгновение увидел демонические глаза пса. Я увидел его ужасные зубы почти у своих глаз. Я быстро наклонил голову. Его зубы схватили мои волосы. Я весь изогнулся на сидении и, делая это, смог включить сцепление. Резкая остановка машины заставила пса потерять равновесие. Я открыл дверь и выскочил. Голова пса выглядывала из двери. Я услышал клацанье его огромных зубов, когда его пасть захлопнулась, промахнувшись всего на несколько дюймов от моих каблук. Машина начала выруливать обратно, и я сделал другой бросок к дому. Достигнув двери, я остановился.

Там стояла донья Соледад. Она снова подвязала свои волосы. Она накинула шаль себе на плечи. Она быстро взглянула на меня, а затем начала смеяться, сначала очень мягко, словно ее раны причиняли ей боль, а потом громко. Она указывала на меня пальцем и придерживала живот, конвульсивно содрогаясь от смеха. Она выгнулась и потянулась, по-видимому для того, чтобы задержать дыхание. Она была обнажена выше талии. Мне были видны ее груди, сотрясающиеся от смеха.

Я почувствовал, что все было потеряно. Я обернулся, чтобы взглянуть на машину. Она проехала 4 — 5 футов и остановилась; дверь снова захлопнулась, закрыв пса внутри. Мне было видно и слышно, как огромный зверь грызет спинку переднего сидения и скребет окно.

Я встал лицом к лицу в этот момент перед очень своеобразным решением. Я не знал, кто перепугал меня больше, донья Соледад или ее пес. После короткого размышления я решил, что собака была всего лишь глупым животным.

Я побежал обратно к машине и взобрался на крышу. Шум разъярил пса. Я слышал, как он разрывал обивку. Лежа на крыше, я ухитрился открыть дверь водителя. Моей идеей было открыть обе двери, а затем соскользнуть с крыши в машину через одну из дверей после того, как пес выскочит через другую. Я наклонился вниз, чтобы открыть правую дверь. Я забыл, что она была заперта. В этот момент голова пса высунулась из открытой двери. У меня возник приступ слепой паники при мысли, что собака собирается выскочить из машины и прыгнуть на крышу.

Менее чем за секунду я соскочил на землю и очутился стоящим у двери дома.

Донья Соледад подвязывалась в дверном проеме. Смех выходил из нее отдельными приступами, которые казались почти болезненными.

Пес остался внутри машины, все еще пуская пену от ярости. Очевидно, он был чересчур велик и не мог пропихнуть свое массивное тело над передним сиденьем. Я подошел к машине и осторожно закрыл дверь снова. Я поискал длинную палку, чтобы открыть замок правой двери.

Я занимался поисками на площадке перед домом. Вокруг не было ни единого куска дерева. Тем временем донья Соледад ушла внутрь дома. Я оценил свою ситуацию. У меня не было другой альтернативы, кроме как обратиться к ее помощи. С большим беспокойством я переступил порог, смотря во все стороны на тот случай, если она прячется за дверью, подстерегая меня.

— Донья Соледад! — выкрикнул я.

— Какого черта тебе надо? — крикнула она из своей комнаты.

— Пожалуйста, выйди и заведи свою собаку из моей машины, — сказал я.

— Ты шутишь? — ответила она. — это не моя собака. Я тебе уже говорила, что она принадлежит моим девочкам.

— А где твои девочки? — спросил я.

— Они в горах, — ответила она.

Она вышла из своей комнаты и уставилась на меня.

— Хочешь увидеть, что этот проклятый пес сделал со мной? — спросила она сухим тоном. — смотри!

Я не нашел никаких видимых отметин зубов на ее спине, там было только несколько длинных глубоких царапин, которые она могла получить в результате трения о твердую почву. В конце концов она могла поцарапаться, нападая на меня.

— Там ничего нет, — сказал я.

— Пойди и посмотри на свету, — сказала она и подошла к двери.

Она настаивала, чтобы я искал глубокие раны от собачьих зубов. Я чувствовал себя глупо. Я чувствовал тяжесть вокруг глаз, особенно на бровях. Вместо этого я вышел. Пес не двигался и начал гавкать, как только я вышел из дома.

Я проклинал себя. Мне некого было обвинять, кроме самого себя. Я попал в эту ловушку, как дурак. Затем тут же я решил сходить в город. Но мой бумажник, мои документы, все, что у меня было, находилось в моем портфеле на полу машины, как раз под ногами собаки. Меня охватило отчаяние. В город идти было бесполезно. Денег, которые были у меня в кармане, не хватило бы даже на чашку кофе. У меня не было другой альтернативы, кроме как выгнать пса из машины.

— Какой пищей питается эта собака? — закричал я, стоя у двери.

— Почему бы тебе не попробовать дать ей свою ногу? — крикнула донья Соледад в ответ из своей комнаты и захихикала.

Я поискал немного приготовленной пищи в доме. Горшки были пустыми. Не оставалось ничего другого, как снова обратиться к ней. Мое отчаяние сменилось гневом. Я ворвался в ее комнату, готовый к борьбе до конца. Она лежала на своей кровати, укрытая шалью.

— Пожалуйста, прости меня за все, что я тебе сделала, — сказала она напрямик, глядя в потолок.

Ее решительность погасила мой гнев.

— Ты должен понять мое положение, — продолжала она. — я не могла позволить тебе уйти.

Она мягко засмеялась и ясным спокойным голосом сказала, что она виновата в том, что была алчной и грубой, что она почти достигла успеха в том, что бы напугать меня своим шутством, но что ситуация внезапно изменилась. Она сделала паузу и села в постели, прикрыв свои груди шалью, а затем добавила, что в ее тело снизошла странная уверенность. Она подняла взгляд к потолку и начала двигать руками странным ритмическим образом, как ветряная мельница.

— Для тебя не существует способа уехать сейчас, — сказала она.

Она изучающе смотрела на меня без всякого смеха. Мой внутренний гнев утих, но отчаяние было сильнее, чем когда бы то ни было. Я действительно знал, что в отношении фактической силы я не мог сравниться ни с ней, ни с псом.

Она сказала, что наша встреча была предрешена годы тому назад, что никто из нас не имел достаточно силы, чтобы ускорить ее или воспрепятствовать ей.

— Не борись с собой, пытайся уехать, — сказала она. — это так же бесполезно, как моя попытка удержать тебя здесь. Нечто помимо твоей воли вызовет тебя отсюда, и нечто помимо моей воли удержит тебя здесь.

Каким-то образом ее уверенность не только смягчила ее, но и дала ей большую власть над словами. Ее утверждения были неотразимыми и кристально ясными. Дон Хуан уже говорил, что я был доверчивой душой, когда дело доходило до слов. Когда она говорила, я обнаружил, что думаю, будто она в действительности не была такой угрожающей, как я думал. Она больше не производила ощущения, как будто она готова к нападению. Мой разум чувствовал себя почти свободно, но другая часть меня — нет. Все мускулы моего тела были как натянутая проволока, и, тем не менее, я должен был признаться самому себе, что хотя она испугала меня до потери сознания, я нашел ее очень притягательной. Она наблюдала за мной с блеском в глазах. Ее маленькие белые зубы придавали ее улыбке дьявольский вид. Круглое лицо ее было странно гладким и совершенно лишенным морщин. Две глубокие линии, сбегаящие с обеих сторон носа к уголкам рта, придавали ее лицу выражение зрелости, но не возраста. Когда она вставала с постели, ее шаль соскользнула вниз, обнажив ее полные груди. Она не дала себе труда накрыться снова. Вместо этого она выпятила грудную клетку и подняла груди.

— О, ты уже заметил, да? — сказала она и повернула свое тело из стороны в сторону, как будто была довольна собой. — я всегда подвязываю свои волосы за головой. Нагваль сказал мне сделать так. Натяжение делает мое лицо моложе.

Я был уверен, что она собирается говорить о своих грудях. Ее уловка поразила меня.

— Я не имею в виду, что натяжение моих волос заставляет меня выглядеть моложе, — продолжала она с чарующей улыбкой, — натяжение моих волос делает меня моложе.

— Как это возможно? — спросил я.

Она ответила мне вопросом. Она поинтересовалась, понял ли я как следует дона Хуана, когда он говорил, что любая вещь становится возможной, если человек хочет ее с непреклонной настойчивостью. Я желал более точного объяснения. Я хотел знать, что она еще делает, кроме стягивания своих волос, чтобы выглядеть такой молодой. Она сказала, что она ложится в своей постели и опустошает себя от всех мыслей и ощущений, а затем позволяет линиям своего тела изгладить все морщины прочь. Я добивался от нее больше деталей: какие ощущения, чувствования, восприятия она испытывала, лежа в своей постели. Она настаивала, что она не ощущала ничего, что она не знала, как действуют линии ее тела, что она знала только то, что не надо позволять своим мыслям вторгаться.

Она сложила руки на мою грудь и очень мягко подтолкнула меня. Это был жест, что с нее довольно моих вопросов. Мы вышли наружу через заднюю дверь. Я сказал ей, что мне нужна длинная палка. Она сразу пошла к куче дров, но там не было длинных палок. Я спросил ее, не может ли она дать мне пару гвоздей, чтобы скрепить два куска из дровяной кучи. Мы безуспешно обыскали весь дом в поисках гвоздей. Наконец, мне удалось вытащить самую длинную палку, какую я мог найти, из клетки для цыплят, которую Паблито построил за домом. Эта палка, хотя и была немного хрупкой, показалась подходящей для моей цели.

Донья Соледад не улыбалась и не шутила во время наших поисков. Она казалась полностью поглощенной своей задачей помочь мне. Ее концентрация была такой интенсивной, что я ощутил, что она желала мне успеха.

Я пошел к своей машине, вооруженный длинной палкой, а также короткой из дровяной кучи. Донья Соледад стояла у передней двери.

Я стал дразнить собаку короткой палкой в правой руке и в то же время пытался освободить замок длинной палкой, находящейся в другой руке. Пес едва не цапнул меня за правую руку и заставил выпустить короткую палку. Ярость и сила огромного зверя были такими неизмеримыми, что я чуть не потерял длинную палку тоже. Пес готовился перекусить ее надвое, как донья Соледад вдруг пришла мне на помощь; колотя по заднему окошку, она отвлекла на себя внимание пса, и он позволил забрать палку.

Воодушевленный ее отвлекающим маневром, я нырнул головой вперед, проскользнул по всей длине переднего сидения и сумел освободить замок. Я попытался немедленно отступить назад, но пес набросился на меня всей своей мощью и фактически его массивные плечи и передние лапы нависли над передним сиденьем, прежде чем я успел вернуться назад. Я ощущал его лапы на своем плече. Я съежился от страха. Я знал, что он хочет растерзать меня. Пес наклонил свою голову, собираясь прикончить меня, но вместо того, чтобы укусить меня, он ударился о рулевое колесо. Я стремительно рванул и одним движением выскочил на капот, а затем на крышу. Все мое тело было избито.

Я открыл правую дверь. Я попросил донью Соледад подать мне длинную палку и ею нажал на рычаг, чтобы освободить спинку из вертикального положения. Я полагал, что если я буду дразнить пса, он свалит ее вперед и тем самым проложит себе путь к выходу из машины. Но он не двигался. Он лишь яростно грыз палку.

В этот момент донья Соледад вскочила на крышу и легла рядом со мной. Она хотела помочь мне дразнить собаку. Я сказал ей, что она не может оставаться на крыше, так как, когда пес вылезет, я собираюсь забраться в машину и уехать. Я поблагодарил ее за помощь и сказал, что ей следует вернуться в дом. Она пожала плечами, спрыгнула вниз и пошла обратно к двери. Я нажал на защелку снова и своей фуражкой стал дразнить пса. Я хлопал около его глаз прямо перед его мордой. Ярость пса была неопишуемой, однако он не собирался покидать сидение. Наконец его массивные лапы выбили палку из моей руки. Я спустился вниз, чтобы поднять ее из-под машины. Внезапно я услышал пронзительный крик доньи Соледад.

— Осторожно! Он вылезает!

Я взглянул на машину. Пес протискивался над сиденьем. Его задние лапы застряли в рулевом колесе. За исключением этого он был почти вне машины.

Я бросился к дому и оказался внутри как раз вовремя для того, чтобы это животное не успело настигнуть меня. Его разгон был таким сильным, что он с размаху налетел на дверь.

Заперев дверь на щеколду, донья Соледад сказала, хихикая:

— Я говорила тебе, что это было бесполезно.

Она прочистила свое горло и повернулась, чтобы посмотреть на меня.

— Ты можешь связать его веревкой? — спросил я.

Я был уверен, что она даст мне ничего не значащий ответ, но, к моему удивлению, она сказала, что мы должны испробовать все, даже заманить собаку в дом и закрыть ее там.

Ее идея привлекла меня. Я осторожно открыл переднюю дверь. Пса там больше не было. Я рискнул высунуться немного больше. Его не было видно. Я надеялся на то, что пес ушел обратно в свой кораль. Я собирался немного подождать и затем сделать бросок к машине, как вдруг я услышал сильное рычание и увидел массивную голову зверя внутри своей машины. Он забрался опять на переднее сидение.

Донья Соледад была права, было бесполезно пытаться. Волна уныния охватила меня. Каким-то образом я знал, что мой конец был близок. В приступе полнейшего отчаяния я сказал донье Соледад, что собираюсь взять нож из кухни и убить пса, либо быть убитым им, и я сделал бы это, если бы не оказалось, что во всем доме нет ни одного металлического предмета.

— Разве Нагваль не учил тебя принимать свою судьбу? — спросила донья Соледад, следуя по пятам за мной. — этот пес не обычная собака. Этот пес имеет силу. Он воин. Он сделает то, что должен сделать. Даже убьет тебя.

У меня был момент неконтролируемого срыва, я схватил ее за плечи и зарычал. Она не казалась удивленной или тронутой моим внезапным взрывом. Она повернулась ко мне спиной и сбросила свою шаль на пол. Ее спина была очень сильной и красивой. У меня было непреодолимое желание ударить ее, но вместо этого я провел рукой по ее плечам. Ее кожа была мягкой и гладкой. Ее руки и плечи были мускулистыми, не будучи большими. У нее, по-видимому, был минимальный слой жира, который окружал ее мускулы и придавал верхней части ее тела видимость гладкости, и тем не менее, когда я надавливал на любую часть ее тела кончиками пальцев, я мог чувствовать твердость невидимых мускулов под гладкой поверхностью. Я не хотел смотреть на ее груди.

Она пошла на крытую площадку в задней части дома, которая служила кухней. Я последовал за ней. Она села на скамейку и спокойно помыла ноги в бадье. Когда она обувала сандалии, я пошел в большой тревоге в новую постройку, которая была сделана в большой части дома. Она стояла около двери, когда я выходил.

— Ты любишь говорить, — сказала она мимоходом, ведя меня в свою комнату. — торопиться некуда, теперь мы можем говорить вечно.

Она достала мой блокнот с верхушки своего комода, куда она, должно быть, сама положила его, и вручила его мне с преувеличенной любезностью. Затем она сняла покрывало, аккуратно сложила его и положила верхушку того же комода. Тут я заметил, что оба комода были под цвет стен, желтовато-белыми, а постель без покрывала рыжевато-красной, более или менее под цвет пола. Покрывало с другой стороны темно-коричневым, наподобие дерева потолка и деревянных панелей окон.

— Давай поговорим, — сказала она, сняв сандалии и удобно усаживаясь на постели.

Она поместила свои колени напротив своих обнаженных грудей. У нее был вид молодой девушки. Ее агрессивность и властная манера смягчились и сменились обаянием. В этот момент она была полной противоположностью тому, чем она была раньше. Я вынужденно рассмеялся над тем, как она убеждала меня писать. Она напомнила мне дону Хуана.

— Теперь у нас есть время, — сказала она. — ветер изменился. Ты заметил это?

Я заметил. Она сказала, что новое направление ветра было ее собственным благоприятным направлением, и таким образом, ветер превратился в ее помощника.

— Что ты знаешь о ветре, донья Соледад? — спросил я, когда спокойно уселся в ногах ее постели.

— Только то, чему Нагваль научил меня, — сказала она. — каждая из нас, то есть женщин, имеет специфическое направление, особый ветер. Мужчины не имеют. Я северный ветер; когда он дует, яд делаюсь другой. Нагваль сказал, что женщина-воин может использовать свой особый ветер для всего, чего она захочет. Я использовала его, чтобы привести в порядок свое тело и переделать его. Смотри на меня! Я — северный ветер. Ощути меня, когда я вхожу через окно.

Сильный ветер дул через окно, которое было стратегически размещено так, чтобы быть обращенным к северу. — почему ты думаешь, что мужчины не имеют ветра? — спросил я.

Она на мгновение задумалась, а затем ответила, что Нагваль никогда не упоминал почему.

Ты хочешь знать, кто сделал этот пол? — сказала она, закутывая одеялом плечи. — я сделала его сама. Я потратила четыре года, чтобы выложить его. Теперь этот пол подобен мне самой.

Когда она говорила, я заметил, что сходящиеся линии на полу были ориентированы так, что начинались с севера. Однако комната не была расположена совершенно в

соответствии со странами света; поэтому ее постель располагалась под некоторым углом к стенам, и так же шли линии, образованные глиняными плитками.

— Почему ты сделала пол красным, донья Соледад?

— Это мой цвет. Я красная, подобно красной почве. Я нашла красную глину в горах поблизости отсюда. Нагваль сказал мне, где искать, и он также помогал мне носить ее, и то же делали все остальные. Они все помогали мне.

— Как ты обжигала глину?

— Нагваль вырыл мне яму. Мы заполнили ее топливом, а потом сложили штабелем глиняные плитки, переложив их плоскими кусочками камня. Я закрыла яму крышкой из почвы и проволоки и подожгла деревянные дрова. Они горели несколько дней.

— Как ты уберегла плитки от искривления?

— Это не я. Это делал ветер, который дул все время, пока горел огонь. Нагваль показал мне, как копать яму, чтобы она была обращена лицом к северу и северному ветру. Он также заставил меня оставить четыре дыры для северного ветра, чтобы он дул в яму. Потом он велел мне оставить одну дыру в центре крышки, чтобы мог выходить дым. Ветер заставил гореть дерево несколько дней; когда яма остыла, я открыла ее и начала чистить и выравнивать плитки. Мне потребовалось больше года, чтобы сделать достаточное количество плиток и закончить пол.

— Как ты придумала узор?

— Ветер научил меня этому. Когда я делала свой пол, Нагваль уже научил меня не сопротивляться ветру. Он показал мне, как поддаться моему ветру и позволять ему руководить мною. На это он потратил много времени, годы и годы. Я была очень очень упрямой, неразумной старой женщиной вначале; он сказал мне это сам, и он был прав. Но я училась очень быстро. Наверное потому, что я старая и мне больше нечего терять. В самом начале у меня были большие трудности со страхом, который у меня был. Одно присутствие Нагваля заставляло меня заикаться и робеть. Нагваль производил такой же эффект на всех остальных. Это была его судьба — быть таким устрашающим.

Она перестала говорить и устремила на меня взгляд.

— Нагваль не человеческое существо, — сказала она.

— Что заставляет говорить тебя это?

— Нагваль — дьявол, кто знает с какого времени.

Ее утверждения бросили меня в озноб. Я ощутил, что мое сердце колотится. Она, безусловно, не могла бы найти лучшего слушателя. Я был заинтересован в высшей степени. Я попросил ее объяснить, что она имеет в виду.

— Контакт с ним изменил людей, — сказала она. — ты знаешь это.

Он изменил твоё тело. В твоём случае ты даже не знаешь, что он сделал это. Но он вошел в твоё старое тело. Он что-то вложил в него. То же самое он сделал со мной. Он оставил нечто во мне и это нечто взяло верх. Только дьявол может сделать это. Теперь я северный ветер и я не боюсь никого и ничего. Однако, до того, как он изменил меня, я была слабой безобразной старой женщиной, которая робела от одного упоминания его имени. Паблито, конечно, не мог помочь мне, так как он боялся Нагваля пуще смерти.

Однажды Нагваль и Хенаро пришли в дом, когда я была одна. Я слушала их за дверью, словно подкрадывающихся ягуаров. Я перекрестилась; для меня они были двумя демонами, однако, я вышла, чтобы посмотреть, что я смогу сделать для них. У меня были миски, сделанные из тыквы, и я дала обоим мужчинам по миске супа. Нагваль, по-видимому, не был признателен за еду; он не хотел есть пищу, приготовленную такой слабой женщиной, ссылающейся на свою неуклюжесть, и бросил миску со стола взмахом руки. Но миска, вместо того, чтобы перевернуться и вылить содержимое на пол, силой Нагваля соскользнула и упала на мою ногу, не пролив ни капли. Миска действительно приземлилась на мою ногу и стояла там, пока я не наклонилась и не подняла ее. Я поставила ее на стол перед ним и сказала ему, что я слабая женщина и всегда боялась его, моя пища имеет добрые чувства.

С этого самого момента Нагваль изменился по отношению ко мне. Тот факт, что миска супа упала на мою ногу и не разлилась, показал ему, что сила укула на меня. Я не знала этого тогда и думала, что он изменился по отношению ко мне потому, что ему было стыдно за отказ от моей пищи. Я не придавала значения этой перемене. Я все еще боялась его и не могла смотреть ему в глаза. Но он начал все больше и больше обращать на меня внимание. Он даже принес мне подарки: шаль, гребенку, платье и другие вещи. Я пришла в ужас. Я стыдилась, так как думала, что он был мужчиной, который ищет женщину. У Нагваля были юные девушки, чего он хотел от такой старой женщины, как я? Сначала я не хотела носить и даже смотреть на его подарки, но Паблито уговорил меня, и я начала носить их. Кроме того, я стала еще больше бояться его и не хотела оставаться наедине с

ним. Я знала, что он был дьявольским мужчиной. Я знала, что он сделал со своей женщиной.

Я ощутил необходимость перебить ее. Я сказал ей, что никогда не знал ни о какой женщине в жизни дона Хуана.

— Ты знаешь, кого я имею в виду, — сказала она.

— Поверь мне, донья Соледад, я не знаю.

— Не говори мне этого. Ты знаешь, что я говорю о ла Горде.

Единственная «ла Горда», которую я знал, была сестра Паблито, чрезвычайно тучная девушка, по прозвищу Горда-толстуха. Я чувствовал, хотя об этом не говорил, что она на самом деле не была дочерью доньи Соледад. Я не хотел нажимать на нее для получения дальнейшей информации. Я внезапно вспомнил, что эта толстая девушка внезапно исчезла из дому и никто не мог или не осмеливался сказать мне, что случилось с ней.

— Однажды я была одна перед домом, — продолжала донья Соледад. — я расчесывала свои волосы гребнем, который дал мне Нагваль; я не догадывалась, что он прибыл и стоит позади меня. Внезапно я ощутила, что его руки охватили меня около подбородка. Я услышала, как он мягко сказал, что я не должна двигаться, иначе моя шея может сломаться. Он повернул мою голову налево. Не совсем, а немного. Я очень испугалась и завизжала и попыталась освободиться от его хватки, но он держал мою голову твердо долгое, долгое время.

Когда он отпустил мой подбородок, я потеряла сознание. Я не помню, что случилось потом. Когда я пришла в себя, я лежала на земле, прямо там, где я сидела. Нагваль уже ушел. Мне не было так стыдно, что я не хотела никого видеть, особенно ла Горду. Долгое время я даже думала, что Нагваль никогда не поворачивал мою шею и что у меня был кошмар.

Она остановилась. Я ожидал объяснения того, что случилось. Она казалась отсутствующей, может быть, задумчивой.

— Что на самом деле случилось, донья Соледад? — спросил я, не сумев сдержать себя. — он действительно что-то сделал с тобой?

— Да, он повернул мою шею, чтобы изменить направление моих глаз, — сказала она и громко засмеялась, увидев мое удивление.

— Я имею в виду, не сделал ли он?..

— Да, он изменил мое направление, — продолжала она, не обращая внимания на мои расспросы. Он сделал это тебе и всем остальным.

— Правильно, он сделал это со мной. Но почему ты думаешь, что он сделал это?

— Он должен был. Это самая важная вещь, которую надо сделать.

Она имела в виду своеобразное действие, которое дон Хуан считал абсолютно необходимым. Я никогда ни с кем не говорил об этом. Фактически, я почти забыл о нем. В начале моего ученичества он однажды развел два небольших костра в горах северной Мексики. Они были, наверное, разделены двадцатью футами. Он велел мне стать на том же расстоянии двадцати футов от них, удерживая свое тело и особенно голову в самом расслабленном и естественном положении. Затем он велел мне стать лицом к одному огню, и зайдя сзади, повернул шею налево и расположил мои глаза, но не мои плечи, по направлению второго огня. Он удерживал мою голову в этом положении в течении нескольких часов, пока огонь не погас. Новое направление было юго-восточным, точнее, он расположил второй огонь в юго-восточном направлении. Я понял все это дело, как одно из загадочных чудачеств дона Хуана, один из его ничего не значащих ритуалов.

— Нагваль сказал мне, что все мы развиваем на протяжении своей жизни одно направление для смотрения, — продолжала она. — это становится направлением глаз духа. С течением лет это направление чрезмерно используется и становится слабым и непривлекательным, а так как мы привязаны к этому особому направлению, мы сами становимся слабыми и непривлекательными. В тот день, когда Нагваль повернул мне шею и держал ее, пока я не упала в обморок от страха, он дал мне новое направление.

— Какое направление он дал тебе?

— Почему ты спрашиваешь это? — сказала она с чрезмерной силой. — ты думаешь, что может быть Нагваль дал мне не сходное направление?

— Я могу сказать тебе, какое направление он дал мне, — сказал я.

— Не надо, — отрезала она. — он сказал мне это сам.

Она казалась возбужденной. Она изменила положение и легла на живот. У меня спина заболела от писания. Я спросил ее, могу ли я сесть на пол и использовать кровать в качестве стола. Она встала и вручила мне сложенное покрывало для использования в качестве подкладки.

— Что еще Нагваль сделал с тобой? — спросил я.

— После изменения моего направления Нагваль по-настоящему стал беседовать со мной о силе, — сказала она, ложась снова. — сначала он говорил об этих вещах от случая к случаю, т.к. он не знал точно, что со мной делать. Однажды он взял меня на короткую прогулку в горы. В другой раз он повез меня на автобусе в свои родные края в пустыню. Мало-помалу я стала привыкать уходить с ним.

— Он когда-нибудь давал тебе растения силы?

— Он однажды дал мне мескалито, когда мы были в пустыне. Но так как я была пустая женщина, мескалито не принял меня. У меня была с ним ужасная встреча. Именно тогда Нагваль понял, что он должен вместо этого познакомить меня с ветром. Это было, конечно, после того, как он получил знак. Он снова и снова повторял в тот день, что хотя он был магом, который научился видеть, если он получил знак, у него нет способа знать, каким путем надо идти. Он уже ожидал несколько дней определенного указания относительно меня. Но сила не хотела дать его. Будучи в безвыходном положении, я думаю, он привел меня к своему гуахе, и я увидела мескалито.

Я перебил ее. Ее употребление слова «гуахе», тыква, привело меня в замешательство. Рассматриваемое в контексте того, что она мне сказала, это слово не имело смысла. Я подумал, что по-видимому, она говорит метафорически или что тыква была эвфемизмом.

— Что такое гуахе, донья Соледад?

В ее глазах появилось удивление. Она сделала паузу, прежде чем ответить.

— Мескалито — гуахе Нагваля, — наконец сказала она.

Но ответ привел меня в еще большее замешательство. Я был удивлен тем, что она, кажется, на самом деле пыталась объяснить мне смысл. Когда я попросил ее дальнейших объяснений, она настаивала на том, что я все знаю сам. Это было излюбленным приемом дона Хуана, чтобы пресечь мои расспросы. Я сказал ей, что дон Хуан говорил мне, что мескалито был божеством, или силой, содержащейся в батонах пейота. Говорить, что мескалито был его тыквой, было абсолютно бессмысленно.

— Нагваль мог познакомить тебя с чем угодно посредством своей тыквы, — сказала она после паузы. — это ключ к его силе. Любой может дать тебе пейот, но только маг, благодаря своей тыкве, может познакомить тебя с мескалито.

Она перестала говорить и уставилась на меня. Ее взгляд был свирепым.

— Почему ты заставляешь повторять то, что уже знаешь? — спросила она сердито.

Я был совершенно захвачен врасплох ее внезапной переменой. Прямо перед этим она была почти мягкой.

— Не обращай внимания на изменения моего настроения, — сказала она снова улыбаясь. — я северный ветер. Я очень нетерпима. Всю свою жизнь я не осмеливалась говорить то, что думаю. Теперь я не боюсь никого. Я говорю то, что ощущаю. Чтобы противостоять мне, ты должен быть сильным.

Она подползла ближе ко мне на животе.

— Итак, Нагваль познакомил меня с мескалито, который вышел из его тыквы, — продолжала она. — однако он не мог предполагать, что могло случиться со мной. Он ожидал нечто вроде твоей собственной встречи элихио с мескалито. В обоих случаях он был в затруднении и предоставлял своей тыкве решать, что делать дальше. В обоих случаях его тыква помогала ему. Со мной было иначе. Мескалито не сказал ему ничего, чтобы вывести меня куда-то: Нагваль и я покинули это место с большой поспешностью. Вместо того, чтобы вернуться домой, мы поехали на север. Мы сели на автобус, идущий в Мехикали, но вышли среди пустыни. Было уже очень поздно. Солнце садилось за горы. Нагваль хотел перейти дорогу и идти к югу пешком. Мы ожидали, пока проедут какие-то быстро мчавшиеся машины, как вдруг он похлопал меня по плечу и указал на дорогу перед нами. Я увидела спираль пыли. Порыв ветра вздымал пыль в стороне дороги. Мы наблюдали как она движется к нам. Нагваль перебежал через дорогу, и ветер окутал меня. Он действительно заставил меня очень легко кружиться, а потом он исчез. Это был знак, которого ожидал Нагваль. С тех пор мы ходили в горы или в пустыню, чтобы искать ветер. Ветер сначала не любил меня, потому что это было мое старое я. Поэтому Нагваль постарался изменить меня. Я уже видела его в тот день, как он кружился в кустах, но на этот раз он появился надо мной и остановился. Он ощущался как птица, которая очутилась на моем животе. Нагваль велел мне снять все мои одежды; я была совершенно голая, но мне не было холодно, так как ветер согревал меня.

— Ты боялась, донья Соледад?

— Боялась? Я оцепенела. Ветер был живой, он облизывал меня с головы до моих пяток. А затем он вошел внутрь моего тела. Я была подобна воздушному шару, и ветер выходил из моих ушей и моего рта и других мест, которые я не хочу упоминать. Я думала, что нахожусь на пороге умирания, и я бы удраала, если бы Нагваль не прижал меня к скале.

Он говорил мне на ухо и успокаивал меня. Я спокойно легла и позволила ветру делать со мной все, что угодно. Именно тогда он сказал мне, что делать.

— Что делать с чем?

— С моей жизнью, моими вещами, моей комнатой, моими ощущениями. Сначала это было неясно. Я думала, что это мои мысли. Нагваль сказал, что все мы делали это. Однако, когда мы спокойны, мы понимаем, что есть нечто еще, говорящее нам разные вещи.

— Ты слышала голос?

— Нет. Ветер движется внутри тела женщины. Нагваль говорит, что это потому, что женщины имеют матку. Когда ветер находится внутри матки, он просто учит тебя и говорит тебе делать разные вещи. Чем более спокойна и расслаблена женщина, тем лучше результаты. Ты можешь сказать, что внезапно женщина оказывается делающей вещи, которые раньше она не представляла, как делать.

С того момента ветер приходил ко мне все время. Он говорил мне в моей матке и рассказывал все, что я хотела знать. Нагваль видел с самого начала, что я была северным ветром. Другие ветры никогда не разговаривали со мной, как он, хотя я научилась различать их.

— Сколько есть разновидностей ветров? — есть четыре ветра, подобно тому, как есть четыре направления. Это конечно относится к магам и к тому, что маги делают. Четыре является числом силы для них. Первый ветер — бриз, утренний ветер. Он приносит надежду и радость: он является вестником дня. Он приходит и уходит и входит во все. Иногда он мягкий и незаметный; в другое время он надоедливый и докучливый.

Другой ветер — суровый ветер, холодный или горячий, либо то и другое вместе. Это полуденный ветер. Губительный, полный энергии, но полный также безрассудства. Он вламывается в двери и рушит стены. Маг должен быть ужасно сильным, чтобы справиться с этим суровым ветром.

Затем есть холодный послеполуденный ветер. Унылый и утомительный, который ни за что не оставит тебя в покое. Он будет приводить тебя в уныние и заставит тебя плакать. Однако Нагваль сказал, что в этом такая глубина, что она заслуживает особого внимания, чтобы искать ее.

И наконец, есть горячий ветер. Он согревает и защищает и окутывает все. Это ночной ветер магов. Его сила приходит вместе с темнотой.

Таковы четыре ветра. Они также связаны с четырьмя направлениями. Бриз — это восток. Холодный ветер — запад. Горячий — юг. Суровый ветер — север.

Четыре ветра имеют также личности. Бриз — игривый, вкрадчивый и переменчивый. Холодный ветер — угрюмый, тоскливый и всегда печальный. Горячий ветер — довольный, безудержный и хвастливый. Суровый ветер — энергичный, властный и нетерпеливый.

Нагваль сказал мне, что четыре ветра являются женщинами. Именно поэтому женщины-воины ищут их. Ветры и женщины родственны друг другу. Это также причина того, что женщины лучше, чем мужчины. Я сказала бы, что женщины учатся быстрее, если они верны своему специфическому ветру.

— Как может женщина узнать, какой ветер является ее специфическим?

— Если женщина успокоилась и не разговаривает сама с собой, ее ветер научит ее, какой это ветер.

Она сделала охватывающий жест.

— Должна ли она лежать обнаженной?

— Это помогает. Особенно, если она застенчивая. Я была толстой старой женщиной. Я никогда в жизни не снимала свои одежды. Я спала в них и купалась всегда накрывшись. Для меня показать свое жирное тело ветру было смерти подобно. Нагваль знал это и шутил над этим всюду. Он знал о дружбе женщин с ветром, однако он привел меня к мескалито, т.к. был введен в заблуждение мною.

После того, как Нагваль повернул мою голову в тот первый ужасный день, он почувствовал ответственность за меня. Он говорил мне, что не имел никакого понятия, что со мной делать. Одно было для него несомненно — ему не нужна была толстая старая женщина, шныряющая вокруг его мира. Нагваль сказал, что он находился со мной в таком же положении, как и с тобой. Он был в растерянности. Оба мы не должны быть здесь. Ты не индеец, а я старая корова. Мы оба бесполезны. Что-то должно было измениться.

Женщина, конечно, гораздо податливее мужчины. Женщина изменяется очень легко под воздействием силы мага. Особенно силы такого мага, как Нагваль. Ученик-мужчина, согласно Нагвалю, крайне упрямый. Например, ты сам не изменился так сильно, как ла Горда, а она вступила на свой путь ученичества после тебя. Женщина мягче и более послушна, а сверх всего, женщина подобна тыкве: она воспринимает. Но так или иначе,

мужчина имеет в своем распоряжении больше силы. Впрочем, Нагваль никогда не соглашался с этим. Он также считал, что я ощущала, что мужчины лучше только потому, что я пустая женщина. Он, должно быть, был прав. Я была пустой так долго, что я не могу вспомнить, как ощущать, будучи полной. Нагваль сказал, что если я когда-нибудь стану полной, мои ощущения на этот счет изменятся. Однако, если бы он был прав, то его Горда сделала бы также хорошо, как Горда, а, как ты знаешь, это не так.

Я не мог следить за течением ее повествования, т.к. она подразумевала, что я знаю, что она имеет в виду. В данном случае я не имел никакого понятия о том, что сделали элихио или ла Горда.

— Чем ла Горда отличалась от элихио?

Она на миг взглянула на меня, как бы оценивая что-то во мне. Затем она села, подтянув колени к груди.

— Нагваль рассказал мне все, — сказала она, оживившись, — Нагваль не имел секретов от меня. Элихио был самым лучшим, поэтому его теперь нет в мире. Он не вернулся. Фактически, он был таким безупречным, что ему не было необходимости прыгать с обрыва, когда его ученичество было закончено. Он был подобен Хенаро; в один день, когда он работал в поле, что-то пришло и забрало его отсюда.

У меня возникло желание спросить ее, действительно ли я прыгал с обрыва в пропасть. Я некоторое время колебался, прежде чем задать свой вопрос. В конце концов я приехал увидеть Паблито и Нестора, чтобы задать им этот вопрос. Любая информация, которую я мог получить на эту тему от любого человека, вовлеченного в мир дон Хуана, была действительно полезна для меня.

Она засмеялась на мой вопрос, как я и предвидел.

— Ты имеешь в виду, что не знаешь, что ты сам делал? — спросила она.

— Это слишком необычно, чтобы быть реальным, — сказал я.

— Это, несомненно, мир Нагваля. Ни одна вещь в нем не является реальной. Но тем не менее ученики-мужчины должны прыгнуть. Если они не являются такими поистине замечательными, как элихио.

Нагваль взял нас, меня и ла Горда, на ту гору и велел нам смотреть вниз на ее подножие. Там он показал нам вид летающего Нагваля, каким он был. Но только ла Горда могла следовать за ним. Она тоже хотела прыгнуть в пропасть. Нагваль сказал ей, что это бесполезно. Он сказал, что женщины-воины должны делать вещи более трудные и болезненные, чем это. Он сказал нам также, что прыжок был предназначен только для вас четверых. Так оно и случилось, вы четверо прыгнули.

Она сказала, что мы четверо прыгнули, но я знал только, что это сделали Паблито и я. В свете ее утверждений я сделал вывод, что за нами, должно быть, последовали дон Хуан и дон Хенаро. Это не показалось мне странным, это было довольно приятно и трогательно.

— О чем ты говоришь? — спросила она, когда я высказал вслух свои мысли. — я имела ввиду тебя и трех учеников Хенаро. Ты, Паблито и Нестор прыгнули в один и тот же день.

— А кто третий ученик Хенаро? Я знаю только Паблито и Нестора.

— Ты хочешь сказать, что Бениньо не был учеником Хенаро?

— Нет, не знаю.

— Он был самым старым учеником Хенаро. Он прыгнул до того, как это сделал ты, и он прыгнул сам.

Бениньо был одним из пяти индейских юношей, которых я однажды встретил, когда однажды бродил с доном Хуаном в Сокорской пустыне. Они искали предметы силы. Дон Хуан сказал мне, что все они были учениками магии. Я завязал особую дружбу с Бениньо за те несколько раз, когда я видел его после того дня. Он был из южной мексики. Он мне очень нравился. По какой-то неизвестной причине, он, по-видимому, наслаждался, создавая дразнящую тайну вокруг своей личности. Я никогда не мог выяснить, чем он был или что он делал. Каждый раз, когда я разговаривал с ним, он сбивал с толку обезоруживающей прямоотой, с которой он отклонял мои расспросы. Однажды дон Хуан по своему почину дал некоторую информацию о Бениньо и сказал, что он был очень удачлив, найдя учителя и бенефактора. Я принял утверждения дон Хуана как случайное замечание, которое ничего особенного не означало. Донья Соледад прояснила мне загадку 10-летней давности.

— Как ты думаешь, почему дон Хуан никогда не говорил мне ничего о Бениньо?

— Кто знает? Должно быть у него была причина. Нагваль никогда ничего не делал необдуманно.

Я должен был откинуть свою ноющую спину к ее постели, прежде чем продолжать писание.

— Что случилось с Бениньо?

С ним все в порядке. По-видимому, его положение лучше, чем у кого бы то ни было другого. Ты увидишь его. Он вместе с Паблито и Нестором. Сейчас они неразлучны. На них печать Хенаро. То же самое случилось с девочками; они неразлучны, так как на них печать Нагваля.

Я должен был ее перебить снова и попросить объяснить, о каких девочках она говорит.

— О моих девочках, — сказала она.

— О твоих дочерях? Я имел в виду — о сестрах Паблито?

— Они не сестры Паблито. Они ученицы Нагваля.

Ее сообщение шокировало меня. С тех пор, как я встретил Паблито несколько лет тому назад, я был склонен верить, что четыре девушки, которые жили в его доме, были его сестрами. Дон Хуан сам говорил мне это. У меня был внезапный рецидив ощущения отчаяния, которое я испытывал всю вторую половину дня. Донья Соледад не следовало верить, она подстраивала какую-то каверзу. Я был убежден, что дон Хуан не мог ни при каких условиях так грубо обмануть меня. Донья Соледад изучала меня с явным любопытством.

— Ветер только что сказал мне, что ты не веришь в то, что я сказала тебе, — сказала она и засмеялась.

— Ветер прав, — сказал я сухо.

— Девочки, которых ты видел на протяжении ряда лет, принадлежат Нагвалю. Они были его ученицами. Теперь, когда Нагваль ушел, они являются самим Нагвалем. Но они также являются моими девочками. Моими!

Ты имеешь в виду, что ты не являешься матерью Паблито и они в действительности являются твоими дочерьми?

— Я имею в виду, что они мои. Нагваль дал мне их на хранение. Ты всегда ошибаешься, так как полагаешься на слова, чтобы объяснить все. Так как я мать Паблито, и ты слышал, что они мои девочки, ты сделал вывод, что они должны быть братом и сестрами. Девочки являются моими настоящими детьми. Паблито, хотя и является ребенком, вышедшим из моей утробы, — мой смертельный враг.

Моя реакция на ее утверждения была смесью отвращения и гнева. Я подумал, что она не только ненормальная, но и опасная женщина. Так или иначе, часть меня знала это с самого момента моего прибытия сюда.

Она долго наблюдала за мной. Чтобы не глядеть на нее, я снова сел на покрывало.

— Нагваль предупреждал меня о твоих причудах, — сказала она внезапно, но я не могла понять, что он имеет в виду. Теперь я понимаю. Он говорил мне, чтобы я была осторожной и не сердила тебя, так как ты отчаянный. Я извиняюсь, что не была такой осторожной, какой должна была быть. Он так же сказал, что когда ты пишешь, ты игнорируешь это и даже не ощущаешь этого. Я не беспокоила тебя на счет этого. Затем он сказал мне, что ты недоверчив, так как слова запутывают тебя. Я и тут не беспокоила тебя. Я заговорила до умопомрачения, пытаюсь не запутать тебя.

В ее тоне было молчаливое обвинение. Я чувствовал себя сбитым с толку и раздосадованным.

В это, что ты говоришь трудно поверить, — сказал я. — либо ты, либо дон Хуан ужасно обманули меня.

— Никто из нас не обманывал. Ты понимаешь только то, что ты хочешь понять. Нагваль сказал, что это обусловлено твоей пустотой. Девочки — дети Нагваля, подобно тому, как ты и Элихио — его дети. Он сделал шесть детей, четырех женщин и двух мужчин. Хенаро сделал трех мужчин. Всего получается девять. Один из них, Элихио, уже сделал это, так что теперь вас осталось восемь пытающихся...

— Куда ушел Элихио?

— Он ушел, чтобы присоединиться к Нагвалю и Хенаро.

— А куда они ушли?

— Ты знаешь, куда они ушли. Ты сейчас дурачишь меня, не так ли?

— Но это главное, донья Соледад, я не дурачу тебя.

— Тогда я скажу тебе. Я не могу ни в чем отказать тебе. Нагваль и Хенаро ушли обратно в то самое место, из которого они пришли в другой мир. Когда пришло их время, они просто вступили во тьму, а так как они не собирались возвращаться обратно, то тьма ночи поглотила их.

Я чувствовал, что было бесполезно расспрашивать ее дальше. Я собрался сменить тему, но она заговорила первая.

— Ты схватил проблеск другого мира, когда прыгнул, — продолжала она. — но, наверное, прыжок привел тебя в замешательство. Очень плохо. С этим ничего не поделаешь. Это твоя судьба — быть мужчиной. Женщины лучше мужчин в этом смысле.

Им не нужно прыгать в пропасть. Женщины имеют свои собственные пути. Они имеют свою собственную пропасть. Женщины менструируют. Нагваль говорил мне, что это является дверью для них. В течение своего женского периода они становятся чем-то еще. Я знаю, что это было время, когда он учил моих девочек. Мне уже было слишком поздно; я уже слишком стара, поэтому я на самом деле не знаю, как выглядит эта дверь. Однако, Нагваль настаивал на том, чтобы девочки уделяли внимание всему, что происходит с ними в течение этого времени. Он обычно брал их в течение этих дней в горы и оставался там с ними до тех пор, пока они не видели трещину между мирами.

Так как Нагваль не колебался и не боялся делать любые вещи, он безжалостно нажимал на них, чтобы они сами смогли обнаружить, что в женщинах есть трещина, которую они очень хорошо маскируют. В течение этого периода, независимо от того, как бы хорошо не была сделана маскировка, она спадает, и женщины становятся разоблаченными. Нагваль оказывал нажим на моих девочек до полусмерти, чтобы открыть эту трещину. Они сделали это. Он заставил их сделать это, но это потребовало от них несколько лет.

— Как они стали ученицами?

— Лидия была его первой ученицей. Он нашел ее однажды утром, когда остановился в одной разрушенной хижине в горах. Нагваль говорил мне, что там не было никого видно, и тем не менее были знаки, звавшие его в этот дом с раннего утра. Бриз причинял ему большое беспокойство. Он сказал, что он даже не мог открыть свои глаза всякий раз, когда он пытался удалиться от этого места. Поэтому, когда он нашел дом, он знал, что там что-то было. Он посмотрел под кучу соломы и хвороста и нашел девочку. Она была очень больная. Она едва могла говорить, но тем не менее она сказала ему, что не нуждается ни в чьей помощи. Она собиралась продолжать спать, и если она больше не проснулась бы, никто бы ничего от этого не потерял. Нагвалю понравился ее дух и он заговорил с ней на ее языке. Он сказал, что он собирается вылечить ее и заботится о ней до тех пор, пока она не будет сильной снова. Она отказалась. Она была индианкой, которая знала только огорчения и страдания. Она сказала Нагвалю, что она уже принимала все лекарства, которые ее родители дали ей, но ничто не помогло.

Чем больше она говорила, тем больше Нагваль понимал, что знак указал на нее самым своеобразным способом. Знак больше был похож на команду.

Нагваль поднял девушку и положил на свои плечи, как ребенка, а потом отнес ее к Хенаро. Хенаро приготовил лекарство для нее. Она больше не могла открыть глаза. Ее веки слиплись. Они были припухшими и на них был желтоватый налет. Они гноились. Нагваль ухаживал за ней, пока ей не стало хорошо. Он нанял меня смотреть за ней и готовить ей еду. Я помогала ей поправиться с помощью моей пищи. Она — мой первый ребенок. Когда она поправилась, а на это потребовался почти год, Нагваль захотел вернуть ее к ее родителям, но девушка отказалась уйти и осталась с ним.

Спустя короткое время после того, как он нашел Лидию, и в то время, когда она еще была слабой и находилась на моем попечении, Нагваль нашел тебя. Тебя привел к нему один человек, которого он никогда раньше не видел. Нагваль видел, что смерть этого человека витает над его головой, и ему показалось очень странным, что этот человек указывает ему на тебя в такое время. Ты заставил Нагваля смеяться, и он немедленно устроил тебе испытание. Он не взял тебя, он сказал тебе, чтобы ты пришел и нашел его. Он испытывал тебя всегда так, как он не испытывал никого другого. Он сказал, что это был твой путь.

В течение трех лет он имел только двух учеников — Лидию и тебя. Затем однажды, когда он был в гостях у своего друга Виснете, исцелителя с севера, какие-то люди привели помешанную девочку, которая не делала ничего, кроме как кричала. Эти люди приняли Нагваля за Виснете и положили девочку ему в руки. Нагваль сказал мне, что девочка побежала к нему и ухватила за него, как будто она знала его. Нагваль сказал ее родителям, что они должны оставить ее с ним. Они беспокоились о плате, но Нагваль заверил их, что это будет бесплатно. Я полагаю, что девочка так осточертела им, что они не знали, как от нее избавиться.

Нагваль привел ее ко мне. Это был сущий ад. Она и вправду была помешанной. Это была Жозефина. Нагвалю потребовалось несколько лет, чтобы вылечить ее. Но даже и по сей день она глупее бревна. Она, конечно, помешалась на Нагвале, и на этой почве была ужасная борьба между Лидией и Жозефиной. Они ненавидели друг друга. Но я любила их обеих. Но Нагваль, когда увидел, что они не могут ладить, стал очень твердым с ними. Как ты знаешь, Нагваль может вывести из себя кого угодно. Поэтому он напугал их до полусмерти. В один день Лидия не выдержала и ушла. Она решила найти себе молодого мужа. На дороге она нашла крошечного цыпленка. Он только что вылупился и потерялся

среди дороги. Лидия подобрала его, а так как она была в пустынной местности, и вокруг не было никаких домов, она решила, что цыпленок ничей. Она засунула его за свою блузку и поместила между грудей, чтобы согреть его. Лидия рассказала мне, что она бежала, и в результате маленький цыпленок начал перемещаться набок. Она попыталась вернуть его обратно вперед, но не могла поймать его. Цыпленок очень быстро бегал вокруг по ее бокам и спине внутри блузы. Ноги цыпленка сначала щекотали ее, а потом довели до помешательства. Когда она осознала, что не может вытащить его, она вернулась обратно ко мне, вопя без памяти, и попросила меня вытащить проклятое создание из ее блузы. Я раздела ее, но это оказалось бесполезно. Там не было никакого цыпленка, и тем не менее она продолжала ощущать, как его ноги бегают по ее коже.

Нагваль тогда перехитрил ее и сказал ей, что только когда она отпустит свое старое «я», бег цыпленка прекратится. Лидия была помешанной три дня и три ночи. Нагваль велел мне связать ее. Я кормила ее, чистила и давала ей воду. На четвертый день она стала очень мирной и тихой. Я развязала ее, и она стала одевать свои одежды, и когда она оделась так, как была одета в тот день, когда убежала, маленький цыпленок вышел. Она взяла его в руки, целовала и благодарила его и вернула его в то место, где она нашла его. Я провожала ее часть пути.

С того времени Лидия никогда никого не беспокоила. Она приняла свою судьбу. Ее судьба — Нагваль, без него она уже умерла бы. Так что какой смысл был пытаться отвергать или изменять вещи, которые можно только принимать?

Затем сбежала Жозефина. Она уже была напугана тем, что случилось с Лидией, но вскоре забыла об этом. Однажды в воскресенье, во второй половине дня, когда она шла за дом, сухой лист зацепился за нити ее шали. Ее шаль была соткана рыхло. Она попыталась вытащить листик, но боялась испортить шаль. Поэтому, когда она вошла в дом, то немедленно попыталась высвободить его, но это не получилось, т.к. он застрял. Жозефина в порыве гнева стиснула шаль и лист и раскрошила его рукой. Она подумала, что маленькие кусочки легче будет вытащить. Я услышала иступленный вопль, и Жозефина упала на землю. Я подошла к ней и обнаружила, что она не может открыть руку. Лист изрезал ее руку, словно кусочками бритвенных лезвий. Лидия и я помогли ей и нянчились с ней семь дней. Жозефина была упрямей, чем кто бы то ни было. Она почти умирала. В конце концов она сумела раскрыть свою руку, но только после того, как она в своем уме решила оставить свои старые пути. У нее все еще бывают боли в теле, особенно в руке, из-за плохого настроения, которое все еще возвращается к ней. Нагваль сказал им обоим, что они не должны полагаться на свою победу, так как каждый из нас всю свою жизнь ведет борьбу против своих старых «я».

Лидия и Жозефина никогда не боролись снова. Я не думаю, что они любят друг друга, но они, безусловно, ладят. Я люблю этих двух больше всего. Они были со мной все эти годы. Я знаю, что они любят меня тоже.

— Как насчет двух других девушек?

— Годом позже пришла елена, она и есть ла Горда. Она была в гораздо худшем состоянии, чем ты можешь себе вообразить. Она весила 220 фунтов. Она была доведенной до отчаяния. Паблито дал ей приют в своей лавке. Она занималась стиркой и утюжкой, чтобы содержать себя. Нагваль пришел однажды ночью к Паблито и заметил работавшую толстую девушку, над которой летал круг мотыльков. Он говорил, что мотыльки образовывали совершенный круг, какой он мог только наблюдать. Он видел, что женщина была близка к концу своей жизни, однако мотыльки давали ему несомненный знак. Нагваль действовал быстро и взял ее с собой.

Она была хорошей некоторое время, но дурные привычки, которые она усвоила, были слишком глубоко укоренившимися, и она не могла отказаться от них. Поэтому однажды Нагваль послал ветер помочь ей. Вопрос был в том, чтобы помочь ей, либо прикончить ее. Ветер начал дуть на нее, пока он не вывел ее из дома, в тот день она была одна и никто не видел, что происходило. Ветер толкал ее в холмы и ущелья, пока она не упала в ров, яму в земле вроде могилы. Ветер держал ее там несколько дней. Когда Нагваль наконец нашел ее там, она сумела остановить ветер, но была слишком слаба, чтобы идти.

— Как девушкам удавалось остановить то, что действовало на них?

— Ну, в первую очередь, то, что действовало на них, была тыква-горлянка, которую Нагваль носил привязанной к своему поясу.

— А что было в горлянке?

— Олли, которых Нагваль носит с собой. Он говорил, что олли выходят через его горлянку. Не спрашивай больше меня, так как я больше ничего не знаю об олли. Все, что я могу сказать тебе, это то, что Нагваль распоряжается двумя олли и заставляет их помогать ему. В случае моих девочек олли возвращается назад, когда они были готовы

измениться либо умереть. Но этот случай произошел со всеми ними тем или иным путем. И ла Горда изменилась больше, чем кто-либо еще.

Она была пустой, в действительности более пустой, чем я, но она обработала свой дух, пока она не стала самой силой. Я не люблю ее. Я боюсь ее. Она знает меня. Она проникает в меня и мои ощущения, и это тревожит меня. Но никто не может с ней ничего сделать, потому что она никогда не теряет бдительности. Она ненавидит меня, но она думает, что я злая женщина. Может быть она права. Я думаю, что она знает меня достаточно хорошо, и я не такая неуязвимая, какой я хотела бы быть, но Нагваль советовал мне не беспокоиться о моих ощущениях относительно ее. Она подобна элихио, мир более не затрагивает ее.

— Что особого Нагваль сделал с ней?

— Он учил ее вещам, которым он не учил больше никого. Он никогда не баловал ее или что-нибудь в этом роде. Он доверял ей, она знает все обо всех. Нагваль также рассказал мне обо всем, за исключением вещей, касающихся ее. Может быть, это потому, что я не люблю ее. Нагваль велел ей быть моим надзирателем. Куда бы я не пошла, я нахожу ее. Она знает все, что делаю я. Например, я не удивлюсь, если она появится прямо сейчас.

— Ты думаешь, она может появиться?

— Сомневаюсь. Сегодня вечером ветер со мной...

— Как ты считаешь, что она должна делать? Имеет она какое-то специальное задание?

— Я уже сказала тебе достаточно о ней. Я боюсь, что если я буду продолжать разговор о ней, она заметит оттуда, где она находится, а я не хочу, чтобы это случилось.

— Тогда расскажи мне о других.

— Некоторое время спустя после того, как он нашел ла Горду.

Нагваль нашел элихио. Он рассказывал мне, что прибыл с тобой в свои родные места. Элихио пришел посмотреть на тебя, так как ты возбудил его любопытство. Нагваль не обратил внимания на него. Он знал его с детских лет. Но однажды утром, когда Нагваль шел к дому, где ты ожидал его, он столкнулся с элихио на дороге. Они прошли вместе небольшое расстояние, а потом сухой кусок чольи упал на верх левого башмака элихио. Он попытался отшвырнуть его, но ее колючки были словно когти, они глубоко вонзились в подошву башмака. Нагваль сказал, чтобы элихио ткнул своим пальцем в небо и встряхнул своей ногой, и чолья сорвалась, словно пуля, и взвилась в воздух. Элихио подумал, что это была хорошая шутка и рассмеялся, но Нагваль понял, что он имеет силу, хотя сам элихио не подозревал об этом. Вот почему он без всяких помех стал совершенным неуязвимым воином.

Моей удачей было то, что я была знакома с ним. Нагваль думал, что мы были с ним сходны в одном отношении. Однажды мы за что-то ухватываемся и не отпускаем этого. Счастливый случай знать элихио был удачей, которую я не делила ни с кем другим, даже с ла Гордой. Она встретила элихио, но фактически так и не узнала его, также, как и ты сам. Нагваль знал с самого начала, что элихио был исключительным, и он изолировал его. Он знал, что ты и девочки были на одной стороне монеты, а элихио — сам по себе — на другой стороне. Нагваль и Хенаро фактически очень повезло, что они нашли его.

Я впервые встретила с ним, когда Нагваль привел его в мой дом. Элихио не ладил с моими девочками. Они ненавидели его, а также боялись его. Но он был совершенно индифферентным. Мир не трогал его. Нагваль не хотел, чтобы, в частности, ты часто имел дело с элихио. Нагваль сказал, что представляешь собой род мага, от которого надо держаться в стороне. Он сказал, что твое касание не умиротворяет, а наоборот, причиняет вред. Он сказал мне, что твой дух берет в плен. Ты был каким-то образом противен ему и в то же время он любил тебя. Он сказал, что ты был более помешан, чем Жозефина, когда он нашел тебя, и что ты все еще помешанный.

Было беспокоящее ощущение в том, чтобы слышать, как кто-то другой говорит мне, что дон Хуан думал обо мне. Сначала я пытался игнорировать то, что говорила донья Соледад, но затем я ощутил, что это была крайне дурацкая неуместная попытка защищать свое эго.

— Он возился с тобой, — продолжала она, — потому что сила приказывала ему делать это. И он, будучи неуязвимым воином, каким он был, подчинялся своему хозяину и охотно делал то, что сила велела ему делать с тобой.

Наступила пауза. Мне не терпелось спросить ее еще об ощущениях дон Хуана относительно меня. Вместо этого я попросил ее рассказать мне о ее другой девочке.

— Месяц спустя после того, как он нашел элихио, Нагваль нашел Розу, — сказала она. — Роза была последней. Найдя ее, он знал, что его число было полным.

— Как он нашел ее?

— Он отправился повидать Бениньо в свои родные края. Он приближался к дому, как вдруг из кустарника со стороны дороги, выбежала Роза, преследуя свинью, которая сорвалась с привязи и убегала. Свинья бежала значительно быстрее Розы. Она столкнулась с Нагвалем и не смогла схватить свинью. Тогда она повернулась к Нагвалю и стала кричать на него. Он сделал жест, как бы хватая ее, а она была готова сражаться с ним. Она набросилась на него и вынудила его поднять на нее руку. Нагваль немедленно полюбил ее дух, но тут не было знака. Нагваль сказал, что он немного подождет, прежде чем уйти, и тут свинья побежала в противоположном направлении и остановилась около него. Это был знак. Роза привязала свинью на веревку. Нагваль прямо спросил, довольна ли она своей работой. Она сказала, что нет. Она была служанкой, живущей у хозяев. Нагваль спросил, не хочет ли она пойти с ним, и она сказала, что если для того, что она предполагает, то она не согласна. Нагваль сказал, что он приглашает ее работать, и она захотела узнать сколько он будет платить. Он назвал ей цифру, и тогда она спросила, какая работа имеется в виду. Нагваль сказал ей, что она будет работать с ним на табачных полях на Велакресе. Тогда она сказала ему, что она испытывала его, если бы он сказал, что хочет пригласить ее работать горничной, то она знала бы, что он лгун, потому что он выглядит как человек, который никогда в жизни не имел дома.

Нагваль был восхищен ею и сказал ей, что если она хочет вырваться из ловушки, в которой она находится, она должна прийти в дом Бениньо к полудню. Он также сказал ей, что будет ждать не более чем до двенадцати; если она придет, она должна быть готова к трудной жизни и обилию работы. Она спросила его, как далеко находятся табачные поля. Нагваль сказал, что в трех днях езды в автобусе. Роза сказала, что раз это так далеко, она безусловно будет готова ехать, как только отведет свинью обратно в хлев. Так она и сделала. Она приехала сюда, и все полюбили ее. Она никогда не была вредной или надоедливой. Нагваль не был вынужден заставлять ее или хитростью вовлекать во что-нибудь. Она совсем не любит меня и все же заботится обо мне лучше, чем кто-либо другой. Я доверяю ей, и тем не менее я совсем не люблю ее, но когда я уезжаю, я скучаю по ней больше всех. Можешь себе представить это?

Я увидел печальный блеск в ее глазах. Я не мог удержать свои подозрения. Она вытерла свои глаза непреднамеренным движением руки. Тут в разговоре наступил естественный перерыв. К этому времени начало темнеть, и писать было очень трудно; кроме того, мне нужно было сходить в туалет. Она настояла, чтобы я воспользовался уборной во дворе прежде нее, как обычно делал сам Нагваль.

После этого она принесла две круглые бадьи размером с детскую ванночку, наполнила их наполовину теплой водой и добавила немного зеленых листьев, предварительно размяв их тщательно своими руками. Она предложила мне авторитетным тоном помыться в одной бадье, в то время как она сделает то же самое в другой. Вода имела почти благоухающий запах. Она вызывала ощущение щекотки. На лице и руках она давала ощущение слабого ментола.

Мы вернулись в ее комнату. Она положила мои письменные принадлежности, которые я оставил на ее постели, наверх одного из комодов. Окна были открыты и было все еще светло. Должно быть, было около семи часов.

Донья Соледад легла на спину. Она улыбалась мне. Я подумал, что она была воплощением теплоты. Но в то же самое время, несмотря на ее улыбку, ее глаза выдавали ощущение безжалостности и непреклонной силы.

Я спросил ее, как долго она была с доном Хуаном как его женщина или ученица. Она посмеялась над моей осторожностью в наклеивании ярлыка на нее. Ее ответ был — семь лет. Потом она напомнила мне, что я не видел ее в течение пяти лет. До этого момента я был убежден, что я ее видел года два назад. Я попытался вспомнить последнее время, но не смог.

Она сказала мне лечь на постель с ее стороны. Очень мягким голосом она спросила меня, боюсь ли я. Я сказал — нет, что было правдой. В тот момент в ее комнате я столкнулся со своей старой реакцией, которая появлялась бесчисленные разы, как смесь любопытства и губительной индифферентности.

Почти шепотом она сказала, что она должна быть неуязвимой со мной, и сообщила мне, что наша встреча была решающей для нас обоих. Она сказала, что Нагваль дал прямые и детальные приказания что делать. Когда она говорила, я не мог удержаться от смеха, глядя на ее поразительную попытку говорить как дон Хуан. Я прислушался к ее утверждениям и не мог предсказать, что она скажет дальше.

Внезапно она села. Ее лицо было в несколько дюймах от моего, мне были видны ее белые зубы, блещущие в полутьме комнаты. Она обвила меня руками и повалила на себя.

Мой ум был очень ясным и все же что-то вело меня глубже и глубже, как в трясины. Я испытывал в себе что-то такое, о чем я не имел понятия. Внезапно я понял, что каким-то образом я все время ощущаю ее ощущения. Она была очень странной. Она загипнотизировала меня словами. Она была холодной старой женщиной. И ее замыслы не были замыслами, идущими от молодости и бодрости, несмотря на ее жизненность и крепость. Я знал тогда, что дон Хуан не поворачивал ее голову в том же направлении, что и мою. Эта мысль была бы нелепой в любом другом контексте; тем не менее в тот момент я принял ее за подлинное прозрение. Ощущение опасности охватило мое тело. Я хотел выбраться из постели. Однако, казалось, меня охватывала необычайная сила, которая удерживала меня и не давала возможности уйти. Я был парализован.

Дон Хуан всегда говорил мне, что нашим большим врагом является то, что мы никогда не верим в то, что случается с нами. В этот момент, когда донья Соледад накинула тряпку, как петлю, вокруг моего горла, я понял, что он имел в виду. Но даже после того как у меня возникла эта интеллектуальная рефлексия, мое тело реагировало. Я оставался вялым, почти индифферентным к тому, что, по-видимому, было моей смертью.

Я ощущал усилие ее рук и плеч, когда она затягивала ленту вокруг моей шеи. Она душила меня с большой силой и ловкостью. Я начал задыхаться. Ее глаза уставились на меня с иступленным блеском. Я знал тогда, что она собирается убить меня.

Дон Хуан говорил, что когда мы, осознаем, что происходит, обычно бывает слишком поздно для того, чтобы повернуть назад. Он утверждал, что это интеллект всегда оставляет нас в дураках, потому что он получает известие первым, но вместо того, чтобы поверить ему и немедленно действовать, он забавляется им и попусту тратит время.

Затем я услышал или, может быть, ощутил щелкающий звук в основании своей шеи, прямо позади трахеи. Я знал, что она сломала мою шею. У меня в ушах зашумело, а потом зазвенело. Я испытал исключительную ясность слышания. Я подумал, что я, должно быть, умираю. Я ненавидел свою неспособность сделать что-нибудь для своей защиты. Я не мог даже пошевелить ни одним мускулом, чтобы ударить ее. Мое тело задрожало, и внезапно я встал и освободился от ее смертельной хватки. Я посмотрел вниз на постель. Казалось, я смотрел вниз с потолка. Я увидел свое тело, неподвижное и вялое, лежащее на ней. Я увидел ужас в ее глазах. Я захотел, чтобы она отпустила петлю. Меня охватила ярость из-за того, что я был таким бестолковым, и я ударил ее кулаком прямо в лоб. Она пронзительно вскрикнула, схватилась за голову и потеряла сознание, но перед этим передо мной промелькнула призрачная сцена. Я увидел, как донья Соледад была выброшена из постели силой моего удара. Я увидел, как она бежит к стене и прижимается к ней, как испуганный ребенок. Следующее впечатление, которое у меня было, это ужасная трудность дыхания. Моя шея болела. Мое горло казалось так сильно пересохшим, что я не мог глотать. Мне потребовалось много времени, чтобы собрать достаточно сил и подняться. Затем я рассмотрел донью Соледад. Она лежала на постели без сознания. На лбу у нее была большая красная шишка. Я взял воду и брызгал на ее лицо, как всегда со мной поступал дон Хуан. Когда она пришла в себя, я заставил ее пройти, поддерживая ее за подмышки. Она была мокрая от пота. Я положил ей на лоб полотенце, смоченное холодной водой. Ее вырвало, и я был почти уверен, что она получила сотрясение мозга. Ее трясло. Я попробовал укрыть ее одеждой и одеялами, чтобы она согрелась, но она сбросила все одежды и повернулась лицом к ветру. Она попросила оставить ее одну и сказала, что если бы ветер изменил направление, то это было бы знаком, что она должна выздороветь. Она задержала мою руку в кратком рукопожатии и сказала мне, что это судьба ставила нас друг с другом.

— Я думаю, что одному из нас было предназначено умереть сегодняшним вечером, — сказала она.

— Не говори глупостей. Ты ведь не убита, — сказал я, и я действительно имел это в виду.

Что-то заставляло меня верить, что с ней было все в порядке. Я вышел из дому, подобрал палку и пошел к своей машине. Пес зарычал. Он все еще был там, свернувшись на сидении. Я велел ему выйти. Он покорно выпрыгнул. В его поведении что-то изменилось. Я увидел, как его огромное тело затрусило в темноте рысью. Он пошел в свой кораль.

Я был свободен. Я сел в машину и немного подумал. Нет, я не был свободен. Что-то толкало меня обратно в дом. У меня там было незаконченное дело. Я больше не боялся доньи Соледад. Действительно, мною овладело необычное беспристрастие. Я ощущал, что она дала мне, намеренно или бессознательно, крайне важный урок. Под ужасным давлением ее попытки убить меня я, фактически, действовал на нее с уровня, который был бы недостижим при нормальных обстоятельствах. Я был почти удушен; что-то в ее

проклятой комнате сделало меня беспомощным, и все же я выкарабкался. Я не мог вообразить, что произошло. По-видимому, как всегда утверждал дон Хуан, дело было в том, что мы имеем дополнительный потенциал, нечто, что находится в нас, но редко используется. Я действительно ударил ее, находясь в позиции фантома.

Я взял из машины свой фонарик, вернулся в дом, зажег все керосиновые лампы, которые я смог найти, и сел у стола в передней комнате, чтобы писать. Писание расслабило меня.

На рассвете донья Соледад вышла, спотыкаясь, из своей комнаты. Она с трудом удерживала равновесие. Она была совершенно обнаженной. У двери ей стало нехорошо и она упала. Я дал ей воды и попытался укрыть одеялом. Она отказалась от него. Я стал беспокоиться, что она может замерзнуть. Она пробормотала, что должна быть обнаженной, чтобы ветер исцелил ее. Она сделала пластырь из размятых листьев и наложила его на лоб и обвязала тюрбаном. Она закуталась в одеяло, подошла к столу, где я писал, и села лицом ко мне. Глаза у не были красные. Она действительно выглядела больной.

— Я должна тебе кое-что сказать, — сказала она слабым голосом. — Нагваль оставил меня ждать тебя; я должна была ждать, даже если бы это потребовало двадцать лет. Он дал мне инструкции, как завлечь тебя и похитить твою силу. Он знал, что рано или поздно ты должен приехать, чтобы увидеть Паблито и Нестора, поэтому он велел мне использовать эту возможность, чтобы околдовать тебя и взять все, что ты имеешь. Нагваль сказал, что если я буду жить неуязвимой жизнью, моя сила должна привести тебя сюда тогда, когда в доме больше никого не будет. Моя сила сделала это. Ты пришел, когда все остальные ушли. Моя неуязвимая жизнь помогала мне. Все, что оставалось мне сделать, было взять твою силу и потом убить тебя.

— Но зачем тебе нужно делать такую ужасную вещь?

— Потому что я нуждаюсь в твоей силе для своего собственного путешествия. Нагваль устроил это таким образом. Ты одинок, в конце концов, я, фактически, не знаю тебя. Ты ничего не значишь для меня. Так почему бы мне не взять то, в чем я так отчаянно нуждаюсь, у кого-то, кто не имеет никакого значения? Это были собственные слова Нагваля.

— Почему Нагваль хочет причинить мне вред? Ведь ты сама говорила, что он заботился обо мне.

— То, что я сделала с тобой ночью, не имеет никакого отношения к тому, что он чувствует по отношению к тебе или ко мне. Это исключительно наше с тобой дело. Не было никаких свидетелей того, что произошло сегодня между нами, так как оба мы являемся частью самого Нагваля. Но ты, в частности, получил от него и владеешь чем-то таким, чего нет у меня, что-то, в чем я отчаянно нуждаюсь, — специальной силой, которую он дал тебе. Нагваль сказал, что он дал что-то каждому из своих шести детей. Я не могу достичь элихио. Я не могу взять это у своих девочек, поэтому остаешься ты, как моя жертва. Я увеличила силу, которую дал мне Нагваль, и, увеличившись, она изменила мое тело. Ты также увеличил эту силу. Мне нужна была твоя сила и поэтому я должна была убить тебя. Нагваль сказал, что даже если ты не умрешь, ты должен пасть жертвой моих чар и стать моим пленником на всю жизнь, если я захочу. В любом случае твоя сила должна была стать моей.

— Но какая тебе могла быть польза от моей смерти?

— Не от твоей смерти, а от твоей силы. Я сделала это, т.к. я нуждаюсь в поддержке, без нее мое путешествие будет адски трудным. У меня не хватит выдержки. Именно поэтому я не люблю ла Горду. Она молодая и обладает большой выдержкой. Я старая и у меня есть задние мысли и сомнения. Если ты хочешь знать правду, то действительная борьба происходит между Паблито и мной. Он мой смертельный враг, а не ты. Нагваль сказал, что твоя сила могла бы сделать мое путешествие более легким и помочь мне получить то, что мне нужно.

— Каким образом Паблито может быть твоим врагом?

— Когда Нагваль изменил меня, он знал к чему это должно привести. Прежде всего он установил меня так, чтобы мои глаза смотрели на север, и хотя ты и мои девочки — одно и то же, я противоположна вам. Я иду в другом направлении. Паблито, Нестор и Бениньо — с тобой, направление глаз такое же, как и у тебя. Все вы будете идти вместе в сторону Юкатана.

Паблито мой враг не потому, что его глаза устремлены в противоположном направлении, а потому, что он мой сын. Вот что я должна была рассказать тебе, даже если ты не понимаешь, о чем я говорю. Я должна войти в другой мир. Туда, где сейчас

находится Нагваль, где сейчас находятся Хенаро и элихио. Даже я должна уничтожить Паблито, чтобы сделать это.

— Что ты говоришь, донья Соледад? Ты сошла с ума!

— Нет, не сошла. Нет ничего более важного для нас, живых существ, чем войти в тот мир. Видишь ли, для меня это смысл жизни. Чтобы попасть в тот мир, я живу так, как научил меня Нагваль. Без надежды на тот мир я ничто, ничто. Я была старой жирной коровой. Теперь мне эта надежда дает путеводную нить, направление, и хотя я не могу взять твою силу, я не оставила своей цели.

Она положила голову на руки, облокотившись на стол. Сила ее утверждений ошеломила меня. Я не понял, что в точности она имеет в виду, но почти сочувствовал ее доводам, хотя это была самая странная вещь, которую я услышал от нее ночью. Ее цель была — целью воина, в стиле, в терминах дона Хуана. Однако, я никогда не знал, что для ее выполнения нужно уничтожать людей.

Она подняла голову и посмотрела на меня через полуприкрытые веки.

— Вначале все складывалось сегодня благоприятно для меня, — сказала она. — я была немного испугана, когда ты приехал. Я ждала этого момента годы. Нагваль сказал мне, что ты любишь женщин. Он сказал, что ты являешься легкой добычей для них, поэтому я сыграла на этом ради быстрого финала. Я рассчитывала, что ты пойдешь на это. Нагваль научил меня, как я должна захватить тебя в момент, когда ты будешь наиболее слабым. Я вела тебя к этому моменту с моим телом. Но ты заподозрил неладное. Я была слишком нерасторопной. Я взяла тебя в свою комнату, как мне велел сделать Нагваль, где линии моего пола должны были заманить тебя и сделать тебя беспомощным. Но ты одурачил мой пол, т.к. он тебе понравился, и ты стал внимательно рассматривать его линии. Он не имел никакой силы, когда твои глаза были направлены на его линии. Твое тело знало что делать. Затем ты отпугнул мой пол, завопив так, как ты сделал. Внезапные шумы, вроде этого, губительны, особенно голос мага. Сила моего пола умерла, как пламя. Я знала это, а ты нет.

Тогда ты был близок к тому, чтобы уехать, поэтому я должна была задержать тебя. Нагваль показал мне, как использовать свою руку, чтобы охватить тебя. Я попыталась сделать это, но у меня было слишком мало силы. Мой пол был перепуган. Твои глаза заставили оцепенеть его линии. Никто другой никогда не бросил взгляда на них. Поэтому я потерпела неудачу, пытаясь схватить твою шею. Ты выскользнул из моей хватки прежде, чем я успела стиснуть тебя. Тогда я поняла, что ты ускользнешь, и предприняла еще одну попытку, еще одну завершающую атаку. Я использовала ключ, который, как говорил Нагваль, больше всего воздействует на тебя — страж. Я напугала тебя своими воплями и это дало мне достаточно силы, чтобы подчинить тебя. Я думала, что ты в моих руках, но мой дурацкий пес пришел в возбуждение. Он сдурел и сбросил меня с тебя, когда ты уже почти попал под власть моих чар. Как я теперь думаю, возможно, мой пес и не был таким дурным. Может быть, он заметил твоего дубля и набросился на него, но вместо этого свалил меня.

— Ты говорила, что это не твой пес.

— Я обманывала. Он был моей козырной картой. Нагваль научил меня, что я должна иметь козырную карту, какой-нибудь неожиданный трюк. Каким-то образом я знала, что мой пес может понадобиться мне. Когда я взяла тебя посмотреть моего друга, это был на самом деле он; койот — друг моих девочек. Я хотела, чтобы мой пес принял к тебе. Когда ты побежал в дом, я была вынуждена грубо обойтись с ним. Я запихнула его внутрь твоей машины, заставив его визжать от боли. Он очень крупный и едва мог протиснуться над сиденьем. Прямо тогда я велела ему разорвать тебя на куски. Я знала, что если ты будешь сильно испуган моим псом, ты станешь беспомощным, и я смогу без труда прикончить тебя. Ты снова ускользнул, но ты не мог покинуть дом. Я знала тогда, что я должна быть терпеливой и дожидаться темноты. Затем ветер изменил направление, и я была уверена в своем успехе.

Нагваль сказал, что он знал без сомнения, что ты любишь меня как женщину. Все дело в том, чтобы дождаться подходящего момента. Нагваль сказал, что ты убил бы себя, если бы осознал, что я захватила твою силу. Но в случае, если бы мне не удалось захватить ее или если бы я не захотела оставить тебя в живых, как своего пленника, я должна была использовать свою головную ленту, чтобы задушить тебя насмерть. Он даже показал мне место, куда я должна бросить твой труп; бездонная яма, расщелина в горах, не очень далеко отсюда, где всегда исчезают козы. Однако Нагваль никогда не упоминал о твоей устрашающей стороне. Я уже сказала тебе, что один из нас должен был умереть вечером. Я не знаю, не случится ли это со мной. Нагваль сообщил мне уверенность, что я одержу победу. Как жестоко с его стороны не рассказать мне все о тебе.

— Представь себе, донья Соледад, я знаю еще меньше, чем ты.

— Это не одно и то же. Нагваль несколько лет готовил меня к этому. Я знала каждую деталь. Ты был у меня в ловушке. Нагваль даже показал мне листья, которые я всегда должна была держать свежими у себя под рукой, чтобы сделать тебя оцепенелым. Я положила их в бадью, как будто для аромата. Ты не заметил, что для своей бадьи я воспользовалась другими листьями. Ты попадался во все, что я подготовила для тебя. И тем не менее, твоя устрашающая сторона в конце концов взяла верх.

— Что ты имеешь в виду под моей устрашающей стороной?

— Того, кто ударил меня и убьет сегодня вечером. Твой ужасный дубль, который вышел, чтобы прикончить меня. Я никогда не забуду его, и если я выживу, в чем я сомневаюсь, я никогда не буду той же самой.

— Он был похож на меня?

— Это был ты, конечно, не такой как ты выглядишь сейчас. Я не могу на самом деле сказать, на что он был похож. Когда я хочу подумать о нем, мне делается дурно.

Я рассказал ей о моем мимолетном восприятии, что она вышла из своего тела под действием моего удара. Я намеревался прощупать ее не без причины. Мне показалось, что причиной, лежащей позади всего этого события, было вынудить нас извлечь источники, которые обычно закрыты для нас. Я, несомненно, нанес ей смертельный удар, я нанес глубокое повреждение ее телу, и все же я не мог сделать этого сам. Я действительно ощущал, что я ударил ее своим левым кулаком — об этом свидетельствовала огромная красная шишка у нее на лбу, — и тем не менее, суставы мои не опухли и я не чувствовал в них ни малейшей боли или неприятного ощущения. Удар такой силы мог бы сломать мне руку.

Услышав мое описание того, как я видел ее прижавшейся к стенке, она пришла в полное отчаяние. Я спросил ее, было ли у нее какое-нибудь ощущение того, что я видел, такое, как чувство выхода из своего тела, или мимолетное восприятие комнаты.

— Я знаю теперь, что я обречена, — сказала она. — очень немногие остаются в живых после касания дубля. Если моя душа уже вышла, я не останусь в живых. Я буду делаться все слабее и слабее, пока не умру.

Ее глаза дико блеснули. Она поднялась, и по-видимому, была на грани того, чтобы ударить меня, но упала обратно.

— Ты забрал мою душу, — сказала она. — ты, должно быть, держишь ее теперь у себя в кармане. Хотя, разве ты должен был говорить мне все это?

Я поклялся ей, что не имел намерений причинить ей вред, что я действовал любым способом исключительно ради самозащиты и поэтому не таил зла против нее.

— Если моей души нет у тебя в кармане, это еще хуже, — сказала она. — она, должно быть, скитается бесцельно поблизости. Тогда я никогда не получу ее обратно.

Донья Соледад казалась лишенной энергии. Ее голос стал слабее. Я захотел, чтобы она пошла и легла. Она отказалась покинуть стол.

— Нагваль сказал мне, что если я потерплю полную неудачу, я должна тогда передать тебе его сообщение, — сказала она. — он велел мне сказать тебе, что он давно заменил твое тело. Ты теперь являешься им самим.

— Что он хотел этим сказать?

— Он маг. Он вошел в твое старое тело и заменил его светимостью. Теперь ты сияешь, как сам Нагваль. Ты больше не сын твоего отца. Ты — сам Нагваль.

Донья Соледад встала. Она нетвердо держалась на ногах. Она, по-видимому, хотела сказать что-то еще, но издавала ужасные звуки. Она пошла в свою комнату. Я помогал ей до двери. Она не хотела, чтобы я входил. Она сбросила одеяло, которое покрывало ее, и легла на свою постель. Она спросила очень мягким голосом, не могу ли я сходить недалеко на холм и понаблюдать оттуда, чтобы узнать, не приближается ли ветер. Она добавила самым небрежным тоном, что я должен взять ее пса с собой. Ее требование показалось мне неуместным. Я сказал, что я лучше взберусь на крышу и посмотрю оттуда. Она повернулась ко мне спиной и сказала, что самое лучшее, что я смогу сделать для нее, это взять собаку на холм, чтобы она смогла приманить ветер. Я сильно рассердился на нее. Ее комната в полутьме производила самое жуткое впечатление. Я пошел в кухню, взял две лампы и пошел обратно. При виде света она истерически завопила. Я тоже издал вопль, но по другой причине. Когда свет попал в ее комнату, я увидел, что пол свернулся, как кокон, вокруг ее постели. Мое восприятие было таким мимолетным, что в следующий момент я мог поклясться, что эту призрачную сцену вызвала тень проволочных защитных сеток ламп. Это иллюзорное восприятие привело меня в ярость. Я встряхнул ее за плечи. Она заплакала, как ребенок, и обещала больше не устраивать своих трюков. Я поставил лампы на комод и она мгновенно уснула.

Утром ветер изменился. Я ощущал сильные порывы, бьющие в северное окно. Около полудня донья Соледад снова вышла. Она, казалось, немного пошатывалась. Краснота в ее глазах исчезла, и припухлость на лбу уменьшилась, там была едва заметная шишка.

Я почувствовал, что мне пора уезжать. Я сказал ей, что хотя я записал сообщение, которое она передала мне от дона Хуана, оно не прояснило ничего.

— Ты больше не сын своего отца. Ты теперь сам Нагваль, — сказала она.

Со мной творилось что-то невообразимое. Несколько часов тому назад я был беспомощным и донья Соледад действительно пыталась убить меня, но в этот момент, когда она говорила мне, я забыл ужас этого происшествия. И тем не менее, была другая часть меня, которая могла проводить целые дни, обдумывая бессмысленные конфронтации с людьми относительно моей личности и моей работы. Эта часть казалась реальным мной, которого я знал всю свою жизнь. А та часть меня, которая прошла через схватку со смертью этой ночью, а затем забыла об этом, не была реальной. Она была мною и все же мною не была. В свете таких несообразностей заявления дона Хуана не казались такими надуманными, но были пока еще неприемлемыми.

Донья Соледад казалась рассеянной. Она мирно улыбалась.

— О, она здесь! — сказала она внезапно. — какая удача для меня. Мои девочки здесь. Теперь они позаботятся обо мне.

Она, казалось, изменилась к худшему. Она выглядела такой же сильной, как прежде, но ее поведение было раздвоенным. Мои страхи возросли. Я не знал, оставить ее здесь или взять ее в больницу в город в нескольких сотнях миль отсюда.

Внезапно она вскочила, как маленьких ребенок, и побежала через переднюю дверь и вниз по подъездной дороге по направлению к шоссе. Ее пес побежал за ней. Я поспешно забрался в свою машину, чтобы догнать ее. Я должен был ехать вниз задним ходом, потому что не было места развернуться. Когда я достиг шоссе, я увидел через заднее окошко, что донья Соледад окружена четырьмя молодыми женщинами.

2. СЕСТРИЧКИ

Донья Соледад, казалось, что-то объясняла четырем женщинам, которые окружали ее. Она делала драматические жесты руками и держала свою голову в руках. Было очевидно, что она рассказывала им обо мне. Я поехал вверх по подъездной дороге к месту прежней стоянки. Я собирался ждать их там. Я взвешивал, оставаться ли мне в машине или небрежно сесть на левое крыло. Я решил стоять около дверцы машины, готовый вскочить в нее и уехать, если будут намеки на повторение чего-либо вроде происшествия предыдущего дня.

Я был усталым. Я не смыкал глаз более 24 часов. Я планировал раскрыть молодым женщинам сколько возможно об инциденте с доньей Соледад, чтобы они могли принять необходимые меры для помощи ей, а затем я собирался уехать. Их присутствие произвело определенную перемену. Все казалось заряженным новой мощью и энергией. Я ощутил эту перемену, когда увидел донью Соледад, окруженную ими.

Откровение доньи Соледад, что они были ученицами дона Хуана, придавало им такую мучительную притягательность, что я с трудом мог ожидать, чтобы встретиться с ними. Я задавал себе вопрос, были ли они подобны донье Соледад. Она сказала, что они были подобны мне самому, и что мы шли в одном и том же направлении. Это легко можно было бы интерпретировать в положительном смысле. Я хотел верить в это больше, чем во что-либо еще.

Дон Хуан обычно называл их «лас эрманитас», сестрички, — Самое подходящее наименование, по крайней мере, для двух, которых я встречал, Лидии и Розы, — двух легких, похожих на фей, очаровательных молодых женщин. Я вычислил, что им должно было быть чуть больше двадцати, когда я впервые встретил их, хотя Паблито и Нестор всегда отказывались говорить об их возрасте. Две другие, Жозефина и елена, были полной загадкой для меня. Я обычно слышал, как их имена упоминались время от времени, всегда в каком-то неблагоприятном контексте. Из случайных замечаний, сделанных доном Хуаном, я заключил, что они были какими-то причудливыми, одна была помешанной, другая — тучной, вследствие этого их держали в изоляции. Однажды я столкнулся с Жозефиной, когда шел в дом вместе с доном Хуаном. Он представил меня ей, но она закрыла лицо и убежала прочь прежде, чем я успел поздороваться с ней. В другой раз я застал елену, стирающую белье. Она была огромных размеров. Я подумал, что она, должно быть, страдает расстройством желез. Я приветствовал ее, но она не обернулась. Я никогда не видел ее лица.

После рекламы, которую им сделала донья Соледад во время своих разоблачений, я ощущал желание побеседовать с загадочными «эрманитас» и в то же самое время почти боялся их.

Я вскользя глянул вниз на подъездную дорогу, собираясь с силами, чтобы сразу встретиться со всеми ими. На дороге было пусто. Там не было никого приближающегося, а только минуту тому назад они были не больше, чем в 30 ярдах от дома. Я взобрался на крышу машины, чтобы посмотреть. Там не было никого идущего, даже собаки. Я запаниковал. Я соскользнул вниз и был готов вскочить в машину и уехать, как вдруг я услышал, как кто-то сказал: «эй, посмотри, кто здесь».

Я быстро обернулся и оказался лицом к лицу с двумя девушками, которые только что вышли из дома. Я сделал вывод, что они, должно быть, прибежали впереди меня и вошли через заднюю дверь. Я вздохнул с облегчением.

Две молодые девушки подошли ко мне. Я должен был признаться самому себя, что раньше я никогда по-настоящему не замечал их. Они были красивые, темные и очень худощавые, но не тощие. Их длинные черные волосы были завязаны лентой. Они были одеты в незамысловатые юбки, синие хлопчатобумажные жакеты и коричневые башмаки и с низким каблуком и мягкой подошвой. Они были без чулок, их ноги были стройные и мускулистые. Их рост, должно быть, был 5 футов и 3-4 дюйма. Они казались физически очень развитыми, они двигались с большим изяществом. Одна из них была Лидия, другая — Роза.

Я приветствовал их, и тогда они в унисон протянули мне руки для рукопожатия. Они встали по обе стороны от меня. Они выглядели здоровыми и бодрыми. Я попросил их помочь мне достать пакеты из багажника. Когда мы несли их в дом, я услышал сильное рычание такое сильное и близкое, что оно больше походило на рык льва.

— Что это такое? — спросил я Лидию.

— Ты не знаешь? — спросила она недоверчиво.

— Это должно быть пес, — сказала Роза, когда они побежали в дом, практически увлекая меня за собой.

Мы разместили пакеты на столе и сели на две скамейки. Обе девушки были обращены лицом ко мне. Я сказал им, что донья Соледад очень больна и что я готовился забрать ее в больницу в город, т.к. я не знал, что еще сделать, чтобы помочь ей.

Когда я говорил, я осознал, что вступил на опасную почву. У меня не было никакого способа оценить, сколько информации я должен раскрыть им о подлинном характере моего сражения с доньей Соледад. Я начал наблюдать, чтобы найти ключ к этому. Я думал, что если буду внимательно наблюдать, их голоса или выражение их лиц обнаружит как много они знают. Но они продолжали молчать и предоставили мне самому вести весь разговор. Я начал сомневаться в том, должен ли я вообще выдавать какую-либо информацию по своей инициативе. Пытаясь рассчитать, что мне делать, чтобы не допустить промах, я кончил тем, что стал говорить чепуху. Лидия оборвала меня. Сухим тоном она сказала, что мне нечего беспокоиться о здоровье доньи Соледад, потому что они уже приняли меры, чтобы оказать ей помощь. Это утверждение заставило меня спросить ее, знает ли она, что случилось с доньей Соледад.

— Ты забрал ее душу, — сказала она обвиняюще.

Моей первой реакцией было защищать себя. Я начал горячо говорить, но кончил тем, что запутался в противоречиях. Они пристально смотрели на меня. Я пришел в полное замешательство. Я попытался сказать то же самое другими словами. Мое утомление было таким интенсивным, что я с трудом мог собраться с мыслями. Наконец я сдался.

— Где Паблито и Нестор? — спросил я после длинной паузы.

— Они скоро будут здесь, — мгновенно ответила Лидия.

— Вы были с ними? — спросил я.

— Нет! — воскликнула она и уставилась на меня.

— Мы никогда не бываем вместе, — объяснила Роза. — эти бездельники отличаются от нас.

Лидия сделала повелительный жест своей ногой, чтобы она замолчала. По-видимому, она была тем, кто отдавал приказы. Уловив движение ее ног, я вспомнил один очень своеобразный аспект моих отношений с доном Хуаном. Во время наших бесчисленных скитаний он успешно, без всяких заметных усилий обучил меня системе тайной коммуникации посредством закодированных движений ног. Я заметил, что Лидия делала Розе сигнал опасности, который подавался тогда, когда что-либо происходящее в поле зрения сигнализирующего является нежелательным или опасным. В данном случае — я. Я засмеялся. Я вспомнил, что дон Хуан дал мне этот сигнал, когда я впервые встретил дон Хенаро.

Я сделал вид, что не понимаю происходящего, чтобы посмотреть, не смогу ли расшифровать их сигналы. Роза сделала знак, что она собирается наступать на меня. Лидия ответила повелительным знаком, запрещающим это.

Согласно дону Хуану, Лидия была очень талантлива. С его точки зрения она была более чувствительной и алертной, чем Паблито, Нестор и я сам. Мне никогда не удавалось завязать с ней дружбу. Она была отчужденная и очень резкая. У нее были огромные черные неподвижные глаза, которые никогда ни на кого не смотрели прямо, широкие скулы и точеный нос, который немного уплощался и расширялся на переносице. Я вспомнил, что у нее были воспаленные красные веки, за что все насмехались над ней. Краснота ее век исчезла, но она продолжала тереть свои глаза и часто моргала. В течение лет моей связи с доном Хуаном и доном Хенаро, я видел Лидию чаще всего, и, несмотря на это, мы, вероятно, не обменялись друг с другом больше чем дюжиной слов. Паблито считал ее очень опасным существом. Я же всегда думал, что она была просто чересчур застенчивой.

Роза, с другой стороны, была очень бойкой. По моему мнению, она была самой младшей. У нее были открытые и сияющие глаза. Она никогда не была изворотливой, но была очень раздражительной. Я разговаривал с Розой больше, чем с остальными. Она была дружелюбной, очень дерзкой и очень забавной.

— Где остальные? — спросил я Розу.

— Они скоро придут, — ответила Лидия.

Мне было ясно, что несмотря на внешнее дружелюбие, на уме у них было другое. Судя по их сигналам ногами, они были столь же опасны, как донья Соледад, и все же, когда я сидел там, глядя на них, мне казалось, что все было великолепно. Я испытывал самые теплые ощущения к ним. В действительности, чем более пристально они смотрели мне в глаза, тем интенсивнее становилось ощущение. В один момент я даже ощутил к ним настоящую страсть. Они были такими привлекательными, что я мог сидеть там часами, глядя на них, но одна отрезвляющая мысль заставила меня вскочить. Я не собирался повторять свою ошибку прошлой ночи. Я решил, что лучшей защитой будет выложить свои карты на стол. Твердым тоном я сказал, что дон Хуан подстроил некоторого рода испытание для меня, пользуясь доньей Соледад, или наоборот. Была вероятность того, что он и их тоже настроил таким же образом, и нам предстоит сражаться друг против друга в некоторого рода битве, которая может причинить вред кому-нибудь из нас. Я воззвал к их воинскому духу. Если они настоящие наследники дона Хуана, то они должны быть неуязвимы со мной, раскрыть свои планы и не вести себя, как обычные алчные человеческие существа.

Я повернулся в Розе и спросил у нее о причине, из-за которой она хотела наступать на меня. Она на мгновение растерялась, а потом рассердилась. Ее глаза пылали гневом, а маленький рот сжался.

Лидия очень ясно объяснила мне, что мне нечего бояться их, и что Роза сердится на меня потому, что я причинил вред донье Соледад. Ее ощущения были исключительно личной реакцией.

Тогда я сказал, что мне пора уходить. Лидия жестом остановила меня. Она, казалось, испугалась или сильно обеспокоилась. Она начала возражать, но тут меня отвлек шум, доносящийся из-за двери. Две девушки прыгнули в мою сторону. Что-то тяжелое прислонилось к двери или толкало ее. Тут я заметил, что девушки закрыли ее на щеколду. Я ощутил раздражение. Все это дело собиралось повториться снова, а я утомился и устал от всего этого.

Девушки взглянули друг на друга, потом взглянули на меня, а потом снова друг на друга.

Я услышал скуление и тяжелое дыхание какого-то большого животного возле дома. Это мог быть пес. Изнеможение помрачило мой ум в этот момент. Я бросился к двери, снял щеколду и стал открывать ее. Лидия испуганно метнулась к двери и снова закрыла ее.

— Нагваль был прав, — сказала она, запыхавшись. — ты думаешь и думаешь. Ты тупее, чем я думала.

Она подтолкнула меня обратно к столу. Я приготовился в уме в самых подходящих выражениях сказать им раз и навсегда, что с меня достаточно. Роза села рядом со мной, касаясь меня, я мог ощущать ее ногу, которая нервно соприкасалась с моей. Лидия стояла лицом ко мне, глядя на меня в упор. Ее горящие глаза, казалось, говорили что-то такое, чего я не мог понять.

Я начал говорить, но не кончил. У меня возникло внезапное и очень глубокое ощущение. Мое тело осознавало зеленоватый свет, какую-то флюоресценцию снаружи дома. Я не видел и не слышал ничего. Я просто осознавал свет, как если бы я внезапно

уснул и мои мысли превратились в образы, наложенные на мир обыденной жизни. Свет двигался с большой скоростью. Я мог чувствовать его своим животом. Я следовал за ним, или, скорее, фокусировал на нем свои внимание на мгновение, которое он двигался поблизости. Фокусирование моего внимания на свет привело к большой ясности ума. Я знал тогда, что в этом доме, в присутствии этих людей было неправильно и опасно вести себя как наивный наблюдатель.

— Ты не боишься? — спросила Роза, указывая на дверь.

Ее голос нарушил мою концентрацию.

Я согласился, что то, что там было, испугало меня на очень глубоком уровне, достаточным для того, чтобы я умер от страха. Я хотел сказать еще, но тут меня охватила ярость и я захотел увидеть и поговорить с доньей Соледад. Я не верил ей. Я пошел прямо в ее комнату. Ее там не было. Я стал звать ее, выкрикивая ее имя. В доме была еще одна комната. Я распахнул дверь и ворвался туда. Там никого не было. Мой гнев возрос в такой же пропорции, как и мой страх.

Я вышел через заднюю дверь и прошел к передней. В поле зрения не было видно даже пса. Я яростно застучал в переднюю дверь. Лидия открыла ее. Я вошел. Я заорал на нее, чтобы она сказала мне, куда все делится. Она опустила глаза и не ответила. Она хотела закрыть дверь, но я не позволил ей. Она быстро вышла и пошла в другую комнату.

Я снова сел у стола. Роза не двигалась. Она, казалось, застыла на месте.

Мы — одно и то же, — сказала она внезапно. — Нагваль сказал нам это.

— Скажи в таком случае, кто рыскал вокруг дома? — спросил я.

— Олли, — сказала она.

— Где оно сейчас?

— Оно все еще здесь. Оно не уйдет. В тот момент, когда ты будешь слабым, оно сомнет тебя. Однако мы не можем ничего рассказать тебе.

— Кто же тогда может рассказать мне?

— Ла Горда! — воскликнула Роза, открывая свои глаза так широко, как могла. — она та, кто может. Она знает все.

Роза спросила меня, можно ли закрыть дверь, на всякий случай. Не дожидаясь моего ответа, она медленно пошла к двери и с шумом захлопнула ее.

— Пока мы здесь, нам ничего другого не остается, кроме как ждать, — сказала она.

Лидия вернулась в комнату с каким-то пакетом, в котором был какой-то предмет, обернутый в кусок темно-желтой материи. Она казалась очень расслабленной. Я заметил, что она имеет очень властные черты характера. Каким-то образом она сообщила свое расположение духа Розе и мне.

— Ты знаешь, что здесь у меня? — спросила она.

Я не имел ни малейшего понятия. Она начала неторопливо разворачивать сверток. Потом она остановилась и посмотрела на меня. Она, казалось, колебалась. Она усмехнулась, как будто очень стеснялась показать, что было в свертке.

— Этот пакет Нагваль оставил для тебя, — пробормотала она, — но я думаю, что нам лучше подождать ла Горду. Я настаивал, чтобы она развернула его. Она свирепо взглянула на меня и унесла пакет из комнаты, не сказав ни слова. Я наслаждался игрой Лидии. Она исполняла нечто такое, что находилось в полном согласии с поручением дон Хуана. Она продемонстрировала мне, как извлечь небольшую пользу из обычной ситуации. Принеся пакет ко мне и сделав вид, что она собирается открыть его, уведомив меня, что дон Хуан оставил его для меня, она действительно создала тайну, которая была почти невыносимой. Она знала, что я вынужден остаться, если хочу узнать содержимое этого пакета. Я мог думать о множестве вещей, которые могли быть в этом свертке. По-видимому, это была трубка, которую дон Хуан использовал, когда имел дело с психотропными грибами. Он как-то заметил, что эта трубка будет отдана мне на хранение. Либо это мог быть его нож, или кожаный кисет, или даже его магические предметы силы. С другой стороны, это могла быть уловка со стороны Лидии; дон Хуан был слишком изощрен, слишком отвлечен, чтобы оставлять мне свои личные вещи.

Я сказал Розе, что я едва держусь на ногах и ослабел от голода. У меня была идея поехать в город, отдохнуть пару дней, а потом вернуться назад, чтобы увидеть Паблито и Нестора. Я сказал, что к тому времени я смогу встретиться даже с двумя другими девушками.

Тут вернулась Лидия, и Роза сказала ей о моем намерении уехать.

— Нагваль дал нам приказания слушаться тебя, как его самого, — сказала Лидия. — мы все являемся самим Нагвалем, но ты являешься им больше всего по какой-то причине, которую никто не понимает.

Обе они тотчас же заговорили со мной и гарантировали всеми способами, что ни одна не собирается предпринимать ничего против меня, как донья Соледад. У обеих в глазах светилась такая горячая искренность, что даже мое тело поверило. Я поверил им.

— Ты должен остаться, пока не вернется ла Горда, — сказала Лидия.

— Нагваль сказал, что ты должен спать в его постели, — добавила Роза.

Я начал ходить по комнате, мучаясь каверзной дилеммой. С одной стороны, я хотел остаться и отдохнуть, я чувствовал себя физически легко и счастливо в их присутствии, чего я не ощущал днем раньше с доньей Соледад. С другой стороны, моя разумная часть вообще не расслабилась. На этом уровне я был таким же испуганным, как все время. У меня были моменты слепого отчаяния, когда я действовал смело, но после того, как эти действия заканчивались, я чувствовал себя таким же уязвимым, как всегда.

Я погрузился в самоанализ, почти неистово вышагивая по комнате. Обе девушки оставались неподвижными, с волнением наблюдая за мной. Затем загадка внезапно разрешилась: я знал, что что-то во мне лишь делало вид, что оно боится. Я познакомился с этим способом реагировать в присутствии дон Хуана. На протяжении лет нашей связи я всецело полагался на него в отношении представления мне успокоительных мер от моего страха. Моя зависимость от него давала мне утешение и безопасность. Но теперь это было неразумно. Дон Хуан ушел. Его ученики не имели его терпеливости, или его искушенности, или его абсолютной власти. Искать у них утешения было очевидной глупостью.

Девушки повели меня в другую комнату. Окно выходило на юго-восток, там же была расположена и постель, которая представляла собой толстый мат, вроде матраца. Большой, длиной в два фута стебель агавы был разрезан таким образом, что пористая ткань служила подушкой или опорой для шеи. В средней части его была мягкая выемка. Поверхность агавы была очень мягкой. Она, по-видимому, была отполирована вручную. Я испробовал постель и подушку. Удобство и телесное удовлетворение, которое я испытывал, были необыкновенными. Лежа на постели дон Хуана я ощущал безмятежность и удовлетворенность. Несравнимый покой охватил мое тело. Однажды раньше у меня уже было подобное ощущение, когда дон Хуан сделал мне постель на вершине холма в пустыне северной Мексики. Я заснул.

Я проснулся с наступлением вечера. Лидия и Роза лежали почти наверху меня, погруженные в глубокий сон. Я лежал неподвижно 1-2 секунды, а затем обе одновременно проснулись.

Лидия зевнула и сказала, что они должны спать вместе со мной, чтобы защитить меня и позволить мне отдохнуть. Я был смертельно голоден. Лидия послала Розу в кухню приготовить еды. Она тем временем засветила все лампы в доме. Когда еда была готова, мы сели за стол. У меня было ощущение, как будто я знал их или был с ними всю жизнь. Мы ели молча. Когда Роза убирала стол, я спросил Лидию, спят ли они все в постели Нагваля; это была единственная постель в доме, кроме постели доньи Соледад. Лидия сказала прозаическим тоном, что они выехали из этого дома несколько лет назад в свое собственное место недалеко отсюда, и что Паблито уехал одновременно с ними и живет с Нестором и Бениньо.

— Но что с вами случилось? Я думал, вы все живете вместе, — сказал я.

— Больше нет, ответила Лидия. С тех пор, как Нагваль ушел, мы имеем отдельные задания. Нагваль соединил нас и Нагваль разделил нас.

— А где сейчас Нагваль? — спросил я самым небрежным тоном, каким только смог.

Они посмотрели на меня, а затем взглянули друг на друга.

— О, мы не знаем, — сказала Лидия. — он и Хенаро покинули нас.

Они, кажется, говорили правду, но я еще раз настоял, чтобы они рассказали мне то, что они знают.

— Мы действительно ничего не знаем, — отрезала мне Лидия, очевидно, возбужденная моими вопросами. — они ушли в другое место. Ты должен задать этот вопрос ла Горде. Она должна что-то рассказать тебе. Она знала вчера, что ты приехал, чтобы попасть сюда. Мы боялись, что ты умер. Нагваль сказал, что ты единственный, кому мы должны помогать и верить. Он сказал, что ты — это он сам.

Она закрыла свое лицо и захихикала, а потом добавила: «но в это трудно поверить».

— Мы не знаем тебя, — сказала Роза. — вот в чем дело. Мы четверо чувствуем одинаково. Мы боялись, что ты умер, а когда мы увидели тебя, мы рассердились на тебя за то, что ты не умер. Соледад для нас словно мать, может быть, даже больше, чем мать.

Они обменялись заговорщечким взглядом друг с другом. Я немедленно интерпретировал его как сигнал опасности. Они задумали что-то недоброе. Лидия заметила мое внезапное недоверие, которое, должно быть, было написано у меня на лице.

Она отреагировала серией утверждений об их желании помогать мне. Я, фактически, не имел основания сомневаться в их искренности. Если бы они хотели причинить мне вред, они могли бы сделать это тогда, когда я спал. Они говорили так убедительно, что я ощутил себя мелочным. Я решил распределить подарки, которые я привез для них. Я сказал им, что в пакетах находятся кое-какие безделушки и что они могут выбирать то, что им понравится. Лидия сказала, что они предпочли бы, чтобы я сам вручил подарки. Очень любезным тоном она добавила, что они были бы благодарны, если бы я также вылечил Соледад.

— Что по-твоему я должен сделать, чтобы вылечить ее? — спросил я ее после долгого молчания.

— Использовать свой дубль, — сказала она сухим тоном.

Я тщательно объяснил, что донья Соледад едва предательски не убила меня, и что я остался в живых благодаря чему-то во мне, что не было ни моим умением, ни моим знанием. Что касается меня, то неуловимое что-то, что кажется, нанесло ей удар, было реальным, но недостижимым. Короче говоря, я мог помочь донье Соледад не больше, чем сходить на луну.

Они слушали меня внимательно, оставаясь неподвижными, но возбужденными.

— Где донья Соледад сейчас? — спросил я Лидию.

— Она вместе с ла Гордой, — сказала она унылым тоном. — ла Горда забрала ее и пытается вылечить ее, но мы не знаем, где они на самом деле.

— А где Жозефина?

— Она пошла искать свидетеля. Он единственный, кто может вылечить Соледад. Роза считает, что ты знаешь больше, чем свидетель, но т.к. ты рассердился на Соледад, ты желаешь ее смерти. Мы не виним тебя.

Я заверил их, что я не рассержен на нее, уж во всяком случае я не желаю ее смерти.

— Тогда вылечи ее, — сказала Роза сердитым пронзительным голосом. — свидетель сказал нам, что ты всегда знаешь, что делать, а свидетель не может ошибаться.

— А кто такой, черт побери, свидетель?

— Нестор — свидетель, — сказала Лидия, как будто она была вынуждена произнести его имя. — ты знаешь это. Ты должен знать. Я вспомнил, что во время нашей последней встречи дон Хенаро называл Нестора свидетелем. Я подумал тогда, что это прозвище было шуткой или уловкой, которую Хенаро использовал, что ослабить охватившее всех напряжение и боль тех последних совместных минут.

— Это была не шутка, — сказала Лидия твердым тоном. — Хенаро и Нагваль вели свидетеля по иному пути. Они брали его с собой всюду, куда они ходили. Я имею в виду — всюду! И свидетель был свидетелем всего, что надо было засвидетельствовать.

Очевидно, между нами было ужасное отсутствие взаимопонимания. Я понял, что я был практически чужим для них. Дон Хуан держал меня вдали от всех, включая Паблито и Нестора. Кроме случайных «здравствуйте» и «до свидания», которыми мы обменивались на протяжении лет, мы никогда по-настоящему не разговаривали. Я знал их всех, главным образом, по описаниям, которые дон Хуан давал мне. Хотя я однажды встретил Жозефину, я не помнил, как она выглядела, и все, что я видел у ла Горды, это ее гигантский зад. Я сказал им, что я даже не знал, вплоть до сегодняшнего дня, что они четверо были ученицами дона Хуана и что Бениньо тоже был членом группы.

Они обменялись друг с другом смущенными взглядами. Роза открыла рот, собираясь что-то сказать, но Лидия дала ей команду ногами. Я полагал, что после длинного и откровенного объяснения они больше не будут тайком сообщаться друг с другом. Мои нервы были так взвинчены, что их скрытые движения ног привели меня в ярость. Я заорал на них во всю мочь и грохнул по столу правой рукой. Роза встала с невероятной скоростью, и, по-видимому, в ответ на ее внезапное движение мое тело само по себе, без участия разума, отступило назад, как раз вовремя, чтобы избежать на несколько дюймов удара массивной палкой или каким-то тяжелым предметом, который Роза держала в своей левой руке. Он упал на стол с оглушительным шумом.

Я снова услышал, как и предыдущей ночью, когда донья Соледад душила меня, очень своеобразный и загадочный звук, подобный звуку ломающейся трубки, прямо за трахеей в основании своей шеи. Мои глаза вытаращились и с быстротой молнии моя левая рука опустилась на верхушку резиновой палки и уничтожила ее. Я сам видел эту сцену так, как если бы наблюдал кинофильм.

Роза завопила, и я тогда осознал, что я наклонился вперед и всей своей тяжестью ударил оборотную сторону ее ладони своим левым кулаком. Я был потрясен. То, что произошло, показалось мне нереальным. Это был кошмар. Роза продолжала вопить.

Лидия увела ее в комнату дон Хуана. Я слышал ее крики боли еще некоторое время, а затем они прекратились. Я сел у стола. Мои мысли были хаотическими и бессвязными.

Своеобразный звук в основании своей шеи я осознал очень остро. Дон Хуан охарактеризовал его как звук, который производит человек в момент изменения скорости. Я смутно помнил, что испытывал этот звук в его компании. Хотя я начал сознавать его прошлой ночью, я не признавал его полностью, пока это не случилось с Розой. Затем я осознал, что этот звук вызвал особое чувство тепла на небе и в ушах. Сила и сухость звука заставили меня подумать о звоне большого треснувшего колокола.

Немного погодя вернулась Лидия. Она казалась более спокойной и собранной. Она даже улыбалась. Я попросил ее помочь мне распутать эту загадку и рассказать мне, что случилось. После длительного колебания она рассказала мне, что когда я заорал и грохнул по столу, Роза стала возбужденной и нервной и подумала, что я собираюсь причинить ей вред, и она попыталась ударить меня своей «сновидной рукой». Я увернулся от ее удара и стукнул ее по тыльной стороне ее руки таким же образом, как я ударил донью Соледад. Лидия сказала, что рука Розы будет беспомощной, пока я не найду способа помочь ей.

Затем в комнату пришла Роза. Ее рука была замотана в кусок материи. Она взглянула на меня. Ее глаза были подобны глазам ребенка. Мои ощущения были в полном смятении. Но другая часть оставалась невозмутимой. Если бы не эта часть, то я не остался бы в живых после нападения доньи Соледад или сокрушительного удара Розы.

После долгого молчания я сказал им, что с моей стороны было мелочно раздражаться их сообщениями посредством ног, но что нельзя сравнить оранье и стучание по столу с тем, что сделала Роза. В виду того, что я не был знаком с их практикой, она могла сильно повредить мою руку своим ударом.

Я потребовал самым угрожающим тоном, чтобы она показала мне свою руку. Она с неохотой развернула ее. Рука была опухшая и красная. В моем уме не оставалось никакого сомнения, что эти люди осуществляли определенного рода испытания, которые дон Хуан подстроил мне. Вступая в конфронтацию с ним, я был ввергнут в сферу, которую невозможно было достичь или постигнуть в разумных терминах. Он повторял снова и снова, что моя разумность охватывает только очень маленькую часть того, что он называл целостностью самого себя. Под напором непривычной и вполне реальной опасности моего физического уничтожения, мое тело должно было воспользоваться своими скрытыми ресурсами, либо умереть. Трюк, казалось, заключался в принятии возможности, что такие ресурсы существуют и могут быть достигнуты. Годы тренировки были шагами для того, чтобы прибыть к этому понятию. Согласно своей предпосылке о невозможности никаких компромиссов, дон Хуан добивался полной победы или полного поражения для меня. Если бы тренировка потерпела неудачу, чтобы привести меня в контекст с моими скрытыми ресурсами, то испытание сделало бы это очевидным, в каком случае я практически ничего не смог бы сделать. Дон Хуан сказал донье Соледад, что я убил бы самого себя. Будучи столь глубоким знатоком человеческой природы, он, вероятно, был прав.

Было пора переменить направление действий. Лидия сказала, что я мог бы помочь Розе и донье Соледад той же самой силой, которая причина им вред; проблема, следовательно, была в том, чтобы воспроизвести правильную последовательность ощущения, или мыслей, или чего-то еще, чтобы заставить мое тело высвободить эту силу. Я взял руку Розы и стал трогать ее, чтобы она излечилась. Я испытывал к ней только наилучшие ощущения. Я гладил ее руку, сжимал ее (Розу) в объятиях долгое время. Я гладил ее голову, и она уснула на моем плече, однако, краснота и опухлость ее руки не претерпела никаких изменений.

Лидия наблюдала за мной, не говоря ни слова. Она улыбалась мне. Я хотел сказать ей, что потерпел фиаско как исцелитель. Ее глаза, казалось, поймали мое настроение и удерживали его до тех пор, пока оно не застыло.

Роза хотела спать. Она была смертельно усталая либо больная. Я не хотел доискиваться, какая из двух причин имела место. Я поднял ее на руки, она была легче, чем я мог вообразить. Я отнес ее к постели дон Хуана и осторожно уложил ее. Лидия укрыла ее. В комнате было очень темно. Я выглянул из окна и увидел безоблачное небо, усыпанное звездами. Вплоть до этого момента я упускал из виду тот факт, что мы находились на довольно большой высоте.

Когда я взглянул на небо, я ощутил прилив оптимизма. Казалось, что звезды каким-то образом рады мне. Смотреть в юго-восточном направлении было действительно восхитительно.

Внезапно у меня возникло ощущение, которое я ощущал обязанным удовлетворить. Я захотел посмотреть, насколько отличался вид неба из окна доньи Соледад, которое было

обращено на север. Я взял Лидию за руку с намерением повести туда, но щекочущее чувство на макушке моей головы остановило меня. Оно прошло, как волна ряби по спине к пояснице, а оттуда к подложечной ямке. Я сел на мат. Я попробовал вспомнить свои ощущения. Казалось, в тот самый момент, когда я ощутил щекочущее раздражение на своей голове, мои мысли уменьшились по силе и по количеству. Я пытался, но не мог вовлечь себя в обычный ментальный процесс, который я называл думанием. Мои размышления заставили меня забыть о Лидии. Она опустилась на колени на пол лицом ко мне. Я начал осознавать, что ее огромные глаза внимательно рассматривают меня на расстоянии в несколько дюймов. Я автоматически взял ее руку и снова пошел в комнату доньи Соледад. Когда мы подошли к двери, я ощутил, что все ее тело оцепенело. Я должен был потянуть ее. Я уже собрался переступить через порог, как вдруг мне бросилась в глаза громадная черная масса человеческого тела, лежащая у стенки напротив двери. Зрелище было таким неожиданным, что я ахнул и выпустил руку Лидии. Это была донья Соледад. Ее голова покоилась около стены. Я обернулся к Лидии. Она отскочила на пару шагов. Я хотел прошептать, что донья Соледад вернулась, но никаких звуков моих слов не было, хотя я был уверен, что прошептал их. Я попытался заговорить снова, но не смог. Было так, как если бы слова требовали слишком много времени, а мне его не хватало. Я вступил в комнату и направился к донье Соледад. По-видимому, ей было очень больно. Я присел около нее и прежде, чем спросить ее о чем-нибудь, я поднял ее голову, чтобы посмотреть на нее. Я увидел, что на ее лбу что-то, это выглядело, как пластырь из листьев, который она сделала себе. Он был темный, липкий на ощупь. Я ощутил повелительную необходимость снять его со лба. Очень уверенным движением я обхватил ее голову, откинул ее назад и сорвал пластырь. Он был похож на облезшую резину. Она не двигалась и не жаловалась на боль. Под пластырем было желтовато-зеленое пятно. Оно двигалось, как если бы оно было живое или насыщено энергией. Я посмотрел на него на мгновение, не будучи в состоянии ничего сделать. Я ткнул в него пальцем, и оно пристало к нему, как клей. Я не впал в панику, как я обычно делаю; эта штука мне скорее понравилась. Я помешал ее кончиками пальцев, и вся она сошла со лба. Я встал. Липкая субстанция давала ощущение тепла. Мгновение она была похожа на пасту, а затем высохла между моими пальцами и на ладони руки. Затем я получил другой толчок озарения и побежал в комнату доня Хуана. Я схватил розину руку и стер то же самое флюоресцирующее желтовато-зеленое вещество с ее руки, которое я стер со лба доньи Соледад.

Мое сердце колотилось так сильно, что я едва мог стоять на ногах. Я захотел лечь, но что-то во мне толкнуло меня к окну и заставило стряхнуть пятно.

Я не могу вспомнить, как долго я стряхивал его. Внезапно я ощутил, что что-то трется о мою шею и плечи. Тут я начал осознавать, что я был практически голым и сильно вспотел. Лидия обернула мои плечи тряпкой и вытирала пот с моего лба. Ко мне сразу же вернулся мой нормальный мыслительный процесс. Я оглядел комнату. Роза была в глубоком сне. Я побежал в комнату доньи Соледад. Я ожидал найти ее тоже спящей, но там никого не было. Лидия пришла вслед за мной. Я рассказал ей, что случилось. Она бросилась к Розе и стала ее будить, в то время как я одевался. Роза не хотела просыпаться. Лидия схватила ее за здоровую руку и встряхнула ее. Одним пружинящим движением Роза встала и полностью проснулась. Они стали носиться по дому, гася лампы. Они, казалось, готовы были удирать. Я хотел спросить их почему они так торопятся, как вдруг я сам осознал, что я тоже оделся с большой поспешностью. Мы носились вместе, более того, они, казалось, ожидали моих прямых указаний.

Мы выбежали из дома, неся все пакеты, которые я привез. Лидия мне посоветовала их не оставлять, я не распределил их, и они все еще принадлежали мне. Я швырнул их на заднее сиденье машины, в то время, как две девушки примостились на переднем. Я завел машину и медленно поехал назад, нащупывая путь в темноте.

Когда мы были на дороге, я вплотную столкнулся с самой настоящей проблемой. Обе они заявили в унисон, что я являюсь их лидером; их действия зависят от моих решений. Я был Нагвалем. Мы не могли выбежать из дома и уезжать бесцельно. Я должен руководить ими. Но я, по правде говоря, не имел ни малейшего понятия куда ехать или что делать. Я случайно повернулся посмотреть на них. Фары бросали отблеск внутрь машины, и их глаза были подобны зеркалам, отражающим его. Я вспомнил, что глаза доня Хуана делали то же самое, они, казалось, отражали больше света, чем глаза обыкновенного человека.

Я знал, что обе девушки осознавали мое безвыходное положение. Лучше было бы пошутить насчет него, чтобы прикрыть мою несостоятельность, но я прямолинейно возложил ответственность за решение на них. Я сказал, что я еще не привык к роли Нагваля и буду признателен им, если они сделают мне предложение или указание, куда

нам следует ехать. Они, казалось, были недовольны мною. Они щелкнули языком и покачали головой. Я наскоро перебрал в уме различные варианты действия, ни один из которых не был подходящим, — такие, как отвезти их в город, или взять их в дом Нестора, или даже взять их в мексико.

Я остановил машину. Я двигался по пути к городу. Мне больше всего в мире хотелось поговорить с девушками откровенно. Я открыл рот, собираясь начать, но они отвернулись от меня, повернувшись лицом друг к другу и положили свои руки друг другу на плечи. Это, по-видимому, означало, что они отключились и не слушали меня.

Мое расстройство было огромным. Чего я жаждал в этот момент — это умения дон Хуана владеть любой ситуацией, его интеллектуальной способности дружеского общения, его юмора. Вместо этого я находился в компании двух дурочек.

Я подметил выражение подавленности в лице Лидии и это остановило лавину колкостей к самому себе. Я впервые начал отчетливо осознавать, что нашим взаимным разочарованиям не было конца. Очевидно, они тоже привыкли, хотя и в другой манере, к владению дон Хуана. Для них сдвиг от самого Нагваля ко мне был катастрофическим. Я долго сидел с включенным мотором. Затем внезапно у меня снова возникла телесная дрожь, которая началась на верхушке моей головы, как щекочущее ощущение, и тут я знал, что случилось, когда я недавно вошел в комнату доньи Соледад. Я не видел ее в обычном смысле. То, что, как я думал, было доньей Соледад, лежащей у стены, было в действительности памятью о ней, оставившей свое тело в момент удара. Я также знал, что когда я коснулся той липкой флюоресцирующей субстанции, я вылечил ее, и что это была некоторого сорта энергия, которую я оставил в ее голове и в руке Розы благодаря своим ударам.

В моем уме мелькнуло видение одного определенного ущелья. Я стал убежден, что донья Соледад и ла Горда находятся там. Мое знание не было лишь предположением, оно скорее было истиной, которая не нуждалась в дополнительном подтверждении. Ла Горда взяла донью Соледад на дно этого определенного ущелья и в этот самый момент пыталась вылечить ее. Я хотел сказать ей, что не нужно было лечить опухоль на лбу доньи Соледад и что им не было необходимости оставаться там.

Я описал свое виденье девушкам. Обе они сказали мне, как обычно говорил дон Хуан, чтобы я не индугировал. У них, однако, эта реакция была более подходящей. Я никогда не принимал всерьез его критику или насмешки, но в случае двух девушек это было иначе. Я ощутил обиду.

— Я отвезу вас домой, — сказал я. — где вы живете?

Лидия повернулась ко мне и яростно сказала, что обе они — мои подопечные, и что я должен позаботиться об их безопасности, т.к. по требованию Нагваля они отказались от своей свободы действий для того, чтобы помогать мне. Тут у меня вспыхнул гнев. Я захотел шлепнуть девушек, но тут я ощутил странную дрожь, которая пробежала по моему телу. Она снова началась, как щекочущее раздражение на верхушке головы, прошла вниз по спине и достигла пупочной области, и тогда я знал, где они живут. Щекочущее ощущение было подобно щиту, мягкому теплему слою пленки. Я мог чувствовать его физически, как оно покрывает участок между лобковыми костями и краем ребер. Мой гнев исчез и сменился странной трезвостью, отрешенностью и в то же время желанием смеяться. Я знал тогда нечто трансцендентальное. Под натиском действий доньи Соледад и сестричек мое тело прекратило составление мнений; в терминах дон Хуана я остановил мир. Я сочетал два разобщенных чувствования, щекочущее раздражение на самой верхушке головы и сухой треснувший звук в основании шеи: в их соединении заключается способ к этому прекращению составления мнений.

Когда я сидел в машине с двумя девушками на краю пустынной горной дороги, я знал как факт, что я первый имел полное осознание остановки мира. Это ощущение привело на ум мне воспоминание о другом подобном, самом первом телесном осознании, которое я имел годы тому назад. Оно имело отношение к щекочущему раздражению на верхушке головы. Дон Хуан сказал, что маги должны культивировать такое чувствование, и он подробно описал его. Согласно ему, это было нечто вроде зуда, которые не был ни приятным, ни болезненным и который появлялся на верхушке головы. Чтобы познакомить меня с ним на интеллектуальном уровне, он описал и проанализировал его особенности. Затем в практическом отношении он предпринял попытку руководить мною в развитии необходимого телесного ознакомления и запоминания этого телесного ощущения, заставляя меня бегать по веткам и скалам, которые выдавались в горизонтальной плоскости на несколько дюймов над моей головой.

На протяжении нескольких лет я пытался следовать его указаниям, но с одной стороны я не смог понять то, что он имел в виду своим описанием, а с другой стороны, я не смог

снабдить тело адекватной памятью, путем следования его прагматическим мерам. Я никогда ничего не ощущал на верхушке своей головы, когда я бегал под ветками и скалами, которые он избрал для своих демонстраций. Но однажды мое тело само собой открыло это чувство, когда я заводил высокую грузовую тележку в высокий трехъярусный гараж. Я въехал в ворота гаража с той же скоростью, с какой я обычно въезжал на своем маленьком двухдверном седане; в результате с высокого сиденья тележки я почувствовал, как поперечная бетонная балка крыши скользит по моей голове. И не смог остановить тележку вовремя и получил ощущение, что бетонная балка содрала с черепа кожу. Я никогда еще не водил такой высокий транспорт, как эта тележка, поэтому я не мог соответствующим образом настроить восприятие. Промежуток между верхом тележки и крышей гаража, как мне казалось, отсутствовал. Я ощущал балку кожей своего черепа.

В тот вечер я ездил часами внутри своего гаража, давая своему телу накопить память об этом щекочущем чувстве.

Я повернулся лицом к двум девушкам и хотел сказать им, что я только что выяснил, что я знаю, где они живут. Я воздержался от этого. Не было никакого способа описать им, что щекочущее чувство заставило меня вспомнить случайное замечание, которое дон Хуан сделал мне однажды, когда мы проходили мимо одного дома по пути к Паблито. Он указал на необычные особенности окружения и сказал, что этот дом был идеальным местом для успокоения, но не был местом для отдыха. Я повез их туда.

Их дом довольно большой. Это была такая же саманная постройка с деревянной крышей, как дом доньи Соледад. Он имел одну длинную комнату в передней части, крытую открытую кухню в задней части дома, огромный патио (внутренний дворик) рядом с кухней и участок для цыплят за пределами патио. Однако самой важной частью их дома была закрытая комната с двумя дверями, одна из которых выходила в переднюю комнату, а другая — назад. Лидия сказала, что они построили ее сами. Я захотел посмотреть на нее, но они сказали, что сейчас не время, т.к. Жозефины и ла Горды нет, чтобы показать мне части комнаты, принадлежащие им. В углу передней комнаты была большая встроенная кирпичная платформа. Она была примерно 13 дюймов в высоту и была сооружена как кровать, одним концом примыкающая к стене. Лидия положила несколько соломенных матов на ее плоский верх и пригласила меня лечь и спать, пока они будут наблюдать за мной.

Роза засветила лампу и повесила ее на гвоздь над постелью. Было достаточно света для писания. Я объяснил им, что писание ослабляет мое напряжение и спросил, не помешает ли оно им.

— Почему ты должен спрашивать? — остановила меня Лидия. — делай это и все.

В стиле легкого объяснения я сказал им, что я всегда делал некоторые вещи, такие как писание заметок, которые казались странными даже дону Хуану и дону Хенаро и тем более будут казаться странными им.

— Мы все делаем странные вещи, — сказала Лидия сухо.

Я сел на постели под лампой, прислонившись спиной к стене. Они легли рядом со мной, по обе стороны от меня. Роза укрылась одеялом и собралась спать, как будто все, что ей нужно было, лежать. Лидия сказала, что теперь подходящее место и время для нас поговорить, хотя она предпочла бы, чтобы я погасил свет, потому что он делает ее сонной.

Наш разговор во тьме был сосредоточен вокруг местонахождения двух других девушек. Она сказала, что не может представить, где находится ла Горда, но что Жозефина сейчас, безусловно, в горах, ожидая Нестора, несмотря даже на темноту. Она объяснила, что Жозефина была больше всех способна позаботиться о себе во всякого рода случайностях, таких, как пребывание в пустынном месте во тьме. Именно по этой причине ла Горда избрала ее, чтобы отправить с этим поручением.

Я заметил, что слушая, как они говорят о ла Горде, я составил мнение, что ла Горда действительно была их старшей, и что Нагваль сам поставил ее во главе. Она добавила, что если бы даже он не сделал этого, ла Горда раньше или позже взяла бы верх, потому что она самая лучшая.

В этом месте мне захотелось засветить лампу, чтобы писать. Лидия недовольно сказала, что свет не позволяет ей оставаться бодрствующей, но я настоял на своем.

— Что делает ла Горду самой лучшей? — спросил я.

— Она имеет больше личной силы, — сказала она. — она знает все. Кроме того, Нагваль научил ее, как контролировать людей.

— Ты завидуешь ла Горде за то, что она самая лучшая?

— Раньше завидовала, а теперь нет.

— Почему ты изменилась?
— Я в конце концов приняла свою судьбу, как сказал мне Нагваль.
— А какова твоя судьба?
— Моя судьба... Моя судьба — быть бризом. Быть видящей сны. Моя судьба — быть воином.

— А Роза и Жозефина завидуют ла Горде?
— Нет, не завидуют. Все мы приняли свою судьбы. Нагваль сказал, что сила придет только после того, как мы примем свои судьбы без взаимных упреков. Я часто возмущалась и испытывала ужас, т.к. я любила Нагваля. Я думала, что я женщина. Но он показал, что это не так. Он сказал мне, что я воин. Моя жизнь окончилась, когда я встретила его. Это тело, которое ты здесь видишь, новое. То же самое произошло со всеми нами. По-видимому, ты был не такой как мы, но нам Нагваль дал новую жизнь.

Когда он говорил нам, что собирается покинуть нас, потому что ему надо заниматься другими делами, мы думали, что мы умрем. А посмотри на нас сейчас. Мы живы, и ты знаешь, почему? Потому что Нагваль показал нам, что мы являемся им самим. Он здесь с нами. Он всегда будет здесь. Мы суть его тело и его дух.

— Вы четверо чувствуете одно и то же?
— Мы не четверо, мы суть одно. Это наша судьба. Мы должны поддержать друг друга. И ты такой же самый. Все мы суть одно и то же. Даже Соледад такая же самая, хотя она идет в другом направлении.

— А Паблито, Нестор и Бениньо, как обстоит дело с ними?
— Мы не знаем. Мы не любим их. Особенно Паблито. Он трус. Он не принял свою судьбу и хочет увильнуть от нее. Он даже хочет отказаться от своих шансов как маг и жить как обычный человек. Это будет великолепно для Соледад. Но Нагваль приказал нам помочь ему. Хотя мы устали помогать ему. Может быть в один из этих дней ла Горда отшвырнет его навсегда.

— Может ли она сделать это?
— Может ли она сделать это! Конечно, может. Она получила от Нагваля больше, чем остальные из нас. Может быть, даже больше, чем ты.

— Как ты думаешь, почему Нагваль никогда не говорил мне, что вы его ученицы?
— Потому, что ты пустой.
— Это он сказал, что я пустой?
— Всякий знает, что ты пустой. Это написано у тебя на теле.
— Как ты можешь утверждать это?
— У тебя в середине дыра.
— В середине моего тела? Где?

Она очень легко коснулась одного места на правой стороне моего живота. Она очертила круг своим пальцем, словно обводила край невидимой дыры диаметром 4-5 дюймов.

— А ты сама пустая, Лидия?
— Ты шутишь? Я полная. Разве ты не можешь видеть?
Ее ответы на мои вопросы приняли оборот, которого я не ожидал. Я не хотел раздражать ее своим невежеством. Я утвердительно кивнул головой.

— Как ты думаешь, почему у меня здесь дыра, которая делает меня пустым? — спросил я, решив, что это самый невинный вопрос.

Она не ответила. Она повернула свою голову ко мне и пожаловалась, что свет лампы мешает ее глазам. Я настаивал на ответе. Она вызывающе посмотрела на меня.

— Я не хочу больше разговаривать с тобой, — сказала она. — ты глупый. Даже Паблито не такой глупый, а он самый худший.

Я не хотел попасть в другой тупик, делая вид, что знаю о чем она говорит, поэтому я спросил ее снова, что вызвало мою пустоту. Я уговаривал ее сказать, горячо уверяя ее, что дон Хуан никогда не давал мне разъяснений на эту тему. Он повторял мне снова и снова, что я пустой, а я понимал его так, как любой западный человек понял бы это утверждение. Я думал, что он имел ввиду, что я был каким-то образом лишен решительности, воли, устремленности или даже разумности. Он никогда не говорил мне о дыре в моем теле.

— У тебя на правой стороне есть дыра, — сказала она, как само собой разумеющееся. — дыра, которую сделала женщина, которая опустошала тебя.

— Ты знаешь, кто эта женщина?
— Только ты можешь сказать это. Нагваль сказал, что мужчины в большинстве случаев не могут сказать, кто опустошил их. Женщины более удачливы, они знают точно, кто опустошил их.

— Твои сестры тоже пустые, как я?
— Не говори глупостей. Как они могут быть пустыми?
— Донья Соледад сказала, что она пустая. Выглядит ли она подобно мне?
— Нет. Дыра в ее животе огромна. Она находится по обе стороны, что означает, что ее опустошили мужчина и женщина.

— Что сделала донья Соледад с этими мужчиной и женщиной?
— Она отдала им свою полноту.

Я на мгновение заколебался, прежде чем задать следующий вопрос. Я хотел оценить все следствия из ее утверждения.

— Ла Горда была еще хуже, чем Соледад, — продолжала Лидия. — ее опустошили две женщины. Дыра в ее животе была похожа на пещеру. Но теперь она закрыла ее. И снова полная.

— Расскажи мне об этих двух женщинах.
— Я больше не могу тебе рассказывать ничего, — сказала она очень повелительным тоном. — только ла Горда может рассказать тебе об этом. Подождем, когда она придет.

— Почему только ла Горда?
— Потому что она знает все.
— Она единственная, кто знает все?
— Свидетель знает столько же, может быть даже больше, но он является самим Хенаро и поэтому с ним очень трудно ладить. Мы не любим его.

— Почему вы не любите его?
— Эти три дурня ужасны. Они такие же ненормальные, как Хенаро. Ведь они являются самим Хенаро. Они постоянно борются с нами, т.к. они боялись Нагваль и теперь они мстят нам... Во всяком случае, так говорит ла Горда.

— Что заставляет ла Горду говорить это?
— Нагваль рассказывал ей вещи, о которых он не говорил нам. Она видит. Нагваль сказал, что ты тоже видишь. Жозефина, Роза и я не видим, и тем не менее, мы пятеро суть одно и то же. Мы — одно и то же.

Фраза «мы одно и то же», которой пользовалась донья Соледад прошлой ночью, вызвала лавину мыслей и страхов. Я убрал свой блокнот. Я взгляделся вокруг. Я находился в странном мире, лежал в странной постели между двумя молодыми женщинами, которых я не знал. И все же я чувствовал себя здесь легко. Мое тело испытывало непринужденность и нейтральность. Я верил им.

— Ты собираешься спать здесь? — спросил я.
— А где же еще?
— А как насчет твоей собственной комнаты?
— Мы не можем оставить тебя одного. Мы ощущаем так же, как и ты; ты для нас чужой, если не считать того, что мы обязаны помогать тебе. Ла Горда сказала, что независимо от того, насколько ты глуп, мы должны заботиться о тебе. Она сказала, что мы должны спать в одной постели с тобой, как если бы ты был сам Нагваль.

Лидия погасила лампу. Я остался сидеть спиной к стене. Я закрыл глаза, чтобы подумать и немедленно уснул.

Лидия, Роза и я сидели на плоской площадке сразу перед передней дверью около двух часов с восьми часов утра. Я пытался вовлечь их в беседу, но они отказались разговаривать. Они казались очень расслабленными, почти сонными. Однако их отрешенное состояние не было заразительным. Сидение там в этом вынужденном молчании привело меня в мое собственное настроение. Их дом стоял на вершине небольшого холма, передняя дверь была обращена на восток. Оттуда, где я сидел, можно было видеть целиком узкую долину, которая пролегала с востока на запад. Городок мне не был виден, но я мог видеть зеленые участки возделанных полей на дне долины. На другой стороне и примыкая к долине во всех направлениях были гигантские выветрившиеся холмы. Высоких гор в окрестностях долины не было, только эти огромные выветренные круглые холмы, зрелище которых производило во мне самое интенсивное ощущение угнетенности. Я имел чувство, что эти холмы собирались перенести меня в другое место.

Лидия внезапно заговорила со мной, и ее голос нарушил мои грезы. Она подтолкнула мой рукав.

— Сюда идет Жозефина, — сказала она.
Я посмотрел на извилистую тропинку, которая вела из долины к дому. Я увидел женщину, медленно поднимающуюся по тропинке, на расстоянии примерно 50 ярдов. Я немедленно отметил заметную разницу в возрасте между Лидией и Розой и приближающейся женщиной. Я посмотрел на нее опять. Я никогда бы не подумал, что

Жозефина такая старая. Судя по ее медленной походке и позе ее тела, ей было где-то между 50 и 60. Она была тонкая, одета в длинную темную юбку и несла на спине связку хвороста. К ее поясу был привязан какой-то узел; было похоже на то, что она несла на своем левом боку завернутого ребенка. Казалось, что она кормила его грудью во время ходьбы. Ее поступь была почти немощной. Она с трудом одолела последний крутой подъем перед домом. Когда она, наконец, встала перед нами на отдалении нескольких ярдов, она дышала так тяжело, что я сделал попытку помочь ей сесть. Она сделала жест, по-видимому, означавший, что все в порядке.

Я слышал, как Лидия и Роза хихикали. Я не смотрел на них, т.к. мое внимание было целиком захвачено. Женщина передо мной была самым отвратительным и мерзким существом, какое я когда-либо видел. Она отвязала связку хвороста и сбросила его с грохотом на пол. Я непроизвольно подпрыгнул, отчасти из-за сильного шума, а отчасти потому, что женщина чуть не упала на мои колени под тяжестью дров.

Она на мгновение взглянула на меня и затем опустила глаза, по-видимому смущенная моей неловкостью. Она выпрямила спину и вздохнула с явным облегчением. Очевидно, охапка была слишком тяжелой для ее старого тела.

Когда она потягивала руки, ее волосы частично высвободились. Она носила грязную головную повязку, завязанную надо лбом. Ее волосы были длинными и седыми и казались грязными и спутанными. Я мог видеть белые волосы возле темно-коричневой повязки. Она улыбнулась мне и вроде бы кивнула своей головой. Все ее зубы, по-видимому, выпали, я мог видеть черную дыру ее беззубого рта. Она закрыла лицо рукой и засмеялась. Она сбросила сандалии и пошла в дом, не дав мне времени ничего сказать. Роза направилась за ней.

Я был ошарашен. Донья Соледад дала мне понять, что Жозефина такого же возраста, как Лидия и Роза. Я повернулся к Лидии. Она всматривалась в меня.

— Я не имел понятия, что она такая старая, — сказал я.

— Да, она довольно старая, — сказала она, как само собой разумеющееся.

— У нее есть ребенок? — спросил я.

— Да, и она всюду берет его с собой. Она никогда не оставляет его с нами. Она боится, что мы съедим его.

— Это мальчик?

— Мальчик.

— Сколько ему лет?

— Он у нее уже некоторое время. Но я не знаю его возраста. Мы считали, что она не должна иметь ребенка в ее возрасте. Но она не обратила на нас никакого внимания.

— Чей это ребенок?

— Жозефины, конечно.

— Я имел в виду, кто его отец?

— Нагваля, кого же еще?

Я подумал, что эта ситуация совершенно нелепая и очень нервная.

— Я полагаю, что все возможно в мире Нагваля, — сказал я.

Я высказал это скорее как соображение для самого себя, чем как утверждение, обращенное к Лидии.

— Разумеется, — сказала она и рассмеялась.

Гнетущая атмосфера этих выветренных холмов стала невыносимой. В этой местности было что-то, вызывающее отвращение, а Жозефина была поистине завершающим ударом. Вдобавок к уродливому старому зловонному телу и отсутствию зубов, она так же имела, по-видимому, какой-то паралич лица, мышцы левой стороны ее лица, судя по всему, были повреждены, что вызвало самое неприятное искажение ее левого глаза и левой стороны ее рта. Мое угнетенное настроение опустилось до сущей муки. Некоторое время я тешился идеей, к тому времени ставшей очень реальной, вскочить в машину и уехать.

Я пожаловался Лидии, что я чувствую себя нехорошо. Она засмеялась и сказала, что Жозефина, несомненно, устроила меня.

— Она оказывает это действие на людей, — сказала она. — она противнее таракана.

— Я помню, что видел ее однажды, — сказал я. — но она была молодой.

— Все меняется, — сказала Лидия философски, — тем или иным путем. Посмотри на Соледад. Какая перемена, а? И ты сам изменился. Ты выглядишь более массивным, чем я помню тебя. Ты становишься все больше и больше похожим на Нагваля.

Я хотел сказать, что перемена Жозефины была отвратительной, но я боялся, что она могла услышать меня.

Я посмотрел на обветренные холмы через долину. Я чувствовал себя так, словно я спасался бегством от них.

— Нагваль дал нам этот дом, — сказала она, — но он не является домом для отдыха. У нас был другой дом, прежде чем этот не стал действительно превосходным. Это место для воспарения. Эти горы там наверху подгоняют тебя что надо.

Ее уверенность в чтении моих мыслей выбила меня из колеи. Я не знал, что сказать.

— Мы все по натуре ленивы, — продолжала она. — мы не любим напрягаться. Нагваль знал это, поэтому он, должно быть, рассчитывал на то, что это место будет нас поджимать.

Она резко встала и сказала, что хочет что-нибудь поесть. Мы пошли в кухню, полуогороженный участок только с двумя стенами. В открытом конце, справа от двери, была глиняная печь; в другом конце, где две стенки смыкались, была большая обеденная площадка с длинным столом и тремя скамейками. Пол был вымощен гладкими речными камнями. плоская крыша была примерно 10 футов высотой и опиралась на две толстые стены и на толстые подпирающие столбы с открытых сторон.

Лидия положила мне миску бобов с мясом из горшка, который готовился на очень малом огне. Она подогрела на огне несколько маисовых лепешек, вошла Роза, села рядом со мной и попросила Лидию подать ей еды. Меня поглотило наблюдение за Лидией, как она набирает мясо и бобы. Она, казалось, на глаз отмеряет точную порцию. Она, должно быть, заметила, что я люблю ее манипуляциями. Она взяла два или три боба из розиной миски и вернула их в горшок.

Уголком своего глаза я увидел Жозефину, входящую в кухню. Однако, я не посмотрел на нее. Она села лицом ко мне с другой стороны стола. В животе у меня было нехорошее ощущение. Я чувствовал, что не мог есть, когда эта женщина смотрела на меня. Чтобы ослабить свое напряжение, я пошутил Лидии, что в розиной миске было еще два лишних боба, которые она не заметила. Она отделила черенком два боба с точностью, которая заставила меня открыть рот от изумления. Я нервно засмеялся, зная, что как только Лидия сядет, я вынужден буду переместить свои глаза от печки и очутиться в присутствии Жозефины.

В конце концов я неохотно должен был взглянуть через стол на Жозефину. Наступила мертвая тишина. Я недоверчиво уставился на нее. Рот мой открылся. Я услышал громкий смех Лидии и Розы. Мне потребовалось много времени, чтобы привести свои мысли и ощущения в какой-то порядок. Лицом ко мне сидела не Жозефина, которую я только что видел, а прелестная девушка. Она не имела индейских черт лица, как Роза и Лидия. Она больше походила на европейку, чем на индианку. У нее был светло-оливковый цвет лица, очень маленький рот и прекрасный точеный нос, маленькие белые зубы и короткие черные вьющиеся волосы. На левой половине лица у нее была ямочка, которая придавала ее улыбке определенную дерзость.

Это была девушка, которую я несколько лет тому назад встречал несколько раз. Она выдерживала мое внимательное изучение. Ее глаза были дружескими. Мною постепенно овладела какая-то неконтролируемая нервозность. Я кончил тем, что стал строить из себя клоуна, изображая свое неподдельное замешательство.

Они смеялись, как дети. После того, как их смех утих, я захотел узнать, какова была цель артистического представления Жозефины.

— Она практикует искусство выслеживания, — сказала Лидия. — Нагваль учил нас вводить в заблуждение людей, чтобы не обращали на нас внимания. Жозефина очень хорошенькая, и если она идет одна ночью, никто не будет приставать к ней, когда она безобразная и вонючая, а если покажется такой, какова она есть, ну ты сам можешь сказать, что тогда может случиться.

Жозефина утвердительно кивнула, а потом исказила свое лицо в самую мерзкую гримасу.

— Она может удерживать свое лицо таким весь день, — сказала Лидия.

Я стал спорить, что если бы я жил вокруг этих мест, я определенно обратил бы внимание на Жозефину с ее обманчивой внешностью скорее, чем без нее.

— Эта обманчивая внешность была рассчитана на тебя, — сказала Лидия и все трое рассмеялись. — и посмотри, как она ввела тебя в заблуждение. Ты обратил больше внимания на ее ребенка, чем на нее.

Лидия пошла в их комнату, вынесла сверток тряпок, который выглядел, как завернутый ребенок и бросила его на пол передо мной. Я разразился смехом вместе с ними.

— Вы все имеете особые обманчивые внешности? — спросил я.

— Нет, только Жозефина. Никто вокруг не знает, какая она в действительности, — ответила Лидия.

Жозефина кивнула и улыбнулась, но оставалась молчаливой. Она мне ужасно понравилась. В ней чувствовалось что-то такое невинное и милое.

— Скажи что-нибудь, Жозефина, — сказал я, беря ее за предплечье. Жозефина с ужасом посмотрела на меня и отпрянула. Я подумал, что я был захвачен своим воодушевлением и, по-видимому, схватил ее чересчур сильно. Я отпустил ее. Она выпрямилась. Она искривила свой маленький рот и тонкие губы и разразилась самыми невероятными ворчаниями и визгами. Все ее лицо неожиданно изменилось. Серия безобразных произвольных спазм исказила ее лицо, только что имевшее спокойное выражение.

Я посмотрел на нее, ужаснувшись. Лидия толкнула меня локтем.

— Чего ты испугался, дурень? — прошептала она. — разве ты не знаешь, что она стала немой и вообще не может говорить?

Жозефина, очевидно, поняла ее и, казалось, стала протестовать. Она погрозила Лидии кулаком и снова разразилась очень громкими и устрашающими воплями, а потом задыхнулась и закашлялась. Роза начала гладить ее по спине. Лидия пыталась сделать то же самое, но Жозефина чуть не ударила ее в лицо.

Лидия села рядом со мной и сделала жест беспомощности. Она пожала плечами.

— Она расстроилась, — прошептала мне Лидия.

Жозефина повернулась к ней. Ее лицо исказилось в очень безобразной гримасе гнева. Она открыла рот и стала издавать во всю мощь какие-то самые пугающие гортанные звуки.

Лидия соскользнула со скамейки и незаметно удалилась из кухни.

Роза держала Жозефину за руку. Жозефина, казалось, была олицетворением ярости. Она двигала ртом и искривляла свое лицо. За считанные минуты она потеряла всю прелесть и простодушие, которые очаровали меня. Я не знал, что делать. Я попытался попросить прощения, но нечеловеческие звуки Жозефины заглушили мои слова. Наконец, Роза увела ее.

Лидия вернулась и села за стол напротив меня.

— У нее что-то не в порядке, — сказала она, прикасаясь к голове.

— Когда это случилось? — спросил я.

— Давно. Нагваль, должно быть, что-то сделал с ней, потому что внезапно она перестала разговаривать.

Лидия казалась печальной. У меня было даже впечатление, что ее печаль обнаруживалась помимо ее желания. Я даже почувствовал искушение сказать ей не бороться так сильно, скрывая свои эмоции.

— Как Жозефина общается с вами? — спросил я. — она пишет?

— Пожалуйста, не говори глупостей. Она не пишет. Она — не ты. Она пользуется своими руками и ногами, чтобы сообщить нам, что она хочет.

Жозефина и Роза вернулись в кухню. Они стали около меня. Я подумал, что Жозефина снова была картиной простодушия и доброжелательства. Ее чарующее выражение на давало ни малейшего намека на то, что она могла быть такой безобразной, такой яростной. Глядя на нее, я внезапно понял, что ее невероятная способность к жестикуляции, несомненно, была тесно связана с потерей речи. Я рассуждал, что только личность, которая утратила способность произносить слова, могла быть такой искусной в мимике.

Роза сказала мне, что Жозефина поверила, что если она захочет, она сможет заговорить, т.к. она очень сильно полюбила меня.

— Пока ты не приехал, она была довольна тем, что есть, — сказала Лидия резким тоном.

Жозефина утвердительно кивнула головой, подтверждая высказывание Лидии, и издала ряд кротких звуков.

— Мне хотелось бы, чтобы здесь была ла Горда, — сказала Роза. — Лидия всегда раздражает Жозефину.

— Я делаю это ненамеренно! — запротестовала Лидия.

Жозефина улыбнулась. Казалось, будто она собирается просить прощения. Лидия оттолкнула ее руку.

— Ну тебя, немая идиотка, — пробормотала она.

— Жозефина не рассердилась. Она казалась отсутствующей. В ее глазах было так много печали, что я не хотел смотреть на нее. Я ощутил побуждение вмешаться с целью примирения.

— Она думает, что она единственная женщина в мире, у которой есть проблемы, — бросила Лидия. — Нагваль велел нам обращаться с ней круто и без снисхождения, пока она не перестанет ощущать жалость к самой себе.

Роза взглянула на меня и подтвердила заявление Лидии кивком головы.

Лидия повернулась к Розе и приказала ей отойти от Жозефины. Роза покорно отошла и села на скамейку рядом со мной.

— Нагваль сказал, что в один из этих дней она заговорит снова, — сказала Лидия мне.

— Эй! — сказала Роза, дергая меня за рукав. — может быть, это ты заставишь ее говорить?

— Ха! — воскликнула Лидия, как будто у нее возникла та же мысль. — может быть, это ты, почему мы должны были ждать тебя.

— Совершенно верно! — добавила Роза с выражением подлинного озарения.

Обе они вскочили на ноги и обняли Жозефину.

— Ты будешь говорить снова! — воскликнула Роза, встряхнув Жозефину за плечи.

Жозефина открыла глаза и стала вращать их. Она стала делать слабые приглушенные вздохи, как будто она всхлипывала и кончила тем, что стала метаться из стороны в сторону, крича, как животное. Ее возбуждение было таким большим, что она, казалось, разинула рот. Я искренне думал, что она находится на грани нервного срыва. Лидия и Роза подбежали к ней и помогли закрыть рот. Но они не пытались успокоить ее.

— Ты снова будешь говорить! Ты снова будешь говорить! — кричали они.

Жозефина всхлипывала и стонала так, что у меня по спине пробежал озноб.

Я был совершенно сбит с толку. Я пытался поговорить с ними по-существу. Я взывал к их разуму. Но тут я осознал, что его у них — по моим стандартам — было очень мало. Я расхаживал взад и вперед перед ними, пытаюсь сообразить, что делать.

— Ты сможешь ей, не так ли? — настоятельно спросила Лидия.

— Пожалуйста, сэр, ну пожалуйста, — умоляла меня Роза.

Я сказал им, что они сошли с ума, я просто не знаю, что делать. И тем не менее, когда я говорил, я заметил, что в глубине моей души было любопытное ощущение оптимизма и уверенности. Сначала я хотел отбросить его, но оно завладело мною. Однажды раньше у меня уже было подобное ощущение в связи с моей близкой подругой, которая была смертельно больна. Я думал, что мог помочь ей выздороветь и выйти из больницы, где она умирала. Я даже консультировался об этом с доном Хуаном.

— Безусловно, ты можешь вылечить ее и вырвать ее из рук смерти, — сказал он.

— Как? — спросил я его.

— Это очень простая процедура, — сказал он. — все, что ты должен сделать — это напомнить ей, что она неизлечимо больна. Т.к. это крайний случай, то она имеет силу. Ей нечего больше терять. Она уже все потеряла. Когда человеку нечего терять, он становится мужественным. Мы малодушны только тогда, когда есть что-то, за что мы еще можем цепляться.

— Но разве достаточно лишь напомнить ей об этом?

— Нет. Это даст ей поддержку, в которой она нуждается. Затем она должна оттолкнуть болезнь прочь своей левой рукой. Она должна толкать вперед перед собой свою левую руку, сжатую в кулак, словно она держит ручку двери. Она должна с усилием толкать и толкать ее, говоря болезни — вон, вон. Скажи ей, что т.к. ей больше нечего делать, она должна посвятить каждую секунду оставшейся ей жизни выполнению этого движения. Я заверяю тебя, что она может выкарабкаться, если захочет.

— Это звучит так просто, — сказал я.

Дон Хуан фыркнул.

— Это кажется просто, — сказал он, — но это не так. Чтобы сделать это, твоей подруге необходим неуязвимый дух.

Он долго смотрел на меня. Он, казалось, оценивал тревогу и печаль, которые я ощущал по отношению к моей подруге.

— Конечно, — добавил он, — если бы твоя подруга имела неуязвимый дух, то начнем с того, что она бы там не оказалась.

Я сообщил своей подруге то, что дон Хуан сказал мне. Но она была уже слишком слабой даже для того, чтобы пытаться двигать своей рукой.

В случае с Жозефиной основанием для моей тайной уверенности был тот факт, что она была воином с неуязвимым духом. Я молча спрашивал себя, нельзя ли применить то же самое движение руки к ней.

Я сказал Жозефине, что ее неспособность говорить была вызвана каким-то блоком.

— Да, да, это блок, — повторила Лидия и Роза вслед за мной.

Я объяснил Жозефине движение рукой и сказал ей, что она должна вытолкнуть свой блок, двигая рукой этим образом.

Глаза Жозефины застыли. Она, казалось, находилась в трансе. Она двигала своим ртом, производя едва слышные звуки. Она попыталась двигать своей рукой, но ее возбуждение было таким интенсивным, что она махала ею без всякой координации. Я

попытался скорректировать ее движения, но она, по-видимому, была в таком помраченном состоянии, что не могла даже услышать, что я говорю. Ее глаза вышли из фокуса, и я знал, что она находится на грани потери сознания. Роза, по-видимому, осознала происходящее, она отпрыгнула в сторону, схватила чашку с водой и плеснула ее на лицо Жозефины. Глаза Жозефины закатились, обнаружив белки. Она много раз моргала, прежде чем смогла сфокусировать свои глаза снова. Она двигала ртом, но не производила никаких звуков.

— Коснись ее горла! — закричала мне Роза.

— Нет! Нет! — в ответ закричала Лидия. — коснись ее головы. Это у нее в голове, тупица!

Она схватила мою руку, и я вынужден был позволить ей поместить ее на голове Жозефины.

Жозефина дрожала и мало-помалу она издала серию слабых звуков. Они казались мне каким-то образом более мелодичными, чем нечеловеческие звуки, которые она производила раньше.

Роза тоже, должно быть, заметила разницу.

— Ты слышишь это? Ты слышишь это? — спросила она меня шепотом.

Но, несмотря на эту разницу, Жозефина издала другую серию звуков, более чудовищных, чем раньше. Когда она успокоилась, она всхлипнула на момент, а потом вошла в другое состояние эйфории. Лидия и Роза в конце концов успокоили ее. Она плюхнулась на скамейку, по-видимому, изможденная. Она с трудом могла поднять свои веки, чтобы взглянуть на меня. Она кротко улыбалась.

— Я очень, очень огорчен, — сказал я и взял ее за руку. Все ее тело вибрировало. Она опустила голову и снова начала плакать. Я ощутил волну горячего сочувствия к ней. В тот момент я отдал бы свою жизнь, чтобы помочь ей.

Она неконтролируемо всхлипнула, пытаясь заговорить со мной. Лидия и Роза были, по-видимому, так захвачены ее драмой, что делали те же самые гримасы своими ртами.

— Ради всего святого, сделай что-нибудь! — воскликнула Роза умоляющим тоном.

Я испытывал невыносимую тревогу. Жозефина встала и заключила меня в объятия или, скорее, вцепилась в меня и рванула меня прочь от стола. В этот момент Лидия и Роза с удивительной проворностью схватили меня за плечи обеими руками и в то же самое время подцепили пятки моих ног своими. Вес тела Жозефины и ее объятия, плюс быстрота маневра Лидии и Розы, застали меня врасплох. Они все двигались одновременно и прежде, чем я понял, что случилось, они положили меня на пол с Жозефиной сверху меня. Я ощущал ее сердцебиение. Она вцепилась в меня с такой силой, что стук ее сердца отдавался в моих ушах. Я ощутил его биение в своей собственной груди. Я попытался оттолкнуть ее, но она держалась крепко. Роза и Лидия прижали меня к полу своей тяжестью на мои руки и ноги. Роза хихикнула, как ненормальная, и начала покусывать мой бок. Ее маленькие острые зубы лязгали, когда ее рот кусал, открываясь и закрываясь от нервных спазмов.

У меня одновременно было чувство боли, физического отвращения и ужаса. Я задыхался. Мои глаза не могли сфокусироваться. Я знал, что мне пришел конец. Тут я услышал сухой треснувший звук ломающейся трубки в основании своей шеи и ощутил щекочущее чувство на верхушке своей головы, пробежавшее подобно дрожи по всему телу. Следующая вещь, которую я знал, была та, что я смотрел на них с другой стороны кухни. Три девушки пристально смотрели на меня, лежа на полу.

— Чем это вы занимаетесь? — услышал я, как кто-то сказал громким строгим властным тоном.

Тут у меня возникло невероятное ощущение, как Жозефина отпустила меня и встала. Я лежал на полу и тем не менее, я также стоял на некотором расстоянии от них, глядя на женщину, которую никогда раньше не видел. Она находилась возле двери. Она пошла по направлению ко мне и остановилась в 6-7 футах. На мгновение она пристально взглянула на меня. Я непосредственно знал, что это была Ла Горда. Она потребовала объяснить ей, что происходит.

— Мы как раз разыгрывали с ним небольшую шутку, — сказала Жозефина, прочищая горло. — я изображала из себя немую.

Три девушки прижались друг к другу и начали смеяться. Ла Горда оставалась бесстрастной, глядя на меня.

Они разыгрывали меня! Моя глупость и доверчивость казались мне такими непростительными, что у меня начался приступ истерического смеха, который был почти неконтролируемым. Мое тело дрожало.

Я знал, что Жозефина не шутила, как она только что заявила. Они трое преследовали какую-то цель. Я действительно ощущал тело Жозефины, как какую-то силу, которая на самом деле стремилась попасть внутрь моего тела. Покусывание моего бока Розой для отвлечения моего внимания совпало с возникшим у меня чувством, что сердце Жозефины колотится у меня в груди.

Я слышал, как ла Горда убеждала меня успокоиться.

У меня возник нервный трепет в средней части тела, а затем на меня накатил тихий гнев. Я ненавидел их. С меня было достаточно. Я собирался подобрать куртку и блокнот и уйти из дому невзирая на то, что я еще полностью не пришел в себя. Мне было немного дурно, и мои чувства явно были расстроены. У меня уже было чувство, что когда я впервые взглянул на девушек через кухню, я действительно смотрел на них из положения выше уровня моих глаз, из какого-то места недалеко от потолка. Но еще более сбивало с толку то, что я действительно воспринимал, что щекочущее ощущение на верхушке моей головы было то, что вырвало меня из объятий Жозефины. Это было так, как будто бы что-то вышло из верхушки моей головы.

Несколько лет тому назад дон Хуан и дон Хенаро манипулировали моим восприятием, и у меня было невероятное двойное чувство, я ощущал, что дон Хуан опустился на меня и прижимает меня к земле и в то же время я ощущал, что я продолжал стоять. Я был действительно в нескольких местах сразу. На языке магов я мог сказать, что мое тело сохранило память об этом двойном восприятии и, по-видимому, повторило ее. Тут были, однако, две новые вещи, которые добавились к моей телесной памяти на этот раз. Одна — это было то щекочущее чувство, которое я начал осознавать во время своих столкновений с этими женщинами, и которое было средством прибытия к этому двойному восприятию. А вторая была тем звуком в основании моей шеи, высвобождающим во мне нечто, что было способным выходить из верхушки моей головы.

Спустя 1-2 минуты я совершенно определенно ощутил, что я спускаюсь с потолка, пока не оказался стоящим на полу. Моим глазам понадобилось некоторое время, чтобы приспособиться к смотрению на моем нормальном уровне глаз.

Когда я посмотрел на четырех женщин, я ощутил себя незащищенным и ранимым. Тут у меня возник момент разобщения или потери непрерывности восприятия, как будто я закрыл глаза и какая-то сила внезапно заставила меня крутнуться пару раз. Когда я открыл свои глаза, девушки стояли, уставившись на меня с открытыми ртами. Но каким-то образом я снова был самим собой.

3. ЛА ГОРДА

Первое, что я заметил у ла Горды, были ее глаза: темные и спокойные. Она, кажется, изучала меня с головы до ног. Ее глаза прошли по моему телу, как делал дон Хуан. В самом деле, ее глаза имели то же спокойствие и силу. Я знал, почему она была самой лучшей. Мне пришла в голову мысль, что это потому, что дон Хуан, должно быть, оставил ей свои глаза.

Она была чуть выше трех остальных девушек. У нее было худощавое темное тело и великолепная спина. Я отметил изящные линии ее широких плеч, когда она сделала полуоборот верхней частью тела, чтобы повернуться к трем девушкам.

Она дала им неразборчивую команду, и они сели на скамейку, прямо позади нее. Фактически она заслоняла их от меня своим телом.

Она снова повернулась лицом ко мне. У нее было исключительно серьезное выражение, но без капли мрачности или суровости. Она не улыбалась и, однако, она была дружелюбной. У нее были очень приятные черты лица: хорошей формы лицо, ни круглое, ни угловатое, маленький рот с тонкими губами, широкий нос, широкие скулы и длинные блестящие черные волосы.

Я не мог не заметить ее прекрасные мускулистые руки, которые она сцепила перед собой, над своей пупочной областью. Тильной стороной ее руки были повернуты ко мне. Мне было видно, что ее мускулы ритмически сокращались, когда она сжимала ладони.

Она была одета в длинное полинявшее оранжевое хлопчатобумажное платье с длинными рукавами и коричневую шаль. В ней было что-то ужасно успокаивающее и завершенное. Я ощутил присутствие дона Хуана. Мое тело расслабилось.

— Сядь, сядь, — сказала она мне успокаивающим тоном.

Я пошел назад к столу. Она указала мне место, где сесть, но я остался стоять.

Она в первый раз улыбнулась, и ее глаза стали мягче и более сияющими. Она была такая хорошенькая, как Жозефина. Она была самой прекрасной из всех них.

Мы минуту молчали. Как объяснение, она сказала, что они не щадили своих усилий с тех пор, как Нагваль ушел, и что благодаря своей самоотдаче они привыкли к задаче, которую он им оставил для выполнения.

Я совершенно не понимал, о чем она говорит, но когда она заговорила, я более, чем когда-либо ощутил присутствие дон Хуана. Дело было не в том, что она копировала его манеры или модуляции его голоса. Она обладала внутренним контролем, который заставлял ее действовать так, как дон Хуан. Их схожесть шла изнутри.

Я сказал ей, что я приехал, т.к. нуждаюсь в помощи Паблито и Нестора. Я сказал, что я был довольно тупым или даже глупым в понимании путей магов, но что я был искренним, и тем не менее все они обращались со мной злонамеренно и вероломно.

Она начала оправдываться, но я не дал ей кончить. Я поднял свои вещи и вышел через переднюю дверь. Она побежала за мной. Она не препятствовала мне уезжать, а вместо этого говорила очень быстро, как будто ей нужно было сказать все, что она хотела до моего отъезда.

Она сказала, что я должен выслушать ее, и что она собирается сказать мне все, что Нагваль поручил ей сообщить мне.

— Я еду в Мехико, — сказал я.

— Я поеду с тобой в Лос-Анжелес, если необходимо, — сказала она, и я знал, что она говорит правду.

— Прекрасно, — тут же сказал я, чтобы испугать ее, садясь в машину.

Она мгновение колебалась, затем молча села в машину и повернулась лицом к своему дому. Она поместила свои сложенные руки как раз ниже пупка. Она повернулась и обратила лицо к долине и сделала то же самое движение своими руками.

Я знал, что она делает. Она прощалась со своим домом и теми величественными круглыми холмами, которые окружали его.

Дон Хуан обучил меня этому жесту несколько лет тому назад. Он подчеркивал, что это был очень мощный жест, и что воин должен использовать его экономно. У меня были очень редкие случаи использовать его самому.

Прощальное движение, которое выполнила ла Горда, было вариантом того, которому научил меня дон Хуан. Он сказал, что руки складываются, как при молитве, либо тихо, либо с большой быстротой, в любом случае производя хлопающий звук. Выполненное тем или иным способом складывание рук должно было уловить ощущение, которое воин не хотел забыть. Когда руки были сложены и захватили это ощущение, они направлялись с большой силой к середине груди, на уровне сердца. Там это ощущение становилось кинжалом, и воин вонзал его в себя, как бы вонзая кинжал двумя руками.

Дон Хуан сказал мне, что воин прощается таким способом только тогда, когда у него есть основание считать, что он может не вернуться назад.

Прощание ла Горды увлекло меня.

— Ты прощаешься? — спросил я из любопытства.

— Да, — сказала она сухо.

— Почему ты не прикладываешь руки к груди? — спросил я.

— Это делают мужчины, женщины имеют матку. Они запасают свои ощущения там.

— Ты учишься, что так прощаются только тогда, когда ты не вернешься назад? — спросил я.

— Есть шансы, что я могу не вернуться, — ответила она. — я уезжаю с тобой.

Мною овладела беспричинная печаль, беспричинная в том смысле, что я не знал эту женщину вообще. У меня насчет нее были только сомнения и подозрения. Но когда я всмотрелся в ее ясные глаза, я почувствовал максимальное сродство с ней. Мой гнев исчез, сменившись странной печалью. Я посмотрел вокруг и знал, что эти таинственные круглые холмы разрывают меня на части.

— Эти холмы там вокруг — живые, — сказала она, читая мои мысли.

Я повернулся к ней и сказал, что как местность, так и женщины повлияли на меня на каком-то очень глубоком уровне, уровне, которого я в обычных условиях не постигал. Я не знал, что было более опустошительным, местность или женщины. Атаки женщин были прямыми и ужасными, а эффект этих холмов был постоянным, неотступным, вызывающим опасения и желание спастись бегством от них. Когда я рассказал об этом ла Горде, она сказала, что я точно оценил эффект этого места, что Нагваль оставил их здесь ввиду этого эффекта и что я не должен никого винить в том, что случилось, потому что Нагваль сам дал этим женщинам приказание попытаться разделаться со мной.

— Тебе он тоже дал такие приказания? — спросил я.

— Нет, мне не дал. Я не такая, как они, — сказала она. — Они сестры. Они суть одно и то же. Так же, как Паблито, Нестор и Бениньо — одно и то же. Только ты и я можем быть

одними и теми же. Сейчас это не так, потому что ты еще не полный. Но в один прекрасный день мы станем одним и тем же, в точности одним и тем же.

— Мне сказали, что ты единственная, кто знает, где сейчас Нагваль и Хенаро, — сказал я.

Она минуту всматривалась в меня, а потом утвердительно кивнула головой.

— Верно, — сказала она. — я знаю, где они. Нагваль велел мне взять тебя туда, если я смогу.

Я сказал ей, чтобы она не ходила вокруг да около, а немедленно открыла мне их полное местонахождение. Мое требование, казалось, ввергло ее в растерянность. Она извинилась и вновь заверила меня, что позднее, когда мы будем в пути, она раскроет мне все. Она попросила меня больше ничего не спрашивать о них, т.к. она получила строгие приказания не говорить ничего вплоть до подходящего момента.

Лидия и Жозефина подошли к двери и уставились на меня. Я поспешно забрался в машину. Ла Горда последовала за мной, и, когда она делала это, я не мог не заметить, что она вошла в машину так, как если бы входила в тоннель. Она словно заползала в нее. Дон Хуан обычно делал то же самое. Я однажды шутя сказал ему после того, как видел его делающим это много раз, что было бы более действенно входить так, как это делаю я. Я думал, что этот его странный способ входить был обусловлен его незнанием с автомобилями. Тогда он объяснил, что машина является пещерой и что в пещеры следует входить таким образом, как если бы мы собирались использовать их. Пещерам, будь они естественные или сделанные человеком, свойственен особый дух и к этому духу следует приближаться с уважением. Ползание было единственным способом показать это уважение.

Я колебался, спросить или нет ла Горду о том, не дон ли Хуан проинструктировал ее о таких деталях, но она заговорила первая. Она сказала, что Нагваль дал ей специальные инструкции насчет того, что делать в том случае, если я останусь в живых после атаки доньи Соледад и трех девушек. Затем она вскользь добавила, что перед тем, как поехать в Мехико, мы должны поехать в одно специальное место в горах, куда дон Хуан и я обычно ходили, и что там она выложит всю информацию, которую Нагваль никогда не открывал мне.

Я имел момент неуверенности, а затем что-то во мне, что не было моим разумом, заставило меня ехать в горы. Мы ехали в полном молчании. Я пытался в разные благоприятные моменты завязать разговор, но она останавливала меня всякий раз, резко качая головой. Наконец она, по-видимому, устала от моих попыток и сказала мне с силой, что то, что она должна сказать, требует места силы, и пока мы не прибудем на него, мы должны воздерживаться от опустошения себя бесполезным разговором.

После долгой езды и утомительной ходьбы в сторону от дороги, мы, наконец, достигли своего места назначения. Было уже далеко за полдень. Мы были в глубоком каньоне. Его дно было уже темным, хотя солнце еще освещало вершины гор над нами. Мы шли, пока не пришли к небольшой пещере, углубляющейся на несколько футов в северную сторону каньона, который пролегал с востока на запад. Я обычно проводил здесь много времени с доном Хуаном.

Перед тем, как мы вошли в пещеру, ла Горда тщательно подмела пол ветками, как обычно это делал дон Хуан, чтобы очистить камни от клещей и паразитов. Затем она нарезала большую охапку маленьких веток с мягкими листьями с окружающих кустов и разложила их на каменном полу в качестве подстилки.

Жестом она пригласила меня войти. Я всегда предоставлял дону Хуану войти первым в знак уважения. Я хотел сделать то же самое, но она отклонила мое предложение. Она сказала, что я — Нагваль. Я вполз в пещеру таким же способом, как она заползла в мою машину. Я засмеялся над своей непоследовательностью. Я никогда не был в состоянии обращаться со своей машиной, как с пещерой.

Она уговорила меня расслабиться и устроиться удобно.

— Причина, по которой Нагваль не мог раскрыть тебе все свои замыслы заключается в том, что ты не полный, — внезапно сказала ла Горда. — ты все еще остаешься таковым, но сейчас, после схваток с Соледад и с сестрами, ты сильнее, чем раньше.

— Что значит быть неполным? Все говорили мне, что только ты можешь объяснить это, — сказал я.

— Это очень простая вещь, — сказала она. — полный человек — тот, кто никогда не имел детей.

Она сделала паузу, как бы давая время записать то, что она сказала. Я поднял глаза от своих записей. Она внимательно смотрела на меня, оценивая эффект своих слов.

— Я знаю, что Нагваль говорил тебе то же самое, что я тебе только что сказала, — продолжала она. — ты не обратил никакого внимания на его слова, и ты, по-видимому, на мои слова тоже не обратил внимания.

Я громко прочел заметки и повторил то, что она сказала. Она хихикнула.

— Нагваль сказал, что неполный человек — это человек, который имел детей, — сказала она, как если бы диктовала мне.

Она изучающе смотрела на меня, по-видимому, ожидая вопроса или замечания. Я безмолвствовал.

— Теперь я сказала тебе все о том, что значит быть полным и неполным, — сказала она. — и я сказала тебе это точно так же, как Нагваль говорил мне. Это не имело никакого значения для меня тогда, и это не имеет никакого значения для тебя сейчас.

Я поневоле рассмеялся над тем, как она копирует дона Хуана.

— Неполный человек имеет дыру в своем животе, — продолжала она. — маг может видеть ее так же ясно, как ты можешь видеть мою голову. Когда дыра находится в левой стороне живота, ребенок, который произвел эту дыру, имеет тот же самый пол. Если она находится с правой стороны, ребенок имеет противоположный пол. Дыра на левой стороне черная, на правой — темно-коричневая.

— Ты можешь видеть эту дыру у тех, кто имел детей?

— Безусловно. Есть два способа видеть ее. Маг может видеть ее в своем сновидении, либо глядя непосредственно на человека. Маг, который видит, глядя на светящееся существо, без всякого труда обнаруживает, есть ли дыра в светимости его тела. Но даже если маг не знает, как видеть, он может посмотреть и действительно различить темноту дыры через одежды.

Она остановилась. Я побуждал ее продолжать.

— Нагваль сказал мне, что ты записываешь, а потом не помнишь то, что записал, — сказала она обвиняющим тоном.

Я запутался в словах, пытаюсь защитить себя. Тем не менее что, что она сказала, было правдой. Слова дона Хуана всегда оказывали двойное действие на меня: одно — когда я слушал в первый раз, что он говорит, и другое — когда я читал дома то, что я записал и о чем забыл.

Разговор с ла Гордой, однако, существенно отличался. Ученики дона Хуана ни в какой степени не были такими поглощающими, каким был он. Их откровения, хотя и необычные, были лишь недостающими кусочками составной головоломки. Из-за необычного характера этих кусочков картина не становилась более ясной, а становилась все более и более сложной.

— Ты имел коричневую дыру с правой стороны твоего живота, — продолжала она. — это означает, то тебя опустошила женщина. Ты сделал ребенка женского пола.

— Нагваль сказал, что я имела сама огромную черную дыру, потому что я произвела на свет двух женщин. Я никогда не видела эту дыру, но я видела других людей с такой дырой, какая была у меня.

— Ты сказала, что я имел дыру, у меня ее больше нет?

— Нет, она залатана. Нагваль помог тебе залатать ее. Без его помощи ты был бы еще более пустой, чем сейчас.

— Что это за латка?

— Латка в твоей светимости. Нет другого способа говорить об этом. Нагваль сказал, что маг вроде него самого может в любое время заполнить дыру. Но что эти заполнения — это только латка без светимости. Любой, кто видит или делает сновидение, может сказать, что это выглядит, как свинцовая латка на желтой светимости остальных частей тела.

Нагваль залатал тебя, меня и Соледад. Но он предоставил нам самим вернуть обратно сияние, светимость.

— Как он залатал нас?

— Он маг, он что-то положил в ваши тела. Он заменил нас. Мы больше не являемся теми же самими. Латка — это то, что он положил туда сам.

— Но как он положил это туда и что это такое?

— То, что он положил в наши тела, была его собственная светимость, и он сделал это при помощи своей руки. Он просто проникал в наши тела и оставлял там свои волокна. Он сделал это со всеми своими шестью детьми и с Соледад. Все мы — одно и то же. За исключением Соледад, она — нечто другое.

Ла Горда, казалось, не желала продолжать. Она заколебалась и начала запинаться.

— Что собой представляет донья Соледад? — настаивал я.

— Это очень трудно объяснить, — сказала она после длительных уговоров. — она такая же, как ты и я, и тем не менее, она отличается. Она имеет такую же самую светимость, но

она не с нами. Она идет в противоположном направлении. Прямо сейчас она больше всего подобна тебе. Оба вы имеете латки, которые выглядят, как свинец. Моя латка исчезла, и я снова полное светящееся яйцо. Поэтому я и сказала, что ты и я будем в точности такие же самые в один прекрасный день, когда ты снова станешь полным. То, что делает нас в данный момент почти такими же самими — это светимость Нагваля и тот факт, что оба мы идем в том же направлении и то, что мы оба были пустыми.

— Как полный человек выглядит для мага? — спросил я.

— Как светящееся яйцо, состоящее из волокон, — сказала она. — все волокна являются полными, они выглядят, как струны, туго натянутые струны. Это выглядит так, как если бы струны были тугие, как барабан.

С другой стороны, у пустого человека волокна оборваны на краях дыры. Если у него было много детей, то волокна вообще не похожи на волокна. Эти люди выглядят, как два светящихся участка, разделенных чернотой. Это ужасное зрелище. Нагваль заставил меня видеть таких людей, когда мы однажды были в городе в парке.

— Как ты думаешь, почему Нагваль никогда не говорил мне обо всем этом?

— Он говорил тебе все, но ты никогда не понимал его точно. Когда он осознал, что ты не понимаешь его, того, что он говорит, он бывал вынужден изменять тему. Твоя пустота препятствует твоему пониманию. Нагваль сказал, что для тебя совершенно естественно не понимать. Когда человек становится неполным, он действительно пуст; как тыкво-горлянка, из которой вынуть внутренности. Для тебя не имело значения, сколько раз он говорил тебе, что ты пустой, настолько не имело значения, что он даже разъяснял это тебе. А ты никогда не знал, то он имеет в виду, или, еще хуже, ты не хотел знать.

Ла Горда вступила на опасную почву. Я попытался отвлечь ее другим вопросом, но она отклонила его.

— Ты любишь одного маленького мальчика и ты не хочешь понять, то Нагваль имеет в виду, — сказала она обвиняюще. — Нагваль сказал мне, что ты имеешь дочь, которую ты никогда не видел, и что ты любишь того маленького мальчика. Одна взяла твое острие, другой захватил тебя. Ты сплотил их вместе.

Я должен был прекратить писание. Я выполз из пещеры и встал. Я начал спускаться вниз по крутому уклону к дну лощины. Ла Горда следовала за мной. Она спросила меня, не расстроился ли я из-за ее прямооты. Я не хотел врать.

— А как ты думаешь? — спросил я.

— Ты кипишь от злости! — воскликнула она и хихикнула с непосредственностью, которую я наблюдал только у дона Хуана и дона Хенаро.

Она, по-видимому, едва не потеряла равновесия и ухватила за мою левую руку. Чтобы помочь ей спуститься на дно лощины, я поднял ее за талию. Я думал, что она не могла весить больше 100 фунтов. Она поджала свои губы, как обычно делал дон Хенаро и сказала, что ее вес 115 фунтов. Мы оба одновременно рассмеялись. Это был момент прямого непосредственного общения.

— Почему ты даешь себе труд так много говорить о таких вещах? — спросила она.

Я сказал ей, что когда-то у меня был маленький мальчик, которого я безмерно любил. Я ощутил повелительную нужду рассказать ей о нем. Какая-то крайняя необходимость, выше моего понимания, заставила меня открыться этой женщине, которая была совершенно неизвестна мне.

Когда я начал рассказывать об этом маленьком мальчике, меня охватила волна ностальгии, по-видимому, это было влияние места, или ситуации, или времени дня. Каким-то образом я слил память о маленьком мальчике с памятью о доне Хуане и в первый раз за все это время я не видел его помимо дона Хуана. Лидия сказала, что они никогда не забывали его, он был их телом и их духом. В это мгновение я знал, что они имеют в виду. То же самое ощущал я сам. Однако в этой лощине неведомое ощущение преобладало надо мной. Я сказал ла Горде, что я никогда не забывал дона Хуана вплоть до этого момента. Она не ответила. Она смотрела в сторону.

По-видимому, мое ощущение тоски по этим двум людям обусловил тот факт, что оба они произвели катарсис в моей жизни. И оба они ушли. Я не осознавал вплоть до этого момента, каким окончательным было расставание. Я сказал ла Горде, что этот маленький мальчик был больше, чем кто-либо еще, моим другом и что в один день его забрали силы, которые я не мог контролировать. Это был, по-видимому, один из самых сильных ударов, которые я когда-либо получал. Я даже приехал к дону Хуану, чтобы попросить его о помощи. Это был единственный раз, когда я просил его помочь мне. Он выслушал мою просьбу и разразился громким хохотом. Его реакция была такой неожиданной, что я не мог даже разгневаться. Я мог сделать только критические замечания о том, что, как я думал, было его бесчувственностью.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил он.

Я сказал, что т.к. он маг, он мог, по-видимому, помочь вернуть мне моего маленького друга, ради моего утешения.

— Ты не прав, воин не ищет ничего для своего утешения, — сказал он тоном, не допускающим возражения.

Затем он приступил к разгрому моих аргументов. Он сказал, что воин не может в любом случае оставлять на волю случая ничего, что воин действительно влияет на исход случаев силой своего осознания и своего несгибаемого намерения.. Он сказал, что если бы я имел несгибаемое намерение защищать и помогать этому ребенку, я бы принял меры, обеспечивающие его пребывание со мной. Но фактически моя любовь является всего лишь пустым звуком, бесполезной вспышкой пустого человека. Затем он сказал что-то о пустоте и полноте, но я не хотел слушать его. Все, что я ощущал, было чувство утраты и пустота, о которой он упомянул, по моему убеждению относилась к ощущению утраты кого-то незаменимого.

— Ты любил его, ты чтил его дух, ты желал ему блага, теперь ты должен забыть его, — сказал он.

Но я не был в состоянии сделать так. В моих эмоциях было что-то ужасно живое, несмотря на то, что время смягчило их. Одно время я думал, что забыл, но один ночной инцидент произвел во мне глубочайший эмоциональный переворот. Я шел к себе в офис, как вдруг ко мне подошла молодая мексиканка. Она сидела на скамейке, ожидая автобуса. Она хотела узнать, идет ли этот автобус в детскую больницу. Я не знал. Она объяснила, что у ее малыша давно высокая температура и она мучилась, потому что у нее не было денег. Я подошел к скамейке и увидел маленького мальчика, который стоял на скамейке, прислонившись головой к спинке скамейки. Он был одет в куртку, короткие штанишки и шапочку. Ему было не больше двух лет. Он должно быть увидел меня, потому что подошел к краю скамейки и приблизил свою голову к моей руке.

— Моя головка болит, — сказал он мне по-испански.

Его голос был таким тонким и его темные глаза такими грустными, что на меня нахлынула волна неудержимой жалости. Я взял его на руки и отвез его и его мать в ближайшую больницу. Я оставил их там и дал его матери достаточно денег, чтобы оплатить счет. Но я не хотел оставаться или узнавать о них больше что-нибудь. Мне хотелось верить, что я помог им и что, сделав это, я отплатил духу человека.

Я научился магическому акту «оплаты духу человека» у дон Хуана. Я спросил его однажды, потрясенный сознанием того, что я никогда не мог отплатить ему за все, что он сделал для меня, потому что вряд ли было что-то такое, что я мог сделать, чтобы сравнять счет. Мы как раз выходили из банка после размена мексиканской валюты.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы ты мне отплатил, — сказал он, — но если ты все еще хочешь отплатить, сделай свой вклад в дух человека. Это всегда очень малый счет, и что бы ты ни вложил туда, это будет более, чем достаточно.

Помогая этому больному мальчику, я лишь отплатил духу человека за любую помощь, которую мой маленький мальчик может получить от незнакомых людей на своем пути.

Я сказал ла Горде, что моя любовь к нему будет оставаться живой всю мою жизнь, несмотря на то, что я никогда не увижу его снова. Я хотел сказать ей, что память, которая осталась у меня о нем, коренится так глубоко, что ничто не может коснуться ее, но я воздержался. Кроме того, стало темно, и я хотел выбраться из этой ложины.

— Давай уйдем отсюда, — сказал я. — я отвезу тебя домой. Может быть, в какое-нибудь другое время мы сможем поговорить об этих вещах снова.

Она засмеялась, как обычно смеялся надо мной дон Хуан. По-видимому, я сказал что-то очень смешное.

— Почему ты смеешься, Горда? — спросил я.

— Потому что ты знаешь сам, что мы не можем покинуть это место так просто, — сказала она. — у тебя здесь назначено свидание с силой. И у меня тоже.

Она пошла обратно к пещере и вползла в нее.

— Иди сюда! — закричала она оттуда. — нет способа покинуть это место.

Я отреагировал самым несообразным способом. Я вполз в пещеру и сел снова около нее. Было очевидно, что она тоже разыгрывала со мной трюк. Я залез туда не для того, чтобы противостоять ей. Я должен был быть разъяренным. Вместо этого я был безразличным. Я не мог обманывать себя, что я сделал здесь всего лишь остановку на пути в Мехико. Я приехал сюда, принуждаемый чем-то выше моего понимания.

Она вручила мне блокнот и жестом предложила мне писать. Она сказала, что если я буду писать, я не только расслаблюсь сам, но расслаблю так же и ее.

— Что это за свидание с силой? — спросил я.

— Нагваль сказал мне, что ты и я имеем здесь свидание с чем-то из этих мест. Ты сначала имел свидание с Соледад, а затем с сестричками. Они были предназначены уничтожить тебя. Нагваль сказал, что если ты останешься в живых после обоих нападений, я должна привести тебя сюда, чтобы мы вместе остались для третьего свидания.

— Какого рода это свидание?

— Я действительно не знаю. Как и все остальное, это зависит от нас. Прямо теперь здесь есть нечто, в этих местах, что ожидает нас. Я говорю, что оно ожидает нас, потому что я прихожу сюда сама все время и ничего еще не случилось. Но сегодня вечером иное. Ты здесь, и это нечто придет.

— Почему Нагваль пытается уничтожить меня? — спросил я.

— Он не пытается уничтожить никого, — протестующе воскликнула ла Горда. — ты его дитя. Он хочет, чтобы теперь ты был им самим. В большей степени им самим, чем любой из нас. Но чтобы быть настоящим Нагвалем, ты должен утвердить свою силу. Иначе он не заботился бы так тщательно о том, чтобы подстроить Соледад и сестричек преследовать тебя. Он научил Соледад, как изменить свой вид и омолодить себя. Он заставил ее сделать дьявольский пол в ее комнате. Пол, которому никто не может противиться. Видишь ли, Соледад пустая, так что Нагваль подстроил ее сделать нечто колоссальное. Он дал ей задание, очень трудное и опасное задание, но единственное, которое было приспособленное для нее, и это задание было — прикончить тебя. Он сказал ей, что не может быть ничего труднее, чем одному магу убить другого. Легче обычному человеку убить мага или магу убить обычного человека, а в случаях двух магов ситуация вообще очень трудная. Нагваль сказал Соледад, что ее лучший шанс был застать тебя врасплох и напугать. Это она и сделала. Нагваль подучил ее сделаться желанной женщиной, чтобы она могла заманить тебя в свою комнату, а там ее пол околдовал бы тебя, потому что, как я уже сказала, никто, решительно никто не может противостоять этому полу. Пол был шедевром Нагваля для Соледад. Но ты сделал что-то с ее полом, и Соледад была вынуждена изменить тактику в соответствии с инструкциями Нагваля. Он сказал ей, что если ее пол потерпит неудачу, и она не сможет напугать и застать тебя врасплох, она должна разговаривать с тобой и рассказать тебе все, что ты захочешь узнать. Нагваль научил ее говорить очень хорошо в качестве ее последнего ресурса. Но Соледад не смогла пересилить тебя даже в этом.

— Почему это было так важно — пересилить меня?

Она сделала паузу и внимательно посмотрела на меня. Она прочистила горло и села прямо. Она взглянула вверх на низкий потолок пещеры и шумно выдохнула через нос.

— Соледад женщина, подобно мне самой, — сказала она. — я расскажу тебе нечто из моей собственной жизни, и, может быть, ты поймешь ее.

— Однажды я имела мужчину. Он сделал меня беременной, когда я была очень молодой, и у нас с ним было две дочери. Одна за другой. Моя жизнь была адом. Этот мужчина был пьяницей и бил меня днем и ночью. И я ненавидела его, и он ненавидел меня. И я стала жирной, как свинья. Однажды мимо проходил другой мужчина, он сказал, что я понравилась ему, и хотел, чтобы я поехала с ним в другой город работать в качестве платной служанки. Он знал, что я была работающая женщина и хотел лишь эксплуатировать меня. Но моя жизнь была такой убогой, что я попала на эту удочку и пошла с ним. Он был хуже, чем первый мужчина — подлый и мерзкий. По истечении недели или около того, он не мог терпеть меня. И он привык избивать меня так, что ты не можешь себе представить. Я думала, что он собирается убить меня, а он не был даже пьяным, и все потому, что я не нашла работу. Он послал меня нищенствовать на улицах с больным ребенком. Из денег, которые я приносила, он что-то платил матери ребенка, а потом он обычно бил меня за то, что я мало приносила. Ребенок становился все более и более болезненным, и я знала, что если он умрет, когда я буду нищенствовать, этот мужчина убьет меня. Поэтому однажды, когда я знала, что его там не было, я пошла к матери ребенка и дала ей ее ребенка и немного денег, которые я заработала в тот день. Этот день был удачным для меня. Ребенок заграничной леди дал мне 50 песо на покупку лекарств для ребенка.

Я была у этого ужасного мужчины три месяца, а я думала, что прошло 20 лет. Я воспользовалась деньгами, чтобы вернуться назад в свой дом. Я снова была беременной. Тот мужчина хотел, чтобы у меня был свой собственный ребенок, чтобы он не должен был платить за ребенка. Когда я вернулась в свой родной город, я попыталась увидеть своих детей, но их забрала оттуда семья отца. Все семейство собралось вместе под предлогом, что они хотят поговорить со мной, но вместо этого они отвели меня в пустынное место, избили меня палками и камнями и оставили меня умирать.

Ла Горда показала мне множество шрамов на своей голове.

— И по сей день я не знаю, как мне удалось возвратиться в город. Я даже потеряла ребенка, которого имела в своем чреве. Я пошла к своей тетке, которая у меня осталась, мои родители уже умерли. Она ухаживала за мной, бедной душой, в течение двух месяцев, пока я не встала на ноги.

Потом однажды моя тетя сказала мне, что тот мужчина прибыл в город и разыскивает меня. Он обратился в полицию и сообщил, что уплатил мне деньги за работу вперед и что я сбежала, украв деньги, после того, как убила ребенка одной женщины. Я знала, что пришел мой конец. Но судьба снова повернулась ко мне лицом, и мне удалось уехать на грузовике одного американца. Я увидела грузовик, едущий по дороге, в отчаянии подняла руку, шофер остановился и позволил мне сесть. Он вез меня всю дорогу в эту часть Мексики. Он высадил меня в городе, где я не знала ни души. Я слонялась по всему этому месту целыми днями, как паршивая собака, питаюсь отбросами с улицы. Как раз тогда судьба повернулась ко мне лицом в последний раз.

Я встретила Паблито, перед которым я нахожусь в неоплатном долгу. Паблито взял меня в свою плотницкую мастерскую и выделил мне там угол для постели. Он сделал это потому, что почувствовал жалость ко мне. Он нашел меня на базаре, когда споткнулся и упал на меня. Я сидела там, попрошайничая. Мотылек или пчела, не знаю что, налетело на него и попало ему в глаз. Он повернулся кругом на пятках, споткнулся и полетел прямо на меня. Я думала, что он так разозлится, что ударит меня, но вместо этого он дал мне немного денег. Я спросила его, не может ли он дать мне работу. И тогда он взял меня в свою мастерскую и снабдил меня утюгом и гладильной доской, чтобы я занималась стиркой.

Мне жилось очень хорошо. Не считая того, что я сделалась толще, потому что большинство людей, которых я обстирывала, кормили меня своими остатками. Иногда я ела 16 раз в день. Я ничего не делала, кроме как ела. Уличные дети обычно дразнили меня, крались за мной, ступая по моим следам, а затем кто-нибудь толкал меня, и я падала. Эти дети доводили меня до слез своими жестокими шутками, особенно когда они нарочно пачкали мое белье.

Однажды поздно вечером один странный старик пришел увидеться с Паблито. Я никогда не видела этого человека раньше. Я никогда не знала, что Паблито был связан с таким жутким устрашающим человеком. Я повернулась к нему спиной и продолжала работать. Я была там одна. Внезапно я ощутила его ладони на своей шее. Мое сердце остановилось. Я не могла крикнуть, я не могла даже дышать. Я упала, и этот ужасный человек держал мою голову, наверное, в течение часа. Потом он ушел. Я была так напугана, что оставалась там, где упала, до утра. Паблито нашел меня там, он засмеялся и сказал, что я должна быть очень Горда и счастлива, потому что этот старик — могучий маг и является одним из его учителей. Я была огорошена. Я не могла поверить, чтобы Паблито был магом. Он сказал, что его учитель увидел совершенный круг мотыльков, летающих над моей головой. Он видел также мою смерть, кружащуюся вокруг меня. И поэтому он действовал с быстротой молнии и изменил направление моих глаз. Паблито также сказал, что Нагваль возложил свои руки на меня и проник в мое тело, и что скоро я буду другой. Я не имела никакого понятия, о чем он говорит. Я также не имела ни малейшего понятия, что сделал этот ненормальный старик. Но это не имело значения для меня. Я была подобна собаке, которую каждый вокруг пинал. Паблито был единственным человеком, который был дружественным ко мне. Сначала я думала, что он хотел, чтобы я была его женщиной. Но я была очень безобразная, толстая и вонючая. Он именно хотел быть дружественным ко мне.

Ненормальный старик пришел снова другой ночью и снова схватил меня сзади за шею. Он причинил мне ужасную боль. Я плакала и кричала. Я не понимала, что он делает. Он не говорил мне ни слова. Я смертельно боялась его. Затем позже он начал разговаривать со мной и сказал мне, что делать со своей жизнью. Мне понравилось то, что он сказал. Он брал меня всюду с собой. Но моя пустота была моим наихудшим врагом. Я не могла принять его путей, поэтому однажды ему надоело, он устал цацкаться со мной и наслал на меня ветер. Я была одна в тот день позади дома Соледад и я ощутила ветер, который стал очень сильным. Он дул через забор. Он попадал в мои глаза. Я хотела войти в дом, но мое тело было испугано и вместо того, чтобы пройти через дверь, я вышла через ворота в заборе. Ветер толкал меня и заставлял кружиться. Я попыталась войти обратно в дом, но это было невозможно. Он гнал меня в холмы прочь от дороги, и я в конце концов упала в глубокую яму, вроде могилы. Ветер держал меня там в течение многих дней, пока я не приняла решение измениться и принять свою судьбу. Тогда ветер остановился, и Нагваль нашел меня и взял меня обратно в дом. Он сказал мне, что моей задачей было отдать то,

что я не отдала — любовь и привязанность, и что я должна заботиться о сестрах, Лидии и Жозефине, лучше, чем если бы они были моими. Я поняла тогда, что Нагваль говорил мне в течение многих лет. Моя жизнь кончилась много времени тому назад. Он обеспечивал мне новую жизнь, и эта жизнь должна быть совершенно новой. Я не могла принести в эту новую жизнь свои старые уродливые пути. В ту первую ночь, когда он нашел меня, мотыльки указали ему на меня, я не имела права восставать против своей судьбы.

Я начала свое изменение, заботясь о Лидии и Жозефине лучше, чем о самой себе. Я делала все, что Нагваль говорил мне, и однажды ночью в этой самой лощине и в этой самой пещере я обрела свою полноту. Я заснула прямо здесь, где теперь сижу, а затем меня разбудил шум. Я подняла глаза и увидела себя такой, какой я когда-то была — стройной, юной, цветущей. Это был мой дух, который возвращался ко мне. Сначала он не хотел подходить ближе, потому что я выглядела довольно страшной. Но потом он не мог противиться и пришел ко мне. Я поняла прямо тогда, причем внезапно, то, что Нагваль пытался в течение многих лет объяснить мне. Он сказал, что когда человек имеет ребенка, этот ребенок забирает острие его духа. Для женщины иметь девочку означает конец этого острия. Иметь двух, как я, означает конец меня. Лучшие мои силы и иллюзии перешли к этим девочкам. Они похитили мое острие, сказал Нагваль, тем же самым путем, каким я похитила его у своих родителей. Такова наша судьба. Мальчик похищает большую часть своего острия у отца, а девочка — у своей матери. Нагваль сказал, что люди, которые имеют детей, могли бы сказать, если бы они не были такими упрямыми, что в них чего-то не хватает. Некоторая помешанность, некоторая нервозность, некоторая сила, которую они имели раньше, ушли. Они обычно имели это, но где оно теперь? Нагваль сказал, что оно в маленьком ребенке, бегающем около дома, полном энергии, полном иллюзии. Другими словами — полным. Он сказал, что если мы понаблюдаем за детьми, мы можем сказать, что они отважны, они двигаются прыжками. Если мы понаблюдаем за их родителями, мы можем увидеть, что они осторожны и робки. Они больше не прыгают. Нагваль сказал мне, что мы объясним это, говоря, что родители взрослые и имеют обязанности. Но это не правильно. Истина здесь в том, что они потеряли свое острие.

Я спросил ла Горду, не рассказывал ли ей Нагваль, что я говорил ему, что я знаю родителей, у которых гораздо больше духа и острия, чем у их детей.

Она засмеялась, закрыв лицо жестом притворного замешательства.

— Ты можешь спросить меня, — сказала она, хихикая, — ты хочешь слышать мое мнение?

— Конечно, я хочу слышать его

— Эти люди не имеют больше духа, у них было, прежде всего, много решительности и они приучили своих детей быть послушными и смирными. Они всю жизнь запугивали своих детей, вот и все.

Я описал ей случай человека, которого я знал, отца четырех детей, который в возрасте 58 лет полностью изменил свою жизнь. В результате он оставил свою жену и административную работу в большой корпорации, после того, как более 25 лет строил карьеру и семью. Он решительно бросил все это и отправился жить на остров в тихом океане.

— Ты хочешь сказать, что он отправился туда исключительно сам по себе? — спросила ла Горда тоном удивления.

Она разрушила мой аргумент. Я должен был признать, что этот человек отправился туда со своей 23-летней невестой.

— Которая, несомненно, является полной, — добавила ла Горда.

— Я вынужден был согласиться с ней снова.

— Пустой мужчина все время пользуется полнотой женщины. — Продолжала она. — полная женщина опасна в своей полноте больше, чем мужчина. Она ненадежная, изменчивая, нервная, но вместе с тем способна на большие изменения. Подобные женщины могут научиться и пойти куда угодно. Они ничего там не сделают, но это, прежде всего, потому, что им некуда стремиться. Пустые люди, с другой стороны, не могут больше так прыгать, но они более надежны. Нагваль сказал, что пустые люди подобны гусеницам, которые оглядываются вокруг прежде, чем продвинуться, потом они дают задний ход и затем снова немножко продвигаются. Полные люди всегда прыгают, кувыркаются, и почти всегда приземляются на голову, но это не беспокоит их.

Нагваль сказал, что для того, чтобы войти в другой мир, надо быть полным. Чтобы быть магом, надо иметь всю свою светимость: никаких дыр, никаких латок и все острие духа. Поэтому маг, который пуст, должен восстановить полноту. Будь он мужчина или женщина,

он должен быть полным, чтобы войти в тот мир, там, во сне, в ту вечность, где Нагваль и Хенаро ожидают нас.

Она остановилась и долго изучающе смотрела на меня. Света было едва достаточно для того, чтобы писать.

— Но как ты восстановила свою полноту? — спросил я.

Она подпрыгнула при звуке моего голоса. Я повторил свой вопрос. Она уставилась на потолок пещеры, прежде чем ответила мне.

— Я должна была отказаться от этих двух девочек, — сказала она. — Нагваль однажды говорил тебе, как это сделать, но ты не захотел слушать его. Суть его утверждений в том, что надо похитить обратно это острие. Он сказал, что мы получили его трудным путем, похитив его, и что мы должны возвратить его тем же самым трудным путем.

Он вел меня к тому, чтобы я сделала это, и первое, что он заставил меня сделать, это отказаться от своей любви к своим тем двум детям. Я должна была это сделать в сновидении. Мало-помалу я научилась не любить их, но Нагваль сказал, что это бесполезно, надо научиться не заботиться и не ненавидеть. Когда эти девочки не стали ничего значить для меня, я должна была увидеть их снова, обратить свои глаза на них и положить на них свои руки. Я должна была мягко погладить их по голове и позволить своей левой стороне вытащить острие из них.

— Что случилось с ними?

— Ничего. Они никогда ничего не ощущали. Они пошли домой и теперь они подобны двум взрослым людям. Пустые, как большинство людей вокруг них. Они не любят компанию детей, потому что они не нуждаются в них. Я сказала бы, что им стало лучше. Я взяла их ненормальность. Они не нуждаются в ней, а я нуждаюсь. Я не знала, что делала, когда давала ее им. Кроме того, они все еще сохраняют острие, которое они похитили у своего отца. Нагваль был прав: никто не заметил пропажи, а я действительно заметила свое приобретение. Когда я выглянула из этой пещеры, я увидела все свои иллюзии, выстроившиеся в ряд, как шеренга солдат. Мир был ярким и новым. Тяжесть моего тела и моего духа исчезли, и я поистине была новым существом.

— Ты знаешь, как ты забрала острие у своих детей?

— Они не мои дети! Я никогда не имела никакого ребенка. Посмотри на меня.

Она выползла из пещеры, подняла юбку и показала мне свое обнаженное тело. Первое, что я заметил, это то, какая она стройная и мускулистая.

Она заставила меня подойти поближе и исследовать ее. Ее тело было таким худым и твердым, что я должен был сделать вывод, что она, по-видимому, не могла иметь детей. Она поставила свою правую ногу на высокий камень и показала мне свое влагище. Ее стремление доказать свое изменение было таким интенсивным, что я вынужден был рассмеяться, чтобы скрыть свою нервозность. Я сказал, что я не доктор, и поэтому не могу ничего сказать, но что я уверен, что она, должно быть, права.

— Конечно, я права! — сказала она, когда вползла обратно в пещеру. — ничто никогда не выходило из этой матки.

После минутной паузы она ответила на мой вопрос, который я уже забыл под натиском ее показа.

— Моя левая сторона забрала мое острие обратно, — сказала она. — все, что я сделала, это пошла и навестила девочек. Я ходила туда четыре или пять раз, чтобы дать им время чувствовать себя легко со мной. Они были большими девочками и ходили в школу. Я думала, что я буду бороться с собой, чтобы не любить их, но Нагваль сказал, что суть не в этом, что если я хочу, то я могу любить их. Поэтому я любила их. Но моя любовь к ним была совсем такая же, как любовь чужого человека. Мой ум был подготовлен, мой замысел был несгибаем. Я хочу войти в другой мир, пока я еще остаюсь живой, как сказал мне Нагваль. Для того, чтобы сделать это, мне нужно все острие моего духа. Мне нужна моя полнота. Ничто не может отвратить меня от того мира! Ничто!

Она вызывающе уставилась на меня.

— Ты должен отказаться от обоих — от женщины, которая опустошила тебя, и от маленького мальчика, которого ты любишь, если ты стремишься к своей полноте. От женщины ты можешь отказаться легко. Маленький мальчик — это нечто иное. Ты думаешь, что твоя бесполезная привязанность к этому ребенку настолько ценная, чтобы удержать тебя от вхождения в ту среду?

Мне нечего было ответить. Дело было не в том, что я хотел обдумать это. Дело было скорее в том, что я пришел в полное замешательство.

— Соледад должна забрать свое острие у Паблито, если она хочет войти в Нагваль, — продолжала она.

— Как, черт побери, она собирается сделать это? Паблито, как бы слаб он ни был, все-таки маг.

— Но Нагваль дал Соледад уникальный шанс. Он сказал, что ее единственный момент наступит, когда ты вступишь в ее дом, и ради этого момента он не только заставил нас выехать в другой дом, но и заставил нас расширить тропу к дому, чтобы ты мог подъехать на машине к самой двери. Он сказал ей, что если она будет жить неуязвимой жизнью, она захватит тебя и высосет всю твою светимость, которая представляет собой всю силу, которую Нагваль оставил внутри твоего тела. Ей не было бы трудно сделать это, т.к. она идет в противоположном направлении, она могла бы выжать тебя досуха. Ее великим искусством было довести тебя до момента беспомощности.

Если бы она убила тебя, твоя светимость увеличила бы ее силу, и она тогда пришла бы за нами. Я была единственной, кто знал это. Лидия, Жозефина и Роза любили ее. Я нет. Я знала ее планы. Она взяла бы нас одну за другой в свое время, т.к. ей нечего было терять, а приобрести она могла все. Нагваль сказал мне, что для нее нет другого пути. Он вверил мне девушек и сказал, что делать в случае, если Соледад убьет тебя и придет за нашей светимостью. Он рассчитал, что у меня был шанс спасти тебя и, может быть, одну из трех девушек. Ты видишь, что Соледад вообще неплохая женщина, она просто делает то, что делал бы неуязвимый воин. Сестрички любят ее больше, чем собственных матерей. Она настоящая мать для них. Как сказал Нагваль, в этом было ее преимущество. Что бы я ни делала, я не была в состоянии оттолкнуть сестричек от нее. Так что, если бы она убила тебя, то затем взяла бы, по крайней мере, две из этих доверчивых душ. Тогда при отсутствии тебя Паблито был бы ничто. Соледад раздавила бы его, как клопа. А затем со всей своей полнотой и силой она вошла бы в тот мир, там во сне. Если бы я была на ее месте, я действовала бы точно таким же образом, как она.

Так что ты видишь, для нее это было все или ничего. Когда ты только приехал, все ушли. Это казалось концом для тебя и для некоторых из нас. Но потом в конце это было ничто для нее и шанс для сестричек. В тот момент, когда я знала, что ты одержал победу, я рассказала трем девушкам, что теперь была их очередь. Нагваль говорил, что они должны ждать тебя до утра, чтобы застать тебя врасплох. Он сказал, что утро не было благоприятным временем для тебя. Он приказал мне оставаться в стороне и не мешать сестрам и войти только в том случае, если ты попытаешься повредить их светимость.

— Им тоже было предназначено убить меня?

— Ну да. Ты являешься мужской стороной их светимости. Их полнота временами бывает их недостатком. Нагваль управлял ими железной рукой и уравнивал их, но теперь, когда он ушел, у них нет способа выравнивания. Твоя светимость могла бы сделать это для них.

— А как насчет тебя, ла Горда? Ты тоже предназначена прикончить меня?

— Я уже сказала тебе, что я другая. Я уравновешена. Моя пустота, которая была моим недостатком, является теперь моим преимуществом. Когда маг восстанавливает свою пустоту, он уравновешен, в то время, как магу, который всегда был полным, немного не хватает равновесия. Таким был Хенаро. Нагваль же был уравновешен, т.к. он был неполный, подобный тебе и мне и даже больше тебя и меня. Он имел трех сыновей и одну дочь.

Сестричкам, подобно Хенаро, не хватает уравновешенности. И в большинстве случаев так сильно, что они не знают меры.

— Как насчет меня, ла Горда? Должен ли я последовать их примеру?

— Нет. Только они могли извлечь пользу, высосав твою светимость. Ты не можешь извлечь пользы ни из чьей смерти. Нагваль оставил тебе специальную силу, некоторого рода равновесие, которого нет ни у одной из нас.

— Могут они научиться этому равновесию?

— Безусловно, могут. Но это не имеет отношения к задаче, которую должны выполнить сестрички. Их задача была — похитить твою силу. Для этого они стали такими едиными, что сейчас они составляют одно единое существо. Они тренировались, чтобы выпить тебя, как стакан содовой. Нагваль сделал из них обманщиц высшего порядка, особенно Жозефину. По сравнению с их искусством попытка Соледад была детской игрой. Она топорная женщина. Сестрички же — настоящие маги. Все из них завоевали твое доверие, в то время, как третья привела тебя в шоковое состояние и сделала тебя беспомощным. Они разыграли свою игру в совершенстве. Ты полностью включился в нее и чуть не погиб. Единственным слабым местом было то, что ты предыдущей ночью повредил и излечил светимость розы, и это сделало ее нервной. Если бы не ее нервозность и то, что она покусывала твой бок так сильно, то ты не имел бы шансов присутствовать сейчас здесь. Я

видела все из двери. Я вошла точно в тот момент, когда ты был близок к тому, чтобы уничтожить их.

— Но что я мог сделать, чтобы уничтожить их?

— Откуда я могу знать это? Я — не ты.

— Я имею в виду, что ты видела, что я делал?

— Я видела твоего дубля, выходящего из тебя.

— Как он выглядит?

— Он выглядит как ты, как же еще? Но он был очень большой и грозный. Твой дубль убил бы их. Поэтому я и вмешалась.

Мне потребовалась вся моя сила, чтобы успокоить тебя. Сестры были беспомощны. Они проиграли. Им грозила гибель. А ты был яростным и неистовым. Ты изменял цвет прямо перед нами дважды. Один цвет был таким неистовым, что я боялась, что ты убьешь меня тоже.

— Какой это был цвет, Горда?

— Белый, какой же еще. Дубль — белый, желтовато-белый, как солнце.

Я уставился на нее. Ее улыбка была совсем незнакомой для меня.

— Да, — продолжала она. — мы являемся кусочками солнца. Именно поэтому мы — светящиеся существа. Но наши глаза не могут видеть эту светимость, т.к. она очень тусклая. Только глаза мага могут видеть ее, а это случается только после целой жизни борьбы.

Ее откровение было для меня полным сюрпризом. Я попытался привести в порядок свои мысли, чтобы задать самый подходящий вопрос.

— Нагваль говорил тебе когда-нибудь что-нибудь о солнце? — спросил я.

— Да, все мы подобны солнцу, но очень-очень тусклому. Наш свет чересчур слабый, но, как бы то ни было, это свет.

— Но может быть он говорил, что солнце является Нагвалем? — настаивал я упорно.

Ла Горда не ответила. Она произвела серию произвольных шумов своими губами. По-видимому, она соображала, как ответить на мой вопрос. Я ожидал, готовый записать все это. После длинной паузы она выползла из пещеры.

— Я покажу тебе свой тусклый свет, — сказала она, как само собой разумеющееся.

Она пошла к центру узкой ложины впереди пещеры и села на корточки. Отсюда, где я находился, я не мог видеть, что она делает, так что я тоже был вынужден выбраться из пещеры. Я стоял на расстоянии 10-12 футов от нее. Она засунула руки под юбку, все еще сидя на корточках. Внезапно она встала. Ее руки были неплотно сжаты в кулаки, она подняла их над головой и щелкнула пальцами, открывая. Я услышал резкий лопающийся звук и увидел искры, вылетающие из пальцев. Она снова сжала свои ладони и затем щелкнула ими, открывая, и из них вырвался другой залп гораздо больших искр. Она присела на корточки и еще раз залезла под юбку. Она, казалось, что-то вытаскивала из своего лона. Она повторила пальцами щелкающие движения, когда подняла руки над головой, и я увидел побеги длинных светящихся волокон, вылетающих из ее пальцев. Я должен был наклонить голову вниз, чтобы видеть их на фоне уже темного неба. Они выглядели, как длинные тонкие нити красноватого цвета. Спустя некоторое время они угасали и исчезали.

Она присела на корточки снова, а когда позволила своим пальцам открыться, от них эманировала самая удивительная серия светов. Небо наполнилось толстыми лучами света. Это было увлекательное зрелище. Оно меня поглотило, мои глаза застыли. Я не обращал внимания на ла Горду. Я смотрел на света. Я услышал внезапный выкрик, который заставил меня взглянуть на нее как раз вовремя, чтобы увидеть, как она ухватилась одной из линий, которые она создала и выпустила, за самую верхушку каньона. Она висела так мгновение, подобно темной гигантской тени на фоне неба, а затем опустилась на дно ложины рывками или небольшими скачками или как если бы она сползла вниз по лестнице на брюхе.

Внезапно я увидел, что она стоит передо мной. Я не осознал, что упал на свой зад. Я встал. Она промокла от пота и задыхалась, пытаясь отдышаться. Она долго не могла говорить. Она начала трястись на месте. Я не осмеливался коснуться ее. Наконец она, по-видимому, успокоилась достаточно, чтобы заползти обратно в пещеру. Она отдыхала несколько минут.

Ее действия были такими быстрыми, что мне едва хватило времени, чтобы оценить то, что случилось. В момент ее демонстрации я ощущал невыносимую щекоющую боль в области сразу под пупком. Я сам не затрачивал никаких физических усилий и тем не менее, я тоже запыхался.

— Я думаю, что время идти на наше свидание, — сказала она, переводя дыхание. — мой полет открыл нас обоих. Ты ощутил мой полет в своем животе, это значит, что ты открыт и готов встретить четыре силы.

— О каких четырех силах ты говоришь?

— О четырех олли Нагваля и Хенаро. Ты уже видел их. Они устрашающие. Сейчас они высвободились из горлянок Нагваля и Хенаро. Ты слышал одного из них вокруг дома Соледад в прошлую ночь. Они ожидают тебя. В момент, когда наступит темнота дня, они бывают неудержимы. Один из них пришел за тобой даже в дневное время в дом Соледад. Эти олли теперь принадлежат тебе и мне. Мы возьмем по два олли каждый. Я не знаю, каких. И я также не знаю, как. Все, что Нагваль сказал мне, это то, что я и ты должны овладеть ими своими силами.

— Подожди, подожди! — воскликнул я.

Она не позволила мне разговаривать. Она мягко положила свою руку на мой рот. Я ощутил приступ ужаса под ложечкой. Я уже сталкивался в прошлом с какими-то необъяснимыми явлениями, которые дон Хуан и дон Хенаро называли своими олли. Их было четверо, и они были сущностями такими же реальными, как все в мире. Их присутствие было таким необычным, что каждый раз производило во мне состояние беспримерного страха, когда я воспринимал их. Первый, с которым я столкнулся, был олли дон Хуана: это была темная прямоугольная масса, 8-9 футов высотой и 4-5 футов в поперечнике. Она двигалась с сокрушительной тяжестью огромного валуна и дышала так, что это напоминало мне шум кузнечных мехов. Я всегда сталкивался с ней ночью, в темноте. Я представлял ее себе похожей на дверь, которая двигалась, поворачиваясь сначала на одном углу, а потом на другом.

Второй олли, которого я встретил, был олли дон Хенаро. Это был длиннолицый плешистый чрезвычайно высокий пылающий человек с толстыми губами и огромными опущенными глазами. Он всегда был одет в штаны, слишком короткие для его длинных тощих ног.

Я уже видел этих олли много раз, когда находился в компании дон Хуана и дон Хенаро. Зрелище их неизменно вызывало непримиримое разобщение между моим разумом и моим восприятием. С одной стороны, я не имел абсолютно никакого рационального основания верить, что то, что случается со мной, действительно имеет место, а с другой стороны, не было никакого возможного пути отбрасывать правдивость моего восприятия.

Так как они всегда появлялись в то время, когда поблизости были дон Хуан и дон Хенаро, я относил их за счет того могучего влияния, которое эти два человека оказывали на мою внушаемую личность. В моем понимании дело было в этом, либо в том, что дон Хуан и дон Хенаро владели силами, которые они называли своими олли, силами, которые были способны показываться мне, как эти ужасные сущности.

Характерной чертой олли было то, что они никогда не позволяли мне тщательно исследовать их. Я пытался в разное время фокусировать на них свое нераздельное внимание, но каждый раз я испытывал головокружение и раздвоение.

Другие два олли были неуловимыми. Я видел их только один раз — гигантского черного ягуара с желтыми горящими глазами и огромного хищного койота. Эти два зверя были предельно агрессивными и неодолимыми. Ягуар был олли дон Хенаро, а койот — олли дон Хуана.

Ла Горда выползла из пещеры. Я последовал за ней. Она вела меня за собой. Мы вышли из лощины и достигли длинной каменистой равнины. Она остановилась и предоставила мне идти впереди. Я сказал, что если она собирается мне предложить вести нас, то я собираюсь попробовать добраться до машины. Она утвердительно кивнула головой и прижалась ко мне. Я мог ощущать только ее холодную влажную кожу. Она, казалось, находилась в состоянии большого возбуждения. До того места, где мы оставили машину, была примерно миля, и чтобы достичь его, мы должны были пересечь пустынную каменистую равнину. Дон Хуан показал мне открытую тропу среди нескольких больших валунов, почти со стороны горы, которая примыкала к равнине с востока. Я направился к этой тропе. Какое-то незнакомое побуждение вело меня, иначе я пошел бы по той же самой тропинке, по которой мы шли раньше, когда пересекли равнину по ровному месту.

Ла Горда, казалось, предчувствовала нечто устрашающее. Она внезапно схватила меня. Ее глаза были дикими.

— Мы идем по правильному пути? — спросил я.

Она не ответила. Она сняла свою шаль и скрутила ее, пока она не стала выглядеть, как длинная толстая веревка. Она опоясала ее вокруг меня, скрестила концы и опоясала вокруг себя. Она завязала ее на узел и таким образом связала нас вместе поясом, который выглядел, как цифра 8.

— Для чего ты это сделала? — спросил я.

Она потрясла головой. Ее зубы стучали, но она не могла сказать ни слова. Она, по-видимому, была крайне испугана. Она подтолкнула меня, чтобы я продолжал идти. Я не мог не удивляться, почему сам не был испуган до потери сознания.

Когда мы достигли высокой тропинки, на мне начало сказываться физическое напряжение. Я запыхался и вынужден был дышать ртом. Я мог видеть очертания больших валунов. Луны не было, но небо было таким ясным, что было достаточно света для того, чтобы различать очертания. Я мог слышать, что ла Горда тоже пыхтит.

Я попросил остановиться, чтобы перевести дыхание, но она отрицательно потрясла головой и подтолкнула меня. Я хотел пошутить, чтобы разрушить напряжение, как вдруг я услышал странный шум тяжелых ударов. Моя голова непроизвольно повернулась вправо, чтоб позволить левому уху сканировать местность. Я на секунду остановил дыхание и тогда я ясно услышал, что кто-то еще, кроме меня и ла Горды тяжело дышал. Я снова проверил, чтобы убедиться в этом, прежде, чем сказать ей. Было несомненно, что эта массивная фигура находилась там среди валунов. Когда мы снова двинулись, я положил свою руку на рот ла Горды и дал ей знак задержать дыхание. Я сказал ей, что массивная фигура была очень близко. Казалось, она скользила так тихо, как только было возможно. Она мягко пыхтела.

Ла Горда была встревожена. Она присела на корточки и потянула меня за собой вниз шалью, завязанной вокруг моего пояса. Она на минуту засунула свои руки под юбку, а затем встала; ее ладони были сжаты, и когда она щелкнула пальцами, открывая их, из них вылетел снап искр.

— Помочись в свои руки, — прошептала ла Горда через стиснутые зубы.

— Что? — сказал я, не способный понять, что она хочет от меня.

Она прошептала свой приказ три или четыре раза с возрастающей настойчивостью. Она, должно быть, осознала, что я не знаю, чего она хочет, потому что она присела снова и показала, что она выделяла мочу в свои руки. Я уставился на нее ошеломленный, когда она заставила свою мочу лететь подобно красноватым искрам.

Мой ум был пуст. Я не знал, что было более поглощающим — Зрелище ла Горды, выделяющей свою мочу, или пыхтение приближающейся сущности. Я не мог решить, на каком из двух стимулов фокусировать свое внимание, оба были захватывающими.

— Быстро! Делай это в свои руки! — процедила ла Горда сквозь зубы.

Я слышал ее, но мое внимание было нарушено. Умоляющим голосом ла Горда добавила, что искры заставят приближающееся существо, что бы это ни было, отступить.

Она начала хныкать, а я начал ощущать отчаяние. Я мог не только слышать, но и чувствовать всем своим существом приближающуюся сущность. Я попытался помочиться в свои руки, но мои усилия не имели успеха. Я был слишком смущенным и нервным. Мною начало овладевать возбуждение ла Горды, и я делал отчаянные попытки, чтобы помочиться. Наконец, я сделал это. Я щелкнул пальцами три или четыре раза, но из них ничего не вылетело.

— Делай это снова, — сказала ла Горда. — требуется некоторое время, чтобы сделать искры.

Я сказал, что израсходовал всю мочу, которую имел. В ее глазах сквозила самая интенсивная безнадежность.

В этот момент я увидел массивную прямоугольную фигуру, движущуюся по направлению к нам. Каким-то образом она не казалась мне угрожающей, хотя ла Горда была на грани обморока от страха.

Внезапно она развязала свою шаль, вскочила на небольшую глыбу, которая была позади меня, и крепко ухватила за меня сзади, положив подбородок на мою голову. Она фактически вскарабкалась на мои плечи. В тот момент, когда мы приняли эту позу, фигура перестала двигаться. Она продолжала пыхтеть примерно в 20 футах от нас.

Я ощутил колоссальное напряжение, которое, казалось, было сосредоточено в средней части моего тела. Спустя некоторое время я знал без тени сомнения, что если мы останемся в этом положении, наша жизненная энергия истощится, и мы падём жертвой того, что нас преследовало.

Я сказал ей, что нам следует бежать ради спасения своих жизней. Она отрицательно потрясла головой. Она, казалось, вновь приобрела свою силу и уверенность. Она сказала, что мы должны спрятать свои головы и руки и лечь, прижав бедра к животу. Тут я вспомнил, что дон Хуан несколько лет тому назад заставил меня сделать эту вещь однажды ночью в Северной Мексике, когда я в пустынном поле был настигнут чем-то таким же незнакомым и тем не менее таким же реальным для моих чувств. В то время дон

Хуан сказал, что спастись бегством было бесполезно и единственное, что можно было сделать — это оставаться на месте в позе, которую только что предложила ла Горда.

Я готовился опуститься на колени, как вдруг у меня возникло неожиданное ощущение, что мы сделали ужасную ошибку, покинув пещеру. Мы должны вернуться в нее любой ценой.

Я закрепил шаль ла Горды петлей над своими руками и под плечами. Я попросил ее положить концы шали над моей головой, взобраться на мои плечи и встать на них, держась за концы шали и натягивая ее, как поводья. Несколько лет тому назад дон Хуан сказал мне, что нужно встречать страшные события, такие, как прямоугольная фигура впереди нас неожиданными действиями. Он сказал, что сам однажды столкнулся с оленем, который разговаривал с ним, и он стоял на своей голове в продолжении события, чтобы наверняка остаться в живых и ослабить напряжение от этой неожиданной встречи.

У меня была идея попытаться обойти вокруг этой прямоугольной фигуры назад к пещере с ла Гордой, стоящей на моих плечах.

Она прошептала, что о пещере не может быть и речи. Нагваль сказал ей ни за что не оставаться там. Я стал доказывать, когда закрепил шаль для нее, что мое тело имеет уверенность, что в пещере с нами будет все в порядке. Она ответила, что это правда и это сработало бы, если бы не одно обстоятельство, что у нас нет никаких способов контролировать эти силы. Нам необходимо специальное местоположение, своего рода горлянка, вроде тех, которые я видел висящими на поясе у дона Хуана и дона Хенаро.

Она сняла башмаки, вскарабкалась на мои плечи и встала там. Я держал ее за икры. Когда она натянула концы шали, я ощутил натяжение петли у себя подмышками. Я ждал, пока она не добилась равновесия. Идти в темноте, неся 113 фунтов на плечах, было незаурядным делом. Я шел медленно. Я отсчитал 23 шага и был вынужден опустить ее вниз. Боль в лопатках была невыносимой. Я сказал ей, что хотя она и очень стройная, ее вес сминал мои ключицы.

Однако самое странное было то, что прямоугольной фигуры не было в виду. Наша стратегия сработала. Ла Горда предложила, что она понесет меня на плечах некоторое время. Я нашел эту идею смешной, мой вес был больше того, что могло выдержать ее слабое телосложение. Мы решили идти некоторое время и смотреть, что случится.

Вокруг нас была мертвая тишина. Мы шли медленно, привязавшись друг к другу. Мы продвинулись не больше, чем на несколько ярдов, как я снова начал слышать странные дышащие шумы, мягкое длительное шипение, подобное шипению животных из семейства кошачьих. Я поспешно помог ей забраться на мои плечи и прошел еще шагов 10.

Я знал, что мы должны придерживаться тактики неожиданного, если хотим выбраться из этого места. Я пытался придумать другую серию неожиданных действий, которые мы могли использовать вместо стояния ла Горды на моих плечах, как вдруг она сорвала свое длинное платье. Одним единственным движением она обнажилась. Она соскочила на землю, что-то отыскивая. Я услышал треснувший звук, и она встала, держа ветку от низкого куста. Она разместила шаль около моих плеч и шеи и устроила нечто вроде опоры для езды верхом, где она могла бы сесть, обхватив меня ногами за талию, подобно ребенку, едущему верхом на спине. Затем она просунула ветку внутрь своего платья и подняла ее над головой. Она начала махать веткой, заставляя платье совершать странные скачки. К этому эффекту она добавила свист, имитирующий своеобразный крик ночной совы.

После сотни ярдов или около того, я услышал такие же самые звуки, доносящиеся позади нас и со стороны. Она переменила крик на птичий зов — пронзительный звук вроде того, который производит павлин. Спустя несколько минут такие же птичьи крики стали вторить со всех сторон.

Я был свидетелем подобного феномена ответных птичьих криков много лет тому назад с доном Хуаном. В то время я думал, что, по-видимому, эти звуки производил сам дон Хуан, который прятался поблизости в темноте, или даже кто-то, тесно связанный с ним, такой, как дон Хенаро, который помогал ему в создании неудержимого страха во мне, страха, который заставил меня бежать в полной темноте, совсем не спотыкаясь. Дон Хуан называл это особое действие бега в темноте бегом силы.

Я спросил ла Горду, знает ли она, как выполняется бег силы. Она сказала, что знает. Я сказал, что мы должны попробовать его, хотя я не был уверен, смогу ли я вообще выполнить его. Она сказала, что для этого неподходящее место и время и показала вперед. Мое сердце, которое стучало все это время, начало бешено колотиться в груди. Прямо перед нами, примерно в 10 футах и прямо посреди тропы находился один из олли дона Хенаро, странный пылающий человек с длинным лицом и лысой головой. Я услышал вопль ла Горды, доносившийся словно издалека. Она бешено колотила кулаками по моим

бокам. Ее действие нарушило мою фиксацию на человеке. Она повернула мою голову налево, потом направо. С левой стороны, почти касаясь моей ноги, была черная масса гигантской кошки с яркими желтыми глазами. Справа от себя я увидел огромного фосфорицирующего койота. Позади нас, почти касаясь спины ла Горды, была темная прямоугольная фигура.

Человек повернулся к нам спиной и начал двигаться по тропинке. Я также начал идти. Ла Горда продолжала издавать вопли и скуление. Прямоугольная масса чуть не хватала ее за спину. Я слышал, как она двигалась с сокрушающими тяжелыми ударами. Звук ее шагов отдавался в холмах вокруг нас. Я мог ощущать ее холодное дыхание на своей шее. Я знал, что ла Горда была близка к умопомешательству. Я тоже. Кошка и койот почти соприкасались с моими ногами. Я мог слышать их шипение и ворчание, которые нарастали. В этот момент у меня возникло иррациональное побуждение произвести определенный звук, которому меня научил дон Хуан. Олли ответили мне. Я неистово повторил этот звук, и они отвечали мне снова. Напряжение постепенно спадало, и когда мы приближались к дороге, я был участником очень экстравагантной сцены. Ла Горда сидела верхом, счастливо размахивая своим платьем над головой, словно ничего не произошло, в ритм со звуком, который я производил, а четыре создания другого мира отвечали мне, следуя за мной в ногу и примыкая к нам со всех четырех сторон.

Мы таким образом выбрались на дорогу. Но я не хотел уезжать. Казалось, что чего-то не хватает. Я остался неподвижным с ла Гордой на спине и произвел один очень специальный звук, которому дон Хуан научил меня. Он сказал, что это был зов бабочек. Чтобы произвести его, надо использовать край левой ладони и губы.

Как только я произвел его, все, казалось, стало мирно успокаиваться. Четыре сущности ответили, и когда они это сделали, я знал, какие из них были теми, которые будут действовать со мной.

Затем я направился к машине, спустил ла Горду со спины на водительское место и передвинул ее на ее сиденье. Что-то коснулось меня где-то и мои мысли были выключены.

Ла Горда предложила ехать к местечку, где жил Хенаро, вместо того, чтобы ехать к ее дому. Она сказала, что Бениньо, Нестор и Паблито жили там, но они были вне города. Ее предложение заинтересовало меня.

Когда мы прибыли в дом, ла Горда засветила лампу. Это место выглядело так же, как и в последний раз, когда я был у дона Хенаро. Мы сели на пол. Я подвинул скамейку и положил на нее блокнот. Я не устал и хотел писать, но не мог этого сделать. Я совсем не мог писать.

— Что Нагваль рассказывал тебе об олли? — спросил я.

Мой вопрос, по-видимому, застал ее врасплох. Она не знала, что отвечать.

— Я не могу думать, — наконец сказала она.

Казалось, она никогда не испытывала этого состояния прежде. Она расхаживала взад и вперед передо мной. Мелкие капли пота выступили на кончике ее носа и верхней губе.

Внезапно она схватила меня за руку и практически вытащила меня из дома. Она повела меня в ближайший овраг и там ее стошнило.

В моем животе появилось ощущение тошноты. Она сказала, что напряжение от олли было чрезмерным и что я должен заставить себя вырвать. Я уставился на нее, ожидая дальнейшего объяснения. Она взяла мою голову в свои руки и засунула свой палец с решительностью няни, имеющей дело с ребенком и действительно, заставила меня вырвать.

Я почувствовал себя лучше, но еще не успокоился. У меня было чувство усталости, вокруг глаз была тяжесть. Мы пошли обратно в дом. Когда мы достигли двери, ла Горда понюхала воздух, как собака и сказала, что она знает, какие олли являются моими. Ее утверждение, которое обычно не имело другого значения, помимо того, что она имела в виду, или того, которое я вложил в него, имело специальное качество катарсического свойства. Оно заставило меня разразиться мыслями. Сразу включились мои обычные интеллектуальные размышления. Я ощутил, что я подскочил в воздух, как если бы мысли сами по себе имели энергию.

Первая мысль, которая пришла мне в голову, была та, что олли являются реальными существами, как я предчувствовал, не смея сознаться даже самому себе. Я видел их, ощущал их и общался с ними. Я впал в эйфорию. Я обнял ла Горду и стал объяснять ей свою интеллектуальную дилемму. Я видел олли без помощи дона Хуана и дона Хенаро, и этот акт все перевернул во мне. Я рассказал ла Горде, что однажды, когда я сообщил дону Хуану, что я видел одного из олли, он засмеялся и настоятельно посоветовал мне не принимать себя так серьезно и не придавать значения тому, что я видел.

Я никогда не хотел верить в то, что я галлюцинирую, но я также не хотел допускать существования олли. Моя разумная подоплека была непреклонной. Я не мог заполнить этот пробел. На этот раз, однако, все было иначе, и мысль, что на этой земле действительно имеются существа, которые принадлежат другому миру и вместе с тем не чужды земле, была более того, что я мог вынести. Я сказал ла Горде, полушутя, что тайно я буду считать все сумасшествием. Это освободило бы некоторую часть меня от сокрушительной ответственности за перестройку своего понимания мира. Ирония заключалась в том, что я не мог бы более желать перестройки моего понимания мира, а именно, на интеллектуальном уровне. Но это не было достаточным. И это было моим непреодолимым препятствием всю дорогу, моим ужасным изъяном. Я желал заигрывать с миром дона Хуана, будучи убежденным наполовину, поэтому я был квази-магом. Все мои усилия были не больше, чем бессмысленным стремлением отгородиться интеллектом, словно я находился в академии, где можно заниматься этим самым занятием от 8.00 до 17.00, а потом, основательно устав, идешь домой. Дон Хуан обычно говорил в виде шутки, что расположив мир самым прекрасным и понятным образом, грамотей в 5 часов вечера уходит домой, чтобы забыть свои прекрасные построения.

Когда ла Горда готовила для нас еду, я лихорадочно работал над своими заметками. После еды я ощущал себя еще более расслабленным. Ла Горда была в наилучшем расположении духа. Она паясничала, как обычно делал дон Хенаро, имитируя мои жесты во время писания.

— Что ты знаешь об олли? — спросил я.

— Только то, что говорил мне Нагваль, — ответила она. — он сказал, что олли являются силами, которые маг научится контролировать. У него внутри горлянки было два олли, так же и Хенаро.

— Как они держали их в своих горлянках?

— Никто не знает этого. Все, что Нагваль знал, это что прежде, чем обуздать олли, надо найти очень маленькую безупречную горлянку с горлышком.

— Где можно найти такую горлянку?

— Где угодно. Нагваль оставил мне указания, что если мы останемся в живых после нападения олли, мы должны начать искать безупречную горлянку, которая должна быть величиной с большой палец левой руки. Такой размер имела горлянка Нагваля.

— Ты видела его горлянку?

— Нет. Никогда. Нагваль сказал, что горлянка такого рода не находится в мире людей. Она подобна маленькому узелку, который сложно распознать, свисающему с их поясов. Но если ты смотришь на нее преднамеренно, то ничего не увидишь.

За горлянкой, как только она найдена, следует ухаживать с большой заботой. Обычно маги находят горлянки, подобные тем, что на виноградных лозах в лесах. Они снимают их и высушивают, а затем выдалбливают. А потом маги сглаживают их и полируют. Как только у мага появляется горлянка, он должен подsunуть ее олли и заманить их, чтобы они жили там. Если олли соглашаются, то горлянка исчезает из мира людей и олли становятся помощниками мага. Нагваль и Хенаро могли заставить своих олли сделать все, что требовалось. Вещи сами по себе не могут ничего сделать. Такова, например, посылка ветра, чтобы он гнал меня, или посылка цыпленка, чтобы он бегал внутри блузы Лидии.

Я услышал своеобразный длительный шипящий звук, который я слышал в доме доньи Соледад двумя днями раньше. На этот раз я знал, что это ягуар. Звук не напугал меня. Фактически, я вышел бы посмотреть на ягуара, если бы ла Горда не остановила меня.

— Ты все еще не полный, — сказала она. — олли поглотят тебя, если ты выйдешь сам. Особенно этот красавец, который сейчас там рыскает.

— Мое тело ощущает себя очень безопасно, — сказал я.

Она похлопала меня по спине и удержала около скамейки, на которой я писал.

— Ты еще не полный маг, — сказала она. — ты имеешь огромную латку в середине твоего тела, и сила этих олли сорвет ее с места. Они не шутка.

— Что ты предполагаешь делать, когда какой-нибудь олли придет к тебе таким образом?

— Я в любом случае не буду волноваться насчет них. Нагваль научил меня быть уравновешенной. Сегодня вечером, например, я знала, какие олли перейдут к тебе, если ты когда-нибудь сможешь достать горлянку и обработать ее. Ты можешь страстно стремиться получить. Я — нет. Есть шансы за то, что сама я их никогда не получу. С ними много хлопот.

— Почему?

— Потому что они — силы, и, как таковые, могут выпить тебя до конца. Нагваль сказал, что лучше пожертвовать всем, кроме своей цели и свободы. Однажды, когда ты будешь полным, мы должны будем, по-видимому, сделать выбор, иметь их или не иметь.

— Я сказал ей, что мне лично понравился ягуар, несмотря на то, что в нем было что-то подавляющее.

Она воззрилась на меня. В ее глазах сквозило удивление и замешательство.

— Он мне действительно понравился, — сказал я.

— Расскажи мне, что ты видел, — попросила она.

В этот момент я осознал, что я автоматически предполагаю, что она видела то же самое, что и я. Она слушала меня более чем внимательно. Она, казалось, была захвачена моим изложением.

— Олли не имеют формы, — сказала она, когда я кончил. — они подобны некоему присутствию, подобно ветру, подобно пламени. Первый, которого мы обнаружили сегодня вечером, был чернотой, которая хотела попасть внутрь моего тела. Именно поэтому я завопила. Я ощущала, как она поднимает мои ноги. Другие олли были просто цвета. Их пылание, однако, было таким сильным, что оно осветило тропинку, как днем.

Ее утверждения поразили меня. Я в конечном счете принял после многих лет борьбы и исключительно на основании нашего свидания с ними этой ночью, что олли имели общепринятую форму, субстанцию, которая могла восприниматься одинаково чувствами каждого человека.

Я шутливо сказал ла Горде, что я уже записал в своих заметках, что они были творениями, имеющими форму.

— Что же мне теперь делать? — задал я риторический вопрос.

— Это очень просто, — сказала она. — напиши, что они не такие.

Я подумал, что она абсолютно права.

— Почему же я видел их, как чудовищ? — спросил я.

— В этом нет тайны, — сказала она. — ты еще не потерял свою человеческую форму. То же самое случилось со мной. Я обычно видела олли, как людей, все они были индейцами с ужасными лицами и злобным взглядом. Они обычно ожидали меня в пустынных местах. Я думала, что они интересовались мной, как женщиной. Нагваль обычно смеялся до упаду над моими опасениями. Но тем не менее, я была напугана до полусмерти. Один из них обычно приходил, садился на мою постель и тряс ее до тех пор, пока я не просыпалась. Страх, который нагнал на меня этот олли, был такой, что я не хотела бы, чтобы он повторился, даже теперь, когда я изменилась. Я думаю, что сегодня вечером я боялась олли так же, как боялась раньше.

— Ты имеешь в виду, что ты больше не видишь их, как человеческие существа?

— Нет. Больше не вижу. Нагваль говорил тебе, что олли бесформенно. Он прав. Олли — это только некое присутствие, помощник, который представляет собой пустоту, и тем не менее, он так же реален, как я и ты.

— Сестрички видели олли?

— Каждый видел их в то или иное время.

— Является ли для них олли просто силой?

— Нет. Они похожи на тебя, они не потеряли еще свою человеческую форму. Никто из них. Для всех них — сестричек, Хенаро, Соледад, — олли являются устрашающей вещью, с ними олли являются злобными, страшными созданиями ночи. Одно упоминание об олли сводит с ума и Лидию, и Жозефину, и Паблито. Роза и Нестор не так боятся их, но и они тоже не хотят иметь с ними ничего общего. Бениньо имеет свои собственные планы, так что он не интересуется ими. Они не беспокоят ни его, ни меня по этой причине. А другие являются легкой добычей для олли, особенно теперь, когда олли вышли из горлянки Нагваля и Хенаро. Они приходят все время искать тебя.

Нагваль сказал мне, что когда кто-то цепляется за человеческую форму, он может отражать только эту форму, а т.к. олли питаются непосредственно нашей жизненной силой из середины нашего живота, нас обычно мутит от них, и тогда мы видим их, как тяжелые безобразные создания.

— Можем мы что-нибудь сделать, чтобы защитить себя или изменить очертания этих созданий?

Все, что мы должны сделать, это потерять свою человеческую форму.

Что ты имеешь в виду?

— Мой вопрос, по-видимому, показался ей не имеющим никакого смысла. Она безучастно уставилась на меня, как бы ожидая от меня объяснения того, что я сказал. Она на минуту закрыла свои глаза.

— Ты не знаешь о человеческом шаблоне и человеческой форме, не так ли? — спросила она.

Я уставился на нее.

— Я только что видела, что ты ничего не знаешь о них, — сказала она и улыбнулась.

— Ты абсолютно права, — сказал я.

— Нагваль говорил мне, что человеческая форма — это сила, — сказала она. — а человеческий шаблон — это... Ну, шаблон. Он сказал, что все имеет определенный шаблон. Растения имеют шаблоны, животные имеют шаблоны, черви имеют шаблоны. Ты уверен, что Нагваль никогда не показывал тебе человеческий шаблон?

Я рассказал ей, что он обрисовал это понятие, но очень кратко, однажды, когда он пытался объяснить нечто относительно сна, который у меня был. В этом сне я увидел человека, который, казалось, скрывался в темноте узкой лощины. Заметив его там, я испугался. Я некоторое время смотрел на него, а потом человек выступил вперед и сделался видимым мне. Он был обнажен и его тело пылало. Он казался утонченным, почти хрупким. Мне понравились его глаза. Они были дружескими и проникновенными. Я подумал, что они были очень доброжелательными. Но потом он отступил назад в темноту лощины и его глаза стали подобны глазам свирепого животного.

Дон Хуан сказал, что я столкнулся в «сновидении» с человеческим шаблоном. Он объяснил, что маги располагают таким средством, как «сновидение», чтобы вступить в контакт с шаблоном, и что шаблон людей является определенно некоей сущностью, которая может быть видна некоторым из нас в определенное время, когда мы насыщены силой, и, безусловно, всеми нами в момент смерти. Он описал шаблон, как источник, начало человека, т.к. без шаблона, группирующего вместе силу жизни, эта сила не имеет способа собраться в человеческое очертание.

Он истолковал мой сон, как краткий и чрезвычайно упрощенный мимолетный взгляд на шаблон. Он сказал, что мой сон подтверждает тот факт, что я схематичный и приближенный человек.

Ла Горда засмеялась и сказала, что она сама хотела сказать то же самое. Видеть шаблон, как обычного нагого человека, а затем как животное — действительно было очень упрощенным видением шаблона.

— Наверно, это был просто бестолковый заурядный сон, — сказал я, пытаюсь защитить себя.

— Нет, сказала она с нажимом. — видишь ли, человеческий шаблон пылает и он всегда находится в водяных дырах и в узких лощинах.

— Почему в лощинах и в водяных дырах? — спросил я.

— Он питается водой. Без воды нет шаблона, — ответила она. — я знаю, что Нагваль регулярно водил тебя к водяным дырам в надежде показать тебе шаблон. Но твоя пустота не позволила тебе ничего увидеть. То же самое случилось со мной. Он обычно заставлял меня ложиться нагой на камень в самом центре высохшей водяной дыры, но все, что я сделала, это ощутила присутствие чего-то, что напугало меня до потери сознания.

— Почему пустота мешает увидеть шаблон?

— Нагваль сказал, что все в мире является силой, толканием или тягой. Для того, чтобы нас толкали или тянули, нам нужно быть похожими на парус или воздушный змей на ветру. Но если у нас в середине нашей светимости есть дыра, сила пройдет через нее и никогда не подействует на нас.

— Нагваль говорил мне, что Хенаро очень полюбил тебя и пытался помочь тебе осознать дыру в середине тебя. Он запустил летать свое сомбреро, как змея, чтобы растормошить тебя, он даже вытягивал тебя из этой дыры, пока не доводил до поноса, но ты никогда не схватывал того, что он делает.

— Почему они не говорили так понятно, как говоришь ты?

— Они говорили, но ты пропускал их слова мимо ушей.

Я нашел, что в ее утверждение трудно поверить. Было немыслимо допустить, чтобы они говорили мне об этом, а до меня это не доходило.

— Ты когда-нибудь видела шаблон, Горда? — спросил я.

— Конечно, когда я снова стала полной. Я пошла однажды сама к той особой водяной дыре, и он там был. Это было лучистое светящееся существо. Я не могла смотреть на него. Оно слепило меня. Но быть в его присутствии было достаточно. Я ощутила счастье и подъем сил. И ничто другое не имело значения, ничто. Просто быть там — было все, что я хотела. Нагваль сказал, что иногда, если мы имеем достаточно личной силы, мы можем схватить проблеск шаблона, даже если мы не являемся магами; когда это случается, мы говорим, что видели бога. Он сказал, что если мы называем его богом, то это правда. Шаблон является богом.

У меня был почти приступ ужаса, когда я слушала Нагваля, потому что я была очень религиозной женщиной. У меня не было ничего на свете, кроме моей религии. Поэтому, когда я слышала то, что Нагваль обычно говорил, это бросало меня в дрожь. Но потом я стала полной и силы мира стали толкать меня, и поняла, что Нагваль был прав. Шаблон — это бог. Как ты думаешь?

— Когда я увижу его, я скажу тебе.

Она засмеялась и сказала, что Нагваль обычно шутил надо мной, говоря, что в тот день, когда я увижу шаблон, я, наверное, стану монахом-францисканцем, потому что в глубине моей души я очень религиозен.

— Шаблон, которого ты видела, был мужчиной или женщиной? — спросил я.

— Ни то, ни другое. Это был просто светящийся человек. Нагваль сказал, что я могла бы спросить что-нибудь о себе самой. Что воин не может упускать такой шанс. Но я не могла ни о чем думать, чтобы задать вопрос. Так было лучше всего. Я храню самое прекрасное воспоминание о нем. Нагваль сказал, что воин с достаточной силой может видеть шаблон много-много раз. Какая это, должно быть, удача.

— Но если человеческий шаблон — это то, что скрепляет нас вместе, то что такое человеческая форма?

— Нечто клейкое, клейкая сила, которая делает нас людьми, какими мы являемся. Нагваль говорил мне, что человеческая форма не имеет формы. Подобно олли, которых он носил в своей горлянке, это все, что угодно, но несмотря на отсутствие формы, она владеет нами в течение нашей жизни и не покидает нас, пока мы не умрем. Я никогда не видела человеческую форму, но я ощутила ее в своем теле.

Затем она описала очень сложную серию чувствований, которые она имела в течение ряда лет и которые кульминировали в серьезное расстройство, апогеем которого было телесное состояние, напомнившее мне читанные мною описания тяжелого сердечного приступа. Она сказала, что человеческая форма, являясь силой, каковая она есть, покинула ее тело после серьезной внутренней битвы, которая проявилась, как расстройство.

— Похоже на то, что у тебя был сердечный приступ, — сказал я.

— Может быть, это так, — сказала она, — но одно я знаю точно. В тот день, когда у меня было это, я потеряла свою человеческую форму. Я стала такой слабой, что целыми днями я не могла даже встать с постели. С того дня я уже не имела энергии быть своим старым я. Время от времени я пыталась вернуться к своим старым привычкам, но у меня не было силы наслаждаться ими так, как я делала обычно. В конце концов я бросила попытки.

— В чем смысл потери твоей формы?

— Воин должен сбросить человеческую форму для того, чтобы измениться, действительно измениться. Иначе будут только разговоры об изменении, как в твоём случае. Нагваль сказал, что бесполезно полагать или надеяться, что человек может изменить свои привычки. Человек не может измениться ни на йоту, он держится за человеческую форму. Нагваль сказал мне, что воин знает, что он не может измениться, и все же занят тем, что пытается измениться, хотя и знает, что он не в состоянии сделать это. Это единственное преимущество, которое имеет воин перед средним человеком. Воин никогда не испытывает разочарования, когда он терпит неудачу в изменении.

— Но ты все еще являешься самой собой, Горда, не так ли?

— Нет. Больше нет. Единственная вещь, которая заставляет тебя считать себя самим собой — это форма. Когда она уходит, ты ничто.

— Но ведь ты все еще разговариваешь, и ощущаешь, и думаешь так, как всегда делала, разве не так?

— Ни в коей мере. Я новая.

Она засмеялась и крепко обняла меня, словно утешала ребенка.

— Только Элихио и я потеряли свою форму, — продолжала она. — это была наша большая удача, что мы потеряли ее тогда, когда Нагваль был с нами. У вас же будет ужасный период. Это ваша судьба. Тот, кто потеряет ее следующим, будет пользоваться только моей поддержкой. Я уже испытываю жалость к тому, кто это будет.

— Что ты ощущала, Горда, когда потеряла свою форму, кроме упадка энергии?

— Нагваль сказал мне, что воин без формы начинает видеть глаз. Я видела глаз перед собой каждый раз, когда закрывала глаза. Это было так плохо, что я не могла отдыхать, глаз следовал за мной всюду, куда бы я ни пошла. Я чуть не сошла с ума. В конце концов, я думаю, я стала привыкать к нему. Сейчас я даже не замечаю его, потому что он стал частью меня.

Бесформенный воин использует этот глаз, чтобы приступить к сновидению. Если ты не имеешь формы, то тебе не нужно засыпать, чтобы делать сновидение. Глаз перед тобой тащит тебя всякий раз туда, куда ты хочешь отправиться.

— Где в точности находится этот глаз, Горда?

Она закрыла свои глаза и провела рукой из стороны в сторону, прямо перед своими глазами, очертив интервал ширины своего лица.

— Иногда глаз очень маленький, а в другое время он огромный, — продолжала она. — когда он маленький, твоё сновидение является точным. Если он большой, твоё сновидение подобно полету на высоте выше гор, когда ты фактически много не видишь. Я ещё не делала достаточно сновидений, однако Нагваль сказал мне, что этот глаз является моей козырной картой. Однажды, когда я стану по-настоящему бесформенной, я больше не буду видеть глаза, глаз, так же, как и я, станет ничто, и все же он будет там, подобно олли. Нагваль сказал, что все просеивается через нашу человеческую форму. Если мы не имеем формы, тогда ничто не имеет формы и все же все присутствует. Я не могла понять, что он хотел этим сказать, но теперь я вижу, что он был абсолютно прав. Олли суть лишь присутствие, и таким же будет глаз. Но в данное время этот глаз есть все для меня. Фактически, имея этот глаз, я больше ни в чем не нуждаюсь, чтобы вызвать свои сновидения, даже когда я бодрствую. Пока что я не сумела сделать этого. По-видимому, я, подобно тебе, немножко неподатливая и ленивая.

— Как ты выполнила полет, который ты показала мне сегодня вечером?

— Нагваль научил меня, как использовать мое тело для того, чтобы произвести света, ведь мы во всяком случае являемся светом, так что я сделала искры и света, а они, в свою очередь, привлекли линии мира. Как только я увидела одну, мне было нетрудно прицепиться к ней.

— Как ты прицепилась?

— Я схватила ее.

Она сделала жест руками. Она сложила ладони когтеобразно и соединила их на запястьях, образовав нечто вроде чашки со скрюченными обращенными вверх

— Ты должен схватить линию, как ягуар, — продолжала она, — и никогда не размыкать свои запястья. Если ты сделаешь это, то упадешь и сломаешь себе шею.

Она сделала паузу и это заставило меня взглянуть на нее, ожидая от нее дальнейших объяснений.

— Ты не веришь мне, правда? — спросила она.

— Не давая мне времени на ответ, она присела на корточки и начала снова демонстрировать свои искры. Я был спокойным и собранным и мог уделить свое нераздельное внимание ее действиям. Когда она щелкнула пальцами, открывая их, каждое волокно ее мышц, казалось, сразу напряглось. Это напряжение, казалось, фокусировалось на самых кончиках ее пальцев и выпускалось, как лучи света. Влага в кончиках ее пальцев была практически носителем некоторого сорта энергии, эманировавшей из ее тела.

— Как ты делаешь это, Горда? — спросил я, действительно изумленный ею.

— Я действительно не знаю, — сказала она. — я просто делаю это. Я уже делала это много раз, и однако, я не знаю, как я делаю это. Когда я хватаю один из этих лучей, я ощущаю, что меня что-то тянет. Я, фактически, не делаю ничего другого, кроме того, что позволяю линиям, которые я схватила, тянуть меня. Когда я хочу вернуться назад, я ощущаю, что линия не хочет отпускать меня, и я впадаю в панику. Нагваль сказал, что это моя наихудшая черта. Я делаюсь такой перепуганной, что когда-нибудь могу повредить свое тело. Но я рассчитываю, что скоро я буду еще более бесформенной, и тогда я не буду пугаться, так что со мной все в порядке.

— Тогда расскажи мне, Горда, как ты позволяешь линиям тянуть тебя?

— Мы снова вернулись к тому же самому. Я не знаю, Нагваль предостерегал меня насчет тебя. Ты хочешь знать вещи, которые нельзя узнать.

Я изо всех сил старался сделать ясным для нее, что то, что меня интересовало, были процедуры. Я действительно отказался искать объяснений у всех них, т.к. их объяснения ничего не объясняли мне. Описать же мне шаги, которым нужно было следовать — это было нечто совершенно иное.

— Как ты научилась позволять своему телу держаться на линиях мира? — спросил я.

— Я научилась этому в сновидении, — сказала она, — но я действительно не знаю, как. Для женщины воина все начинается в сновидении. Нагваль сказал мне также, как он говорил тебе, — сначала надо найти свои руки в своих снах. Я не могла найти их вообще. В своих снах я не имела рук. Я все пыталась и пыталась несколько лет найти их. Каждую ночь я обычно давала себе приказание найти свои руки, но все было напрасно. Я никогда

ничего не находила в своих снах. Нагваль был беспощаден со мною. Он сказал, что я должна найти их или погибнуть. Поэтому я соврала ему, что нашла свои руки в своих снах. Нагваль не сказал ни слова. А Хенаро бросил свою шляпу на пол и стал плясать на ней. Он погладил меня по голове и сказал, что я действительно великий воин. Чем больше он превозносил меня, тем хуже я себя чувствовала. Я была близка к тому, чтобы сказать Нагвалю правду, как вдруг ненормальный Хенаро нацелил свой зад на меня и пустил такой длинный и громкий звук, какого я никогда не слышала. Он практически оттолкнул меня назад им. Он был похож на горячий вонючий ветер, омерзительный и зловонный, как раз подобный мне самой. Нагваль смеялся до потери сознания.

Я побежала в дом и спряталась там. Я была тогда очень толстая. Я привыкла есть очень много и у меня были обильные газы. Поэтому я решила некоторое время вообще не есть ничего. Лидия и Жозефина помогали мне. Я не ела ничего 23 дня, и тогда однажды ночью я нашла свои руки во сне. Они были старые, безобразные и зеленые, но они были моими. Так что начало положено. Остальное было легко.

— А что было остальное, Горда?

— Следующая вещь, которую Нагваль хотел, чтобы я сделала, это попытаться найти дома и постройки в своих снах и смотреть на них, пытаясь не разрушать эти образы. Он сказал, что искусство видящего сны заключается в том, чтобы удерживать образ своего сна. Потому что это то, что мы делаем тем или иным путем всю свою жизнь.

— Что он имел в виду под этим?

— Наше искусство, как обычных людей, состоит в том, что мы знаем, как удерживать образ того, на что мы смотрим. Нагваль сказал, что мы делаем это, но не знаем, как. Мы просто делаем это, иначе говоря, наши тела делают это. В сновидении мы должны делать то же самое, кроме того, в сновидении мы должны еще научиться, как делать это. Мы должны стараться изо всех сил не смотреть, а только мельком взглядывать и тем не менее удерживать образ.

Нагваль велел мне в своих снах найти повязку для моего пупка. Это потребовало много времени, потому что я не понимала, что он имел в виду. Он сказал, что в сновидении мы обращаем внимание пупком, поэтому он должен быть защищен. Нам нужно небольшое тепло или ощущение, что что-то давит на пупок, чтобы удерживать образы в своих снах.

Я нашла в своих снах гальку, которая была приложена к моему пупку, и Нагваль заставил меня искать ее день за днем в водных дырах и каньонах, пока я не нашла ее. Я сделала пояс для нее, и я до сих пор ношу ее днем и ночью. Это помогает мне удерживать образы в своих снах.

Затем Нагваль дал мне задание отправляться к определенным местам в своих сновидениях. Я действительно хорошо выполняла эти задания, но в это время я теряла свою форму и начала видеть глаз перед собой. Нагваль сказал, что глаз все изменил, и приказал мне начать использовать глаз, чтобы отрываться. Он сказал, что у меня не было времени получить дубль в сновидении, но что глаз был даже лучше. Я чувствовала себя обманутой. Я теперь не беспокоюсь. Я использовала этот глаз наилучшим образом, каким могла. Я позволила ему тянуть меня в мое сновидение. Я закрывала глаза и засыпала с легкостью, даже в дневное время и где угодно. Глаз тянет меня и я вхожу в другой мир. Большую часть времени я брожу в нем. Нагваль сказал мне и сестричкам, что в течение наших менструальных периодов сновидение становится силой. Я для начала стала немножко сумасшедшей. Я стала более отважной. И, как показал нам Нагваль, перед нами в течение этих дней открывается трещина. Ты не женщина, так что это не может иметь никакого смысла для тебя, но, тем не менее, за день до своего периода женщина может открыть эту трещину и вступить через нее в другой мир.

Своей левой рукой она обвела контур какой-то невидимой линии, которая, кажется, пролегла вертикально перед ней на расстоянии руки.

— В течение этого периода женщина, если она хочет, может позволить приходить образам «мира», — продолжала ла Горда. — это трещина между мирами и, как сказал Нагваль, она находится прямо перед всеми нами, женщинами.

Причина, по которой Нагваль считал, что женщины лучшие маги, чем мужчины, заключается в том, что они всегда имеют трещину перед собой, в то время, как мужчина должен делать ее.

— Итак, именно во время своих периодов я научилась в сновидении летать с помощью линий мира. Я научилась делать искры с помощью своего тела, чтобы привлекать линии, а затем я научилась хватать их. И это все, чему я научилась до сих пор в сновидении.

Я засмеялся и сказал, что мне нечем похвастаться после моих нескольких лет «сновидения».

— Ты научился в сновидении, как призывать олли, — сказала она с большой уверенностью.

Я сказал, что эти звуки меня научил производить дон Хуан. Она, казалось, не поверила мне.

— Тогда олли должны приходить к тебе потому, что они ищут твою светимость, — сказала она. — светимость, которую он оставил тебе. Он сказал мне, что каждый маг имеет так много светимости только для того, чтобы отдавать ее. Поэтому он выделяет ее всем своим детям, в соответствии с приказом, который приходит к нему откуда-то оттуда, из-за этого простора. В твоём случае он даже дал тебе свой собственный зов.

Она щелкнула языком и подмигнула мне.

— Если ты не веришь мне, — продолжала она, — то почему бы тебе не сделать тот звук, которому научил тебя Нагваль, и посмотреть, не придут ли к тебе олли.

Мне не хотелось делать этого. Не потому, что я верил, что мой звук привел бы к чему-то, а потому, что я не хотел потакать ее прихоти.

Она минуту ожидала, а когда убедилась, что я не собираюсь пробовать, приложила свою ладонь ко рту и в совершенстве имитировала мой стучащий звук. Она делала это 5-6 минут, останавливаясь только затем, чтобы передохнуть.

— Видишь, что я имею в виду? — спросила она, улыбаясь. — Олли наплевать на мой призыв, не взирая на то, сколь близок он к твоим. Теперь попробуй ты сам.

Я попробовал. Через несколько секунд я услышал ответный зов. Ла Горда вскочила на ноги. У меня было ясное впечатление, что она была удивлена больше, чем я. Она поспешно заставила меня остановиться, погасила лампу и подобрала мои заметки.

Она собиралась открыть переднюю дверь, но вскоре остановилась: прямо из-за двери донесся самый пугающий звук. Он послышался мне, как рычание. Он был такой ужасающий и зловещий, что заставил нас обоих отпрыгнуть назад прочь от двери. Моя физическая тревога была такой интенсивной, что я удрал бы, если бы было куда бежать.

На дверь напирало что-то очень тяжелое, оно заставило дверь скрипеть. Я взглянул на ла Горду. Она, казалось, была встревожена еще больше. Она все еще стояла с протянутой рукой, словно для того, что открыть дверь. Ее рот был открыт. Она, казалось, застыла в нерешительности.

Дверь была готова распахнуться в любой момент. Ударов по ней не было, было именно ужасное давление и не только на дверь, но и везде вокруг дома.

Ла Горда встала и велела мне быстро схватить ее сзади, сомкнув свои ладони вокруг ее талии на ее пупке. Затем она выполнила странное движение своими руками. Это выглядело так, словно она махала полотенцем, держа его на уровне глаз. Она сделала это четыре раза. Затем она сделала другое странное движение. Она поместила свои руки у середины груди, ладонями вверх, одну над другой без соприкосновения друг с другом. Ее локти были распрямлены в стороны. Она сжала свои руки, словно она внезапно схватила два невидимых стержня. Она медленно перевернула руки, пока ладони не стали обращены вниз, а затем сделала очень красивое напряженное движение, в котором, казалось, приняли участие все мышцы ее тела. Это выглядело так, словно она открывала тяжелую раздвижную дверь, которая оказывала большое сопротивление. Ее тело дрожало от напряжения. Ее руки двигались медленно, словно открывали очень, очень тяжелую дверь, пока они не были полностью вытянуты в стороны.

У меня было ясное впечатление, что как только она открыла эту дверь, через нее ринулся ветер. Этот ветер тащил нас, и мы, фактически, прошли сквозь стену или, скорее, стены ее дома прошли сквозь нас, или, вероятно, все трое — ла Горда, дом и я сам — прошли через дверь, которую она открыла. Внезапно я очутился снаружи в открытом поле. Я мог видеть темные очертания окружающих гор и деревьев. Я больше не держался за пояс ла Горды. Шум надо мной заставил меня взглянуть вверх, и я увидел ее парящей примерно в 10 футах надо мной, подобно черной фигуре гигантского змея. Я ощутил ужасный зуд в пупке, и тогда ла Горда ринулась вниз на землю с предельной скоростью, но вместо того, чтобы грохнуться, она сделала мягкую полную остановку.

В момент приземления ла Горды зуд в моей пупочной области превратился в ужасно мучительную нервную боль. Было так, словно ее приземление вытягивало мои внутренности наружу. Я во весь голос завопил от боли.

Затем ла Горда стояла около меня, отчаянно переводя дыхание. Я сидел. Мы были снова в комнате дона Хенаро, где мы были раньше.

Ла Горда, казалось, не могла сдержать дыхание. Она промокла от пота.

— Мы должны убираться отсюда, — невнятно сказала она.

Затем была короткая поездка к дому сестричек. Ни одной из них поблизости не было. Ла Горда засветила лампу и повела меня прямо в открытую кухню в задней части дома.

Там она разделась и попросила меня искупать ее, как лошадь, поливая воду на ее тело. Я взял небольшой ушат, наполнил его водой и начал лить ее понемногу на нее, но она захотела, чтобы я облил ее.

Она объяснила, что контакт с олли, подобный тому, который мы имели, вызвал очень вредную испарину, которую надо было немедленно смыть. Она заставила меня сбросить одежду и затем облила водой, холодной, как лед. Затем она вручила мне чистый кусок материи и мы насухо вытерлись, вернулись в дом. Она села на большую постель в передней комнате, повесив над ней лампу на стену. Ее колени были опущены и я мог видеть каждую часть ее тела. Я сжал ее в объятии и тогда я понял, что имела ввиду донья Соледад, когда сказала, что ла Горда — женщина Нагваля. Она была бесформенной, подобно дону Хуану. Я, наверное, не смог бы думать о ней, как о женщине.

Я стал одевать свою одежду. Она забрала ее у меня. Она сказала, что прежде, чем я смогу одеть ее снова, я должен высушить ее на солнце. Она дала мне одеяло, чтобы набросить на плечи, и взяла себе другое одеяло.

— Эта атака олли была действительно жуткой, — сказала она, — когда мы сели на постель. — нам, фактически, повезло, что мы смогли вырваться из их хватки. Я не имела понятия, почему Нагваль велел мне идти с тобой к Хенаро. Теперь я знаю. Этот дом является местом, где олли сильнее всего. Мы чудом вырвались от них. Нам повезло, что я знала, как выйти.

— Как ты сделала это, Горда?

— Я действительно не знаю, — сказала она. — я просто сделала это. Я полагаю, мое тело знало, как, но когда я хотела продумать, как я сделала это, я не смогла.

Это было большое испытание для нас обоих. Вплоть до сегодняшнего вечера я не знала, что я могу открывать глаз, но посмотри, что я сделала. Я действительно открыла глаз, как Нагваль и говорил, что я могу. Я никогда не могла сделать этого до твоего прихода. Я пыталась, но он никогда не срабатывал. На этот раз страх перед теми олли заставил меня схватить глаз точно так, как говорил мне Нагваль: встряхнув его четыре раза в четырех направлениях. Он сказал мне, что я должна встряхнуть его, как постельную простыню, а затем я должна открыть его, как дверь, держа его прямо за середину. Остальное было очень легко. Когда дверь была открыта, я ощутила сильный ветер, тянущий меня, вместо того, чтобы унести меня. Трудность, как сказал Нагваль, состоит в том, чтобы вернуться. Нужно быть очень сильным, чтобы сделать это. Нагваль, Хенаро и Элихио могли входить и выходить из этого глаза запросто. Для них глаз не был даже глазом, они сказали, что он был оранжевым светом, подобно солнцу. И поэтому Нагваль и Хенаро были оранжевым светом, когда они летали. Я все еще стою на низкой ступени. Нагваль сказал, что когда я выполняю свой полет, я растягиваюсь и выгляжу, как куча коровьего помета в небе. У меня нет света, именно поэтому возвращение так страшно для меня. Сегодня вечером ты помог мне дважды и вытащил меня назад. Причина, по которой я показала тебе свой полет сегодня вечером, — это приказ Нагваля позволить тебе увидеть это, невзирая на то, как бы это ни было трудно и опасно. Предполагалось, что я помогу тебе своим полетом точно так же, как ты, предположительно, должен был помочь мне, когда показал мне своего дубля. Я видела весь твой маневр из двери. Ты был так поглощен чувством жалости к Жозефине, что твое тело не заметило моего присутствия. Я видела, как твой дубль вышел из верхушки твоей головы. Он выполз, как червь. Я видела дрожь, которая показалась в твоих ногах и прошла по всему твоему телу, и тогда твой дубль вышел. Он был похож на тебя, но очень сияющий. Он был похож на самого Нагваля. Именно поэтому сестры оцепенели. Я знала, что они думали, что это был сам Нагваль. Однако я не могла увидеть всего. Я пропустила звук, потому что я не обращала на него внимания.

— Прости, не понял.

— Дубль требует огромного внимания. Нагваль дал это внимание тебе, но не мне. Он сказал мне, что он истощил бы меня.

Она сказала что-то еще об определенном роде внимания, но я был очень уставшим. Я заснул так внезапно, что не успел даже отложить в сторону свои заметки.

4. ХЕНАРОС

Я проснулся около 8 часов следующего утра и обнаружил, что ла горда высушила на солнце мою одежду и приготовила завтрак. Мы ели на кухне, на обеденной площадке. Когда мы закончили, я спросил ее о Лидии, Розе и Жозефине. Они, казалось, исчезли из дому.

— Они помогают Соледад, — сказала она. — она готовится к отъезду.

— Куда она собирается уезжать?

— Куда-нибудь из этого места. У нее больше нет причин оставаться. Она ждала тебя, а ты уже приехал.

Сестрички собираются вместе с ней?

— Нет. Они просто не хотят сегодня быть здесь. Похоже на то, что сегодня им здесь находится уже не стоит.

— Почему не стоит?

— Сегодня приходят хенарос, чтобы увидеть тебя, а девочки не ладят с ними. Если все они соберутся здесь вместе, между ними произойдет самая ужасная борьба. В последний раз, когда это случилось, они чуть не поубивали друг друга.

— Они борются физически?

— Будь уверен, что да. Все они сильные, и никто из них не хочет занимать второе место. Нагваль говорил, что это случится, но я бессильна остановить их; более того, я вынуждена принимать чью-либо сторону, так что получается страшная кутерьма.

— Откуда ты знаешь, что хенарос придут сегодня?

— Я не разговаривала с ними. Я просто знаю, что они будут сегодня здесь, вот и все.

— Ты знаешь это, потому что ты видишь, Горда?

— Совершенно верно. Я вижу их идущими. И один из них идет прямо к тебе, потому что ты тянешь его.

Я заверил ее, что я никого в особенности не тяну. Я сказал, что не открывал никому цели своей поездки, но что эта поездка имела отношение к чему-то такому, что я хотел спросить у Паблито и Нестора.

Она сдержанно улыбнулась и сказала, что судьба спарила меня с Паблито, что мы очень похожи и что, несомненно, он прежде всего рассчитывает увидеть меня. Она добавила, что все, случающееся с воином, можно интерпретировать, как знак, следовательно, мое столкновение с Соледад было знаком того, что мне предстоит выполнить в течение моего визита. Я попросил ее объяснить суть ее заявления.

— Мужчины дадут тебе очень мало в данное время, — сказала она. — это женщины разорвут тебя на клочки, как сделала Соледад. Вот то, что я хотела тебе сказать, если я правильно прочитала знак. Ты ожидаешь Хенарос, но они мужчины, подобно тебе. И обрати внимание на другой знак: они чуть-чуть позади. Я сказала бы, на пару дней позади. Это твоя, а также их судьба, как мужчин — быть всегда на пару дней позади.

— Позади чего, Горда?

— Позади всего. Позади нас, женщин, например.

Она засмеялась и погладила меня по голове.

— Неважно, что ты неподатлив, — продолжала она, — ты должен признать, что я права. Жди и наблюдай.

— Это Нагваль сказал тебе, что мужчины позади женщин? — спросил я.

— Разумеется, он, — ответила она. — все, что ты должен делать, это смотреть вокруг.

— Я делаю это, Горда. Но я не вижу ничего такого. Женщины всегда позади. Они зависят от мужчин.

Она засмеялась. Ее смех не был пренебрежительным или язвительным: он был скорее выражением чистого веселья.

— Ты знаешь мир людей лучше, чем я, — сказала она с силой, но вот сейчас я уже бесформенная, а ты нет. Я говорю тебе — женщины как маги лучше, потому что перед нашими глазами есть трещина, а перед вашими ее нет.

Она не казалась сердитой, но я почувствовал себя обязанным объяснить, что я задавал вопросы и делал замечания не потому, что я нападал или защищал какой-либо данный пункт, а потому что я хотел, чтобы она говорила.

Она сказала, что ничего другого не делает, как говорит, с тех пор, как мы встретились, и что Нагваль научил ее разговаривать, потому что ее задание было такое же, как и мое — находиться в мире людей.

— Все, что мы говорим, — продолжала она, — является отражением мира людей. Ты обнаружишь, прежде чем твой визит окончится, что ты говоришь и действуешь таким путем, как ты это делаешь, потому что ты цепляешься за человеческую форму, так же как Хенарос и сестрички цепляются за человеческую форму, когда они борются, чтобы убить друг друга.

— Но разве вы все не обязаны сотрудничать с Паблито, Нестором и Бениньо?

— Хенаро и Нагваль сказали всем нам, что мы должны жить в гармонии, помогать и защищать друг друга, потому что мы одиноки в мире. Мы четверо были оставлены на попечение Паблито, но он трус. Если бы это зависело от него, предоставил бы нам подышать, как собакам. Впрочем, когда Нагваль был здесь, Паблито был очень любезен с нами и очень много заботился о нас. Все обычно поддразнивали его и шутили, что он

заботится о нас так, словно мы его жены. Нагваль и Хенаро сказали ему незадолго до своего ухода, что он имеет реальный шанс стать когда-нибудь Нагвалем, потому что мы могли бы стать его четырьмя ветрами, его четырьмя странами света. Паблито понял так, что это его задание, и с того дня он изменился. Он стал невыносимым. Он начал командовать нами, словно мы действительно были его женами.

Я спросила Нагваля о шансах Паблито, и он сказал мне, что я должна знать, что все в мире война зависит от личной силы, а личная сила зависит от безупречности. Если бы Паблито был безупречным, он имел бы шанс. Я засмеялась, когда он сказал мне это. Я слишком хорошо знаю Паблито. Но Нагваль объяснил мне, что я не должна относиться к этому так легкомысленно. Он сказал, что воины всегда имеют шанс, пусть даже незначительный. Он заставил меня увидеть, что я сама являюсь воином и что я не должна препятствовать Паблито своими мыслями он сказал, что я должна устранить их и предоставить Паблито самому себе; что безупречным образом действий для меня является помогать Паблито, невзирая на то, что я о нем знаю.

Я поняла, что сказал Нагваль. Кроме того, у меня есть свой собственный долг к Паблито, я всегда пользовалась случаем помочь ему. Но я также знала, что, несмотря на всю мою помощь, он обязательно потерпит неудачу. Я всегда знала, что он не имеет того, что требуется для того, чтобы стать подобным Нагвалю. Паблито очень инфантилен и не хочет признать свое поражение. Он жалок, потому что он не безупречен, и все же он еще не оставляет мысли стать подобным Нагвалю.

— Как он потерпел неудачу?

— Как только Нагваль ушел, у Паблито произошла смертельная схватка с лидией. Несколько лет тому назад Нагваль дал ему задание стать мужем лидии, только для видимости. Здешние люди вокруг думали, что она его жена; лидии это было очень неприятно. Она очень резкая. Подоплека этого дела в том, что Паблито всегда боялся ее до смерти. Они никогда не могли ладить друг с другом и терпели друг друга только потому, что рядом был Нагваль. Но когда тот ушел, Паблито сделался еще более ненормальным, чем он уже был и пришел к убеждению, что имеет достаточно личной силы, чтобы сделать нас своими женами.

Трое Хенарос собрались вместе, обсудили, что Паблито следует делать, и решили, что он должен сперва взяться за самую несговорчивую из женщин, лидию. Они подождали, пока она останется одна, а затем все трое пришли в дом, схватили ее за руки и повалили на постель. Паблито взобрался на нее. Сначала она думала, что Хенарос шутят. Но когда она поняла, что у них серьезные намерения, она ударила Паблито головой в середину его лба и чуть не убила его. Хенарос убежали, и Нестору пришлось несколько месяцев лечить рану Паблито.

— Могу я что-нибудь сделать, чтобы помочь им понять?

— Нет. К несчастью, их проблема заключается не в непонимании. Все они шестеро понимают очень хорошо. Фактическая трудность в чем-то ином, в чем-то очень угрожающем, в чем никто не может помочь им. Они индугируют в попытке не измениться. Так как они знают, что не добьются успеха в изменении, сколько бы они ни пытались, или ни хотели бы, или ни нуждались бы, они вообще отказались от попыток. Это так же неправильно, как чувствовать себя обескураженным своими неудачами. Нагваль говорил каждому из них, что воины — как мужчины, так и женщины — должны быть безупречными в своих усилиях измениться, чтобы вспугнуть человеческую форму и стряхнуть ее. Как сказал Нагваль, после многих лет безупречности наступит момент, когда форма не может больше выдержать и уходит, так же, как она покинула меня. Конечно, делая это, она повреждает тело и может даже сделать его мертвым, но безупречный воин всегда выживает.

Внезапный стук в переднюю дверь прервал ее. Ла Горда встала и вышла, чтобы отпереть дверь. Это была Лидия. Она очень формально приветствовала меня и попросила ла Горду пойти с ней. Они вместе ушли.

Я был рад остаться один. Несколько часов я работал над своими заметками. На открытой обеденной площадке было прохладно и вполне достаточно света.

Ла Горда вернулась около полудня. Она спросила меня, хочу ли я есть. Я не был голоден, но она настояла, чтобы я поел. Она сказала, что контакты с олли были очень изнурительными и что она чувствует себя очень слабой.

После еды я сел вместе с ла Гордой и собрался было расспросить ее о «сновидениях», как вдруг передняя дверь с шумом открылась и вошел Паблито. Он часто и тяжело дышал. Очевидно, он бежал и, по-видимому, находился в состоянии большого возбуждения. Он минуту стоял у двери, переводя дыхание. Он мало изменился. Он выглядел немного старше и грузнее, или, может быть, только более мускулистым. Однако он все еще

оставался очень худощавым и жилистым. Цвет его лица был бледным, словно он долго не был на солнце. Коричневый цвет его глаз контрастировал с едва заметными признаками утомления на лице.

Я помнил очаровательную улыбку Паблито; когда он стоял там, глядя на меня, его улыбка была такой же чарующей, как всегда. Он подбежал туда, где я сидел, и на минуту схватил меня за руки, не говоря ни слова. Я встал. Тогда он слегка встряхнул меня и обнял. Я тоже был очень счастлив видеть его. Я подпрыгивал с детской радостью. Я не знал, что сказать ему. Наконец, он нарушил молчание.

— Маэстро, — сказал он ласково, слегка наклоняя свою голову, как бы в знак преклонения передо мной. Титул «маэстро» — учитель — захватил меня врасплох. Я обернулся вокруг, словно высматривая кого-то еще, кто находился прямо позади меня. Я умышленно утрировал свои движения, чтобы дать ему понять, что я в недоумении. Он улыбался, и единственное, что пришло мне в голову, это спросить у него, как он узнал, что я здесь.

Он сказал, что Нестор и Бениньо были принуждены вернуться ввиду очень необычного предчувствия, которое заставило их бежать день и ночь без передышки. Нестор пошел в их собственный дом выяснить, нет ли там чего-нибудь такого, что объяснило бы ощущение, которое двигало ими. Бениньо пошел в городок к Соледад, а он сам пришел к дому девушек.

— Ты попал в десятку, Паблито, — сказала ла Горда и засмеялась.

Паблито не ответил. Он свирепо посмотрел на нее.

— Я готов дать голову на отсечение, что ты намереваешься вывести меня из себя, — сказал он очень гневно.

— Не борись со мной, Паблито, — спокойно сказала ла Горда.

Паблито повернулся ко мне и извинился, а затем добавил очень громким голосом, словно хотел, чтобы кто-то еще в доме услышал его, что он принес с собой свой собственный стул, чтобы сидеть на нем, и что он может ставить его, где ему заблагорассудится.

— Здесь вокруг нет никого, кроме нас, — мягко сказала ла Горда и фыркнула от смеха.

— Я в любом случае внесу свой стул, — сказал Паблито. — ты ничего не имеешь против, маэстро?

Я взглянул на ла Горду. Она дала мне едва заметный утвердительный знак кончиком своей ноги.

— Вноси его. Вноси все, что хочешь, — сказал я.

Паблито вышел из дома.

— Они такие все, — сказала ла Горда, — все трое.

Спустя минуту Паблито вернулся, неся на плечах необычный на вид стул. Форма стула совпадала с очертаниями его спины, так что когда он нес его на спине в перевернутом положении, он был похож на рюкзак.

— Можно мне поставить его? — спросил он меня.

— Конечно, — ответил я, отодвигая скамейку, чтобы освободить место.

— Он засмеялся с деланной непринужденностью.

— Разве ты не Нагваль? — спросил он меня, а затем взглянул на ла Горду и добавил: «или ты должен ожидать распоряжений?»

— Я Нагваль, — сказал я шутливо, чтобы ублажить его.

Я чувствовал, что он ищет повод для ссоры с ла Гордой; она, должно быть, тоже почувствовала это, потому что извинилась и вышла в заднюю часть дома.

Паблито поставил свой стул и медленно обошел вокруг меня, словно исследуя мое тело. Затем он взял свой узкий, с низкой спинкой стул в одну руку, развернул его и сел, заложив руки за спинку стула, что позволяло ему сидеть на нем с максимальным удобством. Я сел напротив него. Его настроение совершенно переменялось в тот момент, когда ла Горда ушла.

— Я должен попросить у тебя прощения за свое поведение, — сказал он, улыбаясь. — но мне нужно было отделаться от этой ведьмы.

— Неужели она такая плохая, Паблито?

— Можешь не сомневаться в этом.

Чтобы переменить тему, я сказал ему, что он выглядит прекрасным и процветающим.

— Ты сам выглядишь очень прекрасно, маэстро, — сказал он.

— Какого черта ты называешь меня «маэстро»? — спросил я шутливым тоном.

— Ситуация изменилась, — ответил он. — мы находимся в новых условиях, и свидетель говорит, что ты теперь маэстро, а свидетель не может ошибаться. Но он сам расскажет тебе всю эту историю. Он скоро будет здесь и он будет рад видеть тебя снова. Я думаю,

что он уже, должно быть, ощутил, что ты здесь. Когда мы возвращались обратно, все мы ощущали, что ты, наверное, уже в пути, но никто из нас не ощутил, что ты уже прибыл.

Тут я сказал ему, что приехал с единственной целью — увидеть его и Нестора, что они — единственные два человека в мире, с которыми я мог бы поговорить о нашей последней встрече с доном Хуаном и доном Хенаро и что я больше всего нуждаюсь в том, чтобы рассеять неопределенность, которую вызвала во мне эта последняя встреча.

— Мы связаны друг с другом, — сказал он. — я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе. Ты знаешь это. Однако, я должен предостеречь тебя, что я не такой сильный, каким бы ты хотел меня видеть. По-видимому, было бы лучше, если бы мы не разговаривали вообще. Но с другой стороны — если мы не поговорим, мы никогда ничего не поймем.

Тщательным и обдуманым образом я сформулировал свой вопрос. Я объяснил, что мое рациональное затруднение коренится в одной-единственной проблеме.

— Скажи мне, Паблито, — сказал я, — мы действительно прыгнули вместе со своими телами в пропасть?

— Я не знаю, — сказал он. — я действительно не знаю.

— Но ты был там со мной.

— В том-то и дело. Был ли я реально там?

Я был раздражен его загадочными ответами. У меня было чувство, что если бы я встряхнул его или стиснул, то нечто в нем высвободилось бы. Мне казалось, что он намеренно утаивает нечто важное. Я заявил, что он, по-видимому, решил быть скрытным со мной, хотя нас и связывают узы полного доверия.

Паблито качнул головой, как будто молча возражал против моего обвинения.

Я попросил его подробно изложить мне все его переживания, начиная с момента, предшествовавшего нашему прыжку, когда дон Хуан и дон Хенаро готовили нас вместе к заключительному натиску.

Ответ Паблито был путанным и непоследовательным. Все, что он мог вспомнить о последних минутах перед нашим прыжком в пропасть, было то, как дон Хуан и дон Хенаро попрощались с нами обоими и скрылись в темноте, его сила иссякла, он был на грани фиаско, но я держал его за руку и подвел его к краю пропасти, и там он отключился.

— Что случилось после того, как ты отключился, Паблито?

— Я не знаю.

— Были ли у тебя сны или видения? Что ты видел?

— Что касается меня, то у меня не было никаких видений, а если и были, я не мог уделить им никакого внимания. Мое отсутствие безупречности препятствует мне вспомнить их.

— А потом что случилось?

— Я проснулся в прежнем доме Хенаро. Я не знаю, как я туда попал.

Он замолчал, а я лихорадочно искал в своем уме какой-нибудь вопрос, комментарий, критическое замечание или что-нибудь другое, что добавило бы больше широты его утверждениям. Фактически, ничто в утверждениях Паблито не помогало подкреплению того, что случилось со мной. Я чувствовал себя обманутым. Я почти рассердился на него. Я ощущал смесь жалости к Паблито и к себе самому и в то же время очень интенсивное разочарование.

— Мне жаль, что я так разочаровал тебя, — сказал Паблито.

Моей немедленной реакцией на его слова было скрыть свои ощущения и заверить его, что я вовсе не разочарован.

— Я маг, — сказал он, смеясь, — скверный маг, но этого достаточно для того, чтобы знать, что мое тело говорит мне. И сейчас оно говорит мне, что ты сердишься на меня.

— Я не сержусь, Паблито! — воскликнул я.

— Это то, что говорит твой разум, а не твое тело, — сказал он. — твое тело сердится. Твой разум, однако, не находит причины сердиться на меня, так что ты попал под перекрестный огонь. Самое малое, что я могу сделать для тебя, так это распутать это. Твое тело сердится, т.к. оно знает, что я не безупречен и что только безупречный воин может помочь тебе. Твое тело сердится потому, что оно ощущает, что я опустошаю себя. Оно знало об этом в ту же минуту, когда я вошел через эту дверь.

Я не знал, что сказать. Я ощутил прилив запоздалого осознания. По-видимому, он был прав, говоря, что мое тело знало все это. Во всяком случае, его прямота, с которой он выступил против моих ощущений, притупила остроту моего расстройства. Я задал себе вопрос, не играет ли сейчас Паблито в какую-нибудь игру со мной. Я сказал ему, что, будучи таким прямым и уверенным, он, по-видимому, не мог быть таким слабым, каким обрисовал себя мне.

— Моя слабость довела меня до того, что у меня появилось томление, — сказал он почти шепотом. — я дошел даже до такого состояния, что томлюсь по жизни обыкновенного человека. Можешь ты поверить в это?

— Этого не может быть, Паблито! — воскликнул я.

— Может, — ответил он. — я тоскую по великой привилегии ходить по земле, как обычный человек, без этого ужасного бремени.

Я нашел его позицию просто невозможной и принялся снова и снова восклицать, что этого не может быть. Паблито посмотрел на меня и вздохнул. Внезапно мною овладело понимание. Он, по-видимому, готов был разрыдаться. Мое понимание повлекло за собой интенсивное сочувствие. Никто из нас не мог помочь друг другу.

В этот момент в кухню вернулась ла Горда. Паблито, казалось, испытал мгновенное оживление. Он вскочил на ноги и затопал по полу.

— Какого дьявола тебе здесь надо? — завопил он визгливым и нервным голосом. — почему ты шныряешь вокруг?

Ла Горда обратилась ко мне, словно его не существовало. Она вежливо сказала, что собирается пойти в дом Соледад.

— На кой черт нам беспокоиться, куда ты идешь? — завопил он. — можешь отправляться хоть к чертовой матери.

Он затопал по полу, как капризный ребенок, в то время, как ла Горда стояла, улыбаясь.

— Давай уйдем из этого дома, маэстро, — сказал он громко.

Его внезапный сдвиг от печали к гневу заворожил меня. Я целиком ушел в наблюдение за ним. Одна из его характерных черт, которой я изумлялся, была его легкость движений; даже когда он топал ногами, его движения обладали грацией.

Внезапно он протянул руку над столом и чуть не вырвал у меня мой блокнот. Он схватил его большим и указательным пальцами левой руки. Я вынужден был удерживать его обеими ладонями, прилагая всю свою силу. В его тяге была такая огромная сила, что, если бы он действительно хотел забрать его, он легко вырвал бы его из моей хватки. Он отпустил его и когда забирал свою руку обратно, у меня возникло мимолетное ощущение, что из нее что-то торчит. Это случилось так быстро, что я мог бы объяснить это, как обман зрения, следствие встряски, когда я был вынужден привстать под действием его силы тяги. Но я уже был научен тому, что с этими людьми я не могу вести себя привычным образом и не могу объяснить ничего привычным образом, поэтому я даже не стал делать этих попыток.

— Что у тебя в руке, Паблито? — спросил я.

Он отпрянул в изумлении и спрятал свою руку за спину. У него было смущенное выражение и он пробормотал, что хочет, чтобы мы покинули этот дом, потому что ему становится дурно.

Ла Горда стала громко смеяться и сказала, что Паблито такой же хороший притворщик, как Жозефина, может быть даже лучше, и что если я буду нажимать на него, чтобы он сказал мне, что у него в руке, то он упадет в обморок и Нестору придется выхаживать его несколько месяцев.

Паблито начал задыхаться. Его лицо стало почти багровым. Ла Горда сказала ему безразличным тоном прекратить представление, потому что у него нет аудитории; она уходит, а у меня не хватит терпения. Затем она повернулась ко мне и сказала очень повелительным тоном, чтобы я оставался здесь и не ходил к Хенарос.

— Почему, к дьяволу, нет? — завопил Паблито и подскочил к ней, словно пытаясь помешать ей уйти. — какое нахальство! Говорить маэстро, что он должен делать!

— У нас была стычка с олли в вашем доме прошлой ночью, — сказала ла Горда Паблито, как само собой разумеющееся. — Нагваль и я еще не пришли в себя от этого. Я бы на твоём месте, Паблито, уделила бы внимание работе. Ситуация изменилась. Все изменилось с тех пор, как приехал он.

Ла Горда вышла через переднюю дверь. Тут я начал осознавать, что она действительно выглядит очень усталой. По-видимому, ее башмаки были чересчур тесными, либо, может быть, она была такой слабой, что слегка волочила ноги. Она казалась маленькой и хрупкой.

Я подумал, что и я, должно быть, выгляжу усталым. Так как в их доме не было зеркал, мне захотелось выйти наружу и посмотреть на себя в боковое зеркальце моей машины. Я, наверное, так и сделал бы, но Паблито помешал мне. Он попросил меня самым искренним тоном не верить ни слову из того, что она сказала о нем, как о притворщике. Я сказал ему, чтобы он не беспокоился об этом.

— Ты совершенно не любишь ла Горду, не так ли? — спросил я.

— Ты можешь повторить это еще раз, — ответил он с лютым взглядом. — ты знаешь лучше, чем кто-либо другой, какие эти женщины чудовища. Нагваль сказал нам, что в один прекрасный день ты должен будешь приехать сюда и попасть к ним в лапы. Он умолял нас быть начеку и предостеречь тебя об их замыслах. Нагваль сказал, что у тебя имеется один из четырех шансов. Если бы наша сила была велика, то мы смогли бы привести тебя к себе, предостеречь и спасти тебя; если бы у нас было мало силы, то мы приехали бы сюда как раз для того, чтобы увидеть твой труп; третьим шансом было найти тебя пленником ведьмы Соледад или пленником этих омерзительных мужеподобных женщин; четвертый шанс, самый сомнительный из всех — был найти тебя здесь живым и здоровым.

— Нагваль сказал нам, что в случае, если ты останешься в живых, ты становишься тогда Нагвалем и мы должны верить тебе, потому что только ты можешь помочь нам.

— Я сделаю все для тебя, Паблито. Ты знаешь это.

— Не только для меня. Я не один. Со мной — свидетель и Бениньо. Мы вместе и ты должен помочь нам всем.

— Конечно, Паблито. Нечего об этом говорить.

— Люди здесь вокруг никогда не беспокоились насчет нас. Наши проблемы связаны с этими мерзкими мужеподобными уродками. Мы не знаем, что делать с ними. Нагваль приказал нам оставаться около них, невзирая ни на что. Он дал мне личное задание, но я потерпел неудачу в нем. Раньше я был очень счастлив. Ты помнишь. Теперь я, кажется, не могу никак наладить свою жизнь.

— Что случилось, Паблито?

— Эти ведьмы выжили меня из дому. Они взяли верх и выбросили меня, как мусор. Теперь я живу в доме Хенаро вместе с Нестором и Бениньо. Нам даже приходится самим себе готовить еду. Нагваль знал, что это может случиться и дал ла Горде задание быть посредником между нами и этими тремя суками. Но ла Горда все еще остается такой, как Нагваль обычно называл ее — двести двадцать задниц. Это прозвище она носила много лет, потому что она весила 220 фунтов.

Паблито фыркнул от смеха при своем воспоминании о ее...

— Она была самой жирной и вонючей недотепой, какую ты только можешь себе представить, — продолжал он. — сейчас она весит вполовину меньше, но по своему уму она все еще остается той же самой толстой и ленивой женщиной, и она не может ничего сделать для нас. Но теперь здесь ты, маэстро, и наши беды позади. Теперь нас четверо против четырех.

Я хотел вставить замечание, но он остановил меня.

— Позволь мне закончить то, что я должен сказать, прежде чем эта ведьма вернется обратно, чтобы вышвырнуть меня, — сказал он, нервно поглядывая на дверь.

— Я знаю, что они сказали тебе, что вы пятеро — одно и то же, т.к. вы — дети Нагваля. Это ложь! Ты так же подобен нам, Хенарос, потому что Хенаро помогал сформировать твою светимость. Ты один из нас тоже. Понимаешь, что я имею в виду? Так что не верь тому, что они говорят тебе. Ты так же принадлежишь нам. Ведьмы не знают, что Нагваль рассказывал нам все. Они думают, что они единственные, кто знает. Чтобы сделать нас, потребовалось два толтека. Мы — дети обоих. Эти ведьмы...

— Подожди, подожди, Паблито, — сказал я, кладя руку ему на рот.

Он остановился, очевидно, испуганный моим внезапным жестом.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что потребовалось два толтека, чтобы сделать нас?

— Нагваль сказал нам, что мы толтеки. Все мы — толтеки. Он сказал, что толтек — это получатель и хранитель тайн. Нагваль и Хенаро — толтеки. Они дали нам специальную светимость и свои тайны. Мы получили их тайны и теперь храним их.

Его употребление слова «толтек» озадачило меня. Я был знаком только с его антропологическим значением. В этом контексте оно всегда относится к культуре людей, говорящих на языке нагуатль, в центральной и южной мексике, которая уже угасла ко времени завоевания.

— Почему он назвал нас толтеками? — спросил я, не зная, что еще сказать.

— Потому что мы ими являемся. Вместо того, чтобы называть нас магами или колдунами, он говорил, что мы — толтеки.

— Если это так, то почему ты называешь сестричек ведьмами?

— О, это потому, что я ненавижу их. Это не имеет никакого отношения к тому, чем мы являемся.

— Нагваль говорил это всем?

— Ну да, конечно. Все знают это.

— Но он никогда не говорил этого мне.

— О, это потому, что ты очень образованный человек и всегда обсуждаешь разные глупости.

Он засмеялся сильным пронзительным смехом и похлопал меня по спине.

— Нагваль случайно не говорил тебе, что толтеки были древними людьми, жившими в этой части мексике? — спросил я.

— Видишь, куда тебя заносит. Вот поэтому он и не говорил тебе. Старый ворон, наверное, и не знал, что они были древними людьми.

Он стал качаться на своем стуле, смеясь. Он смеялся с большим удовольствием и очень заразительно.

— Мы толтеки, маэстро, — сказал он. — будь уверен, что это так. Это все, что я знаю. Но ты можешь спросить об этом свидетеля. Он знает. Я давно потерял интерес к этому.

Он встал и прошел к кухонной плите. Я следовал за ним. Он исследовал содержимое горшка, готовившегося на медленном огне. Он спросил меня, не знаю ли я, кто приготовил эту еду. Я был совершенно уверен, что это дело рук ла Горды, но ответил, что не знаю. Он принялся к нему 4-5 раз короткими вздохами, как собака. Затем он провозгласил, что его нос сказал ему, что это готовила ла Горда. Он спросил меня, пробовал ли я это, и когда я сказал, что закончил есть как раз перед его приходом, он взял миску с полки и положил себе огромную порцию. Он очень убедительно порекомендовал мне, чтобы я ел еду, приготовленную только ла Гордой, и чтобы пользовался только ее миской, как делает он сам.

Я сказал ему, что ла Горда и сестрички подавали мне еду в темной миске, которую они держали на полке отдельно от других. Он сказал, что эта миска принадлежала Нагвалю. Мы вернулись к столу. Он ел очень медленно и совершенно не разговаривая. Его полная поглощенность едой заставила меня осознать, что все они делали точно так же: они ели в полном молчании.

— Ла Горда — великая повариха, — сказал он, когда кончил есть. — она обычно кормила меня. Это было много лет тому назад, когда она еще не ненавидела меня, до того, как она стала ведьмой, я имею в виду — толтеком.

Он взглянул на меня с искоркой в глазах и подмигнул.

Я почувствовал себя обязанным объяснить ему, что ла Горда не производит на меня впечатления человека, способного ненавидеть кого бы то ни было. Я спросил его, знает ли он, что она потеряла свою форму.

— Это полный вздор! — воскликнул он.

Он уставился на меня, как бы оценивая мой удивленный взгляд, а затем закрыл лицо рукой и захихикал, как смущенный ребенок.

— Ну хорошо, она действительно сделала это, — добавил он. — она просто великолепна.

— Почему же тогда ты не любишь ее?

— Я собираюсь рассказать тебе кое-что, маэстро, потому что я верю тебе. Неверно, что я совершенно не люблю ее. Она — Самая лучшая. Она — женщина Нагваля. Просто я действую таким образом с ней, потому что я люблю, чтобы она баловала меня, и она делает это. Она никогда не раздражает меня. Я могу делать, что угодно. Иногда меня захватывает, мною овладевает физическое возбуждение, и я хочу отколотить ее. Когда это случается, она просто отходит в сторону, как это обычно делал Нагваль. В следующий момент она даже не помнит, что я сделал. Это настоящий бесформенный воин для тебя. Она ведет себя точно так же со всеми. Но остальные все мы — сущий кошмар. Мы по-настоящему плохие. Те три ведьмы ненавидят нас, а мы в ответ ненавидим их.

— Вы маги, Паблито, неужели вы не можете прекратить все эти пререкания?

— Безусловно, мы можем, но мы не хотим. Чего ты ожидаешь от нас — чтобы мы были братьями и сестрами?

Я не знал, что сказать.

— Они были женщинами Нагваля, — продолжал он. — и, тем не менее, все ожидали, что я возьму их. Как, к дьяволу, я должен был сделать это?! Я сделал попытку с одной из них и вместо того, чтобы помочь мне, ублюдочная ведьма чуть не убила меня. В результате теперь все эти бабы остерегаются меня, словно я совершил преступление. Все, что я сделал, было выполнением инструкции Нагваля. Он сказал мне, что я должен вступить в интимную связь с каждой из них, по очереди, пока я не смогу владеть всеми ими вместе. Но я не смог вступить в интимную связь даже с одной.

Я хотел спросить его о матери, донье Соледад, но я не смог придумать способа, чтобы вовлечь его в разговор на эту тему. Мы минуту молчали.

— Ты ненавидишь их за то, что они пытались сделать с тобой? — внезапно спросил он.

Я увидел свой шанс.

— Нет, ничуть, — сказал я. — ла Горда объяснила мне их мотивы. Однако нападение доньи Соледад было очень жутким. Ты часто видишься с ней?

Он не ответил. Он смотрел в потолок. Я повторил свой вопрос. Тут я заметил, что его глаза полны слез. Его тело беззвучно сотрясало от конвульсивных рыданий.

Он сказал, что у него когда-то была прекрасная мать, которую я мог еще, несомненно, помнить. Ее имя было Мануэлиты, святая женщина, которая поставила на ноги двух детей, работая, как мужчина, чтобы поддерживать их. Он испытывал самое глубокое благоговение к той матери, которая любила и растила его. Но в один ужасный день его судьба исполнилась и он имел несчастье встретить Хенаро и Нагваль и, действуя совместно, они разрушили его жизнь.

Очень эмоциональным тоном Паблито сказал, что эти два дьявола взяли его душу и душу его матери. Они убили его Мануэлиты и устали вместо нее эту устрашающую ведьму Соледад. Он посмотрел на меня глазами, залитыми слезами и сказал, что эта отвратительная женщина — не его мать. Она ни в коем случае не могла быть его Мануэлитой.

Он неудержимо рыдал. Я не знал, что сказать. Его эмоциональный взрыв был таким неподдельным, а его заявления такими правдивыми, что на меня нахлынула волна сентиментальности. Мысля, как средний цивилизованный человек, я должен был согласиться с ним. Это безусловно выглядело, как несчастье, для Паблито, что его путь пересекся с путем дон Хуана и дон Хенаро.

Я положил руку ему на плечо и сам чуть не заплакал. После долгого молчания он встал и вышел в заднюю часть дома. Я услышал, как он прочищает свой нос и умывает лицо в бадье с водой. Когда он вернулся, он был спокойнее. Он даже улыбался.

— Не пойми меня неправильно, маэстро, — сказал он. — я никого не виню за то, что случилось со мной. Это была моя судьба. Хенаро и Нагваль действовали, как безупречные воины, какими они и были. Я просто слаб, вот и все. Я потерпел неудачу при выполнении своего задания. Нагваль сказал, что моим единственным шансом избежать нападения этой устрашающей ведьмы было овладеть четырьмя ветрами и сделать их своими четырьмя странами света. Но я потерпел неудачу. Эти женщины были в сговоре с этой ведьмой Соледад и не захотели помочь мне. Они хотели моей смерти.

Нагваль также сказал мне, что, если я потерплю неудачу, у тебя самого не останется никаких шансов. Он сказал, что если она убьет тебя, я должен спастись бегством ради спасения своей жизни. Он сомневался, что я успею добраться даже до дороги. Он сказал, что, располагая твоей силой и тем, что эта ведьма уже знает, она будет бесподобной. Поэтому, когда я почувствовал, что потерпел неудачу в попытке овладеть четырьмя ветрами, я считал себя пропавшим. И, разумеется, я возненавидел этих женщин. Но сегодня, маэстро, ты принес мне новую надежду.

Я сказал ему, что его чувства к его матери очень глубоко затронули меня. Я был, фактически, сильно потрясен тем, что случилось, но я сильно сомневаюсь, что принес ему какую-то надежду.

— Принес! — воскликнул он с большой убежденностью. — я чувствовал себя ужасно все это время. Кому угодно станет не по себе, если тебя начнет преследовать собственная мать с топором в руках. Но теперь она выбыла из игры благодаря тебе и тому, что ты сделал.

— Эти женщины ненавидят меня, потому что они убеждены, что я трус. В их тупой башке не укладывается, что мы разные. Ты и эти четыре женщины отличаетесь от меня, свидетеля и Бениньо в одном важном отношении. Все вы пятеро были практически мертвыми до того, как Нагваль нашел вас. Он говорил нам, что однажды ты даже пытался покончить с собой. Мы были не такие. Мы были благополучными, жизнерадостными и счастливыми. Мы противоположны вам. Вы отчаявшиеся люди, мы — Нет. Если бы Хенаро не встретился на моем пути, я был бы сегодня счастливым плотником. Или может быть, я уже умер бы. Это не имеет значения. Я делал бы то, что мог, и это было бы прекрасно.

Его слова ввергли меня в любопытное состояние. Я должен был признать, что он прав в отношении того, что эти женщины и я сам действительно были отчаявшимися людьми. Если бы я не встретил дон Хуана, я, несомненно, умер бы, но я не мог сказать, как Паблито, что чувствовал бы себя прекрасно в любом случае. Дон Хуан дал жизнь и энергию моему телу и свободу моему духу.

Утверждения Паблито заставили меня вспомнить нечто, что дон Хуан сказал мне однажды, когда мы говорили об одном старом человеке, моем друге. Дон Хуан сказал очень выразительно, что жизнь или смерть этого старого человека не имеют абсолютно никакого значения. Я ощутил легкое раздражение, т.к. подумал, что дон Хуан хватил через край. Я сказал ему, что само собой разумеется, что жизнь и смерть этого человека

не имеют никакого значения, т.к., по-видимому, ничто в мире не может иметь какого-либо значения, кроме как лично для каждого из нас самих.

— Ты сам сказал это! — воскликнул он и засмеялся. — это в точности то, что я имел в виду. Жизнь и смерть этого старого человека не имеют значения для него лично. Он мог бы умереть в 1929 или в 1950, или мог бы жить до 1995 года. Это не имеет значения. Все одинаково неинтересно для него.

Моя жизнь до встречи с доном Хуаном протекала по этому пути. Ничто не было никогда важным для меня. Я привык действовать так, как если бы определенные вещи волновали меня, но это была только рассчитанная уловка, чтобы казаться чувствительным человеком.

Паблито заговорил со мной и нарушил мои размышления. Он хотел узнать, не задел ли он мои чувства. Я заверил его, что это пустяки. Чтобы возобновить разговор, я спросил его, где он встретился с доном Хенаро.

— Случилось так, что мой хозяин заболел, — сказал он. — и мне пришлось отправиться на городской базар вместо него, чтобы построить новую секцию мануфактурных лавок. Я работал там два месяца. Там я встретил дочь владельца одной из лавок. Мы слюбились. Я сделал стойку ее отца немного больше, чем другие, так что я мог заниматься с ней любовью под прилавком, в то время, как ее сестра обслуживала покупателей.

Однажды Хенаро принес торговцу, располагавшемуся напротив через проход, мешок лекарственных растений и во время разговора с ним он заметил, что мануфактурная стойка трясется. Он внимательно посмотрел на стойку, но увидел только полусонную сестру, сидящую на стуле. Тот человек сказал Хенаро, что каждый день примерно в это время стойка вот так сотрясается. На следующий день Хенаро привел Нагваля посмотреть трясущуюся стойку, и она действительно в тот день сотрясалась. Они пришли опять на следующий день, и она тряслась снова. Тогда они стали ждать, пока я не вышел.

В тот день я познакомился с ними, а вскоре после этого Хенаро сказал мне, что он травник и предложил изготовить мне снадобье, против которого не устоит ни одна женщина. Я любил женщин, так что попался на это. Он, конечно, сделал снадобье для меня, но на это ему понадобилось 10 лет. В течение этого времени я успел узнать его очень хорошо и полюбил его больше, чем если бы он был моим родным братом. А теперь мне его не хватает, как дьявола. Так что ты видишь — он поймал меня на крючок. Иногда я рад, что он сделал это, однако, чаще я негодую на это.

— Дон Хуан говорил мне, что маги должны получить знак, прежде чем избрать кого-то. В твоём случае было что-нибудь подобное, Паблито?

— Да. Хенаро сказал, что сначала он с любопытством смотрел на стойку, которая трясется, а потом он увидел, что два человека занимаются любовью под прилавком. Тогда он сел, чтобы подождать людей, которые выйдут оттуда, он хотел посмотреть, кто они такие. Спустя некоторое время за стойкой появилась девушка, но меня он пропустил. Он подумал, что это очень странно, что он пропустил меня, т.к. он принял решение обязательно увидеть меня. На следующий день он пришел опять с Нагвалем. Тот тоже видел, что два человека занимаются любовью, но когда наступило время застигнуть меня, они оба пропустили меня. Они снова пришли на следующий день, Хенаро обошел вокруг и стал за стойкой, а Нагваль остался стоять перед ней.

Когда я выползал, я наткнулся на Хенаро. Я подумал, что он не увидел меня, потому что я был еще скрыт куском материи, закрывавшем маленькое квадратное отверстие, которое я сделал в боковой стенке. Я начал тявкать, чтобы он подумал, что за занавеской находится маленькая собачка. Он зарычал и залаял на меня, и я действительно поверил, что с другой стороны была огромная свирепая собака. Я так перепугался, что выбежал с другой стороны и с размаху налетел на Нагваля. Если бы он был обычным человеком, я опрокинул бы его на землю, потому что я бежал прямо на него, но вместо этого он подхватил меня, как ребенка.

Я был изумлен до предела. Для такого старого человека он был невероятно сильным. Я подумал, что мог бы использовать такого силача, чтобы он носил строительные материалы для меня. Кроме того, я не хотел терять лица перед человеком, который видел, как я выбегал из-под прилавка. Я спросил его, не хочет ли он работать на меня. Он согласился. В тот же самый день он пришел в мастерскую и стал работать моим подручным. Он работал там ежедневно в течение двух месяцев. Эти два дьявола не оставили мне ни одного шанса.

Несообразный образ дона Хуана, работающего на Паблито, сильно рассмешил меня. Паблито начал имитировать, как дон Хуан переносил стройматериалы на своих плечах. Я должен был согласиться с ла Гордой, что Паблито такой же хороший актер, как Жозефина.

— Почему они пошли на все эти хлопоты, Паблито?

— Они должны были трюком заманить меня. Не думаешь ли ты, что я пошел бы за ними, как ты? Я всю свою жизнь слышал о магах и исцелителях, о колдунах и духах, и я не верил ни на йоту этому. Те, кто говорили о таких вещах, были просто ничтожными людьми. Если бы Хенаро сказал мне, что он и его друг являются магами, я бы распрощался с ними. Но они были слишком умны для меня. Эти два лиса действительно были хитрыми. Они не спешили. Хенаро сказал, что он ждал бы около меня, даже если бы на это ему понадобилось бы 20 лет. Поэтому Нагваль и пошел работать на меня. Об этом попросил его я, так что, фактически, это я сам дал им ключ.

— Нагваль был усердным работником. Я был тогда немного плутоват и думал, что я один разыгрываю трюк с ним. Я верил, что Нагваль — просто старый глупый индеец, поэтому я сказал ему, что собираюсь представить его хозяину, как своего дедушку, иначе его не возьмут работать, но за это я должен получить какую-то долю его заработка. Нагваль сказал, что это его вполне устраивает. Он отдавал мне кое-что из нескольких песо, которые он зарабатывал каждый день. Мой хозяин был очень восхищен моим дедушкой, что тот был такой выносливый работник. Но другие парни потешались над ним. Как ты знаешь, он имел привычку время от времени трещать всеми связками. В мастерской он трещал ими всякий раз, когда что-нибудь нес. Люди, естественно, думали, что он такой старый, что когда несет что-нибудь на спине, то все его тело скрипит.

Я выглядел довольно жалко по сравнению с Нагвалем в роли моего дедушки. Но к тому времени Хенаро уже возобладал над моей личностью. Он сказал мне, что дает Нагвалю принимать особый состав, изготовленный из растений, и что это делает его сильным, как быка. Каждый день он приносил небольшой сверток размятых зеленых листьев и скармливал ему их. Хенаро сказал, что его друг ничего собой не представляет без его стряпни, и чтобы доказать мне это, он не давал ему ее два дня. Без зелени Нагваль казался просто обычным, заурядным старым человеком. Хенаро сказал мне, что я тоже могу воспользоваться его снадобьем, чтобы заставить женщин полюбить себя. Я очень заинтересовался этим и он сказал, что мы могли бы быть партнерами, если я буду помогать ему готовить его состав и давать этот состав его другу.

Однажды он показал мне немного американских денег и сказал, что продал свою первую партию американцу. Этим он поймал меня на удочку, и я стал его партнером.

Мой партнер Хенаро и я имели большие замыслы. Он сказал, что мне надо иметь свою мастерскую, потому что с деньгами, которые мы собирались заработать на его снадобье, я мог позволить себе все, что угодно. Я купил мастерскую, а мой партнер уплатил за нее. Так я ввязался в эту сумасбродную затею. Я знал, что мой партнер предложил стоящее дело, и я начал работать, изготавливая его зеленую смесь.

В этом месте у меня было странное убеждение, что дон Хенаро, должно быть, использовал психотропные растения для приготовления своего снадобья. Я рассуждал, что он должен был хитростью заставить Паблито принимать его, чтобы добиться его податливости.

— Он давал тебе растения силы, Паблито? — спросил я.

— Разумеется, — ответил он. — он давал мне свою зеленую массу. Я ел ее тоннами.

Он описал и имитировал, как дон Хуан сидит у передней двери дома дон Хенаро в состоянии глубокой апатии, а затем внезапно оживает, как только его губы прикасаются к снадобью. Паблито сказал, что глядя на такое преображение, он был вынужден попробовать его сам.

— Что было в этом составе?

— Зеленые листья, — ответил он. — любые зеленые листья, какие он мог достать. Вот таким дьяволом был Хенаро. Он обычно говорил о своем составе и заставлял меня смеяться, доводя до большого возбуждения. Боже, я действительно люблю то время.

Я засмеялся от нервозности. Паблито качнул головой из стороны в сторону и 2-3 раза прочистил горло. Он, казалось, сдерживался, чтобы не заплакать.

— Как я уже сказал, маэстро, — продолжал он, — мною двигала жадность. Я тайно надеялся отделаться от своего партнера, когда научусь сам делать зеленую смесь. Хенаро, должно быть, всегда знал о моих замыслах в те дни и как раз перед уходом он крепко обнял меня и сказал, что наступило время выполнить мое желание, это было время для того, чтобы отделаться от моего партнера, потому что я уже научился делать зеленую смесь.

Паблито встал. Его глаза были увлажнены слезами.

— Этот негодяй Хенаро, — сказал он тихо. — этот проклятый дьявол. Я по-настоящему любил его, и если бы я не был таким трусом, я бы сегодня делал его зеленую смесь.

Мне не хотелось больше писать. Чтобы рассеять свою печаль, я сказал Паблито, что нам нужно пойти отыскать Нестора.

Я приводил в порядок свои заметки, чтобы уйти, как вдруг передняя дверь с большим шумом распахнулась. Паблито и я непроизвольно вскочили и быстро повернулись, чтобы посмотреть. У двери стоял Нестор. Я побежал к нему. Мы встретились посреди передней комнаты. Он чуть ли не вскочил на меня и потряс меня за плечи. Он выглядел выше и сильнее, чем в последний раз, когда я его видел. Его длинное худощавое тело приобрело почти кошачью гибкость. Каким-то образом человек, который стоял лицом к лицу со мной, уставившись на меня, не был Нестором, которого я знал. Я помнил его, как очень застенчивого человека, доверенного на попечение Паблито.

Нестор, который глядел на меня, был смесью дон Хуана и дон Хенаро. Он был жилистым и проворным, как дон Хенаро, но вместе с тем обладал магнетической властью, как дон Хуан. Я собирался индугировать в своем замешательстве, но все, что смог сделать, это рассмеяться вместе с ним. Он похлопал меня по спине, снял свою шляпу. Только тут я осознал, что у Паблито шляпы не было. Я заметил так же, что Нестор был намного темнее и имел более крупные черты. Рядом с ним Паблито выглядел почти хрупким. Оба они носили американскую одежду леви <дешевая одежда фирмы Леви Штрауса>, толстые куртки и башмаки с каучуковыми подошвами.

Присутствие Нестора в доме мгновенно подняло подавленное настроение. Я пригласил его присоединиться к нам в кухне.

— Ты пришел как раз вовремя, — сказал Паблито Нестору с широкой улыбкой, когда мы сели. — маэстро и я прослезилась здесь, вспоминая дьяволов-толтеков.

— Ты действительно плакал, маэстро? — спросил Нестор с ехидной усмешкой на лице.

— Можешь быть в этом уверен, — ответил Паблито.

Очень тихий треск у передней двери заставил Паблито и Нестора прекратить разговор. Если бы я был сам, я бы ничего не заметил и не услышал. Паблито и Нестор встали, я сделал то же самое. Мы смотрели на переднюю дверь, она очень осторожно открывалась. Я подумал, что, наверное, вернулась ла Горда и тихо открывает дверь, чтобы не беспокоить нас. Когда дверь достаточно широко открылась, чтобы через нее мог пройти один человек, вошел Бениньо, двигаясь так, словно он крался в темную комнату. Его глаза были закрыты и он шел на цыпочках. Он напоминал мне подростка, прокрадывающегося в кинотеатр через незакрытую дверь, чтобы посмотреть фильм, не осмеливающегося производить шум и в то же время не могущего ничего видеть в темноте.

Все молча смотрели на Бениньо. Он открыл один глаз ровно настолько, чтобы посмотреть им и сориентироваться, а затем пошел через переднюю комнату в кухню. Он минуту стоял у стола с закрытыми глазами. Паблито и Нестор сели и сделали мне знак сделать то же самое. Затем Бениньо опустился рядом со мной на скамейку. Он мягко пихнул мое плечо своей головой, это был легкий толчок, означающий, что мне надо отодвинуться и освободить ему место на скамейке, затем он уселся со все еще закрытыми глазами.

Он был одет в одежду леви, как Паблито и Нестор. Его лицо стало немного полнее с тех пор, как я видел его в последний раз, несколько лет тому назад, и линия его волос отличалась, но я не смог бы сказать, как. У него было более светлое лицо, чем я помнил, очень маленькие зубы, полные губы, широкие скулы, небольшой нос и большие уши. Он всегда казался мне ребенком, чьи черты так и не стали зрелыми.

Паблито и Нестор, которые прервали свой разговор, чтобы наблюдать за входом Бениньо, возобновили беседу, когда он сел, словно ничего не произошло.

— Разумеется, он плакал вместе со мной, — сказал Паблито.

— Он не плакса, как ты, — сказал Нестор Паблито.

Затем он повернулся ко мне.

— Я очень рад, что ты жив, — сказал он. — мы только что разговаривали с ла Гордой и она сказала, что ты — Нагваль, но она не рассказала нам, как ты остался в живых. Как ты остался живым, маэстро?

В этом месте у меня был странный выбор. Я мог бы следовать своему разумному пути, как я всегда делал, и сказать, что я не имею ни малейшего понятия, и я был бы прав в этом. Либо я мог сказать, что мой дубль вызволил меня из лап этих женщин. Я взвешивал в уме возможный эффект обеих альтернатив, как вдруг меня отвлек Бениньо. Он немножко открыл один глаз и посмотрел на меня, а потом захихикал и спрятал голову в руки.

— Бениньо, ты не хочешь разговаривать со мной? — спросил я.

Он отрицательно качнул головой.

Я чувствовал себя неловко рядом с ним и решил спросить, что с ним такое.

— Что он делает? — тихо спросил я Нестора.

Нестор похлопал Бениньо по голове и встряхнул его. Бениньо открыл свои глаза, а потом закрыл их снова.

— Он такой всегда, ты же знаешь, — сказал мне Нестор. — он крайне застенчив. Раньше или позже он откроет глаза. Не обращай на него никакого внимания. Если ему надоедать, то он заснет.

Бениньо утвердительно кивнул головой, не открывая глаз.

— Ну хорошо, как ты выкарабкался? — настаивал Нестор.

— Ты не хочешь рассказать нам? — спросил Паблито.

Я осторожно сказал, что мой дубль выходил наружу из верхушки моей головы три раза. Я дал им отчет о случившемся.

Они не казались нисколько удивленными и приняли мой отчет, как должное. Паблито стал смаковать свои спекуляции о том, что донья Соледад могла не поправиться и в конце концов умереть. Он хотел знать, стукнул ли я точно так же Лидию. Нестор сделал ему категорический жест, чтобы он замолчал, и Паблито остановился не середине фразы.

— Я извиняюсь, маэстро, — сказал Нестор, — но это не был твой дубль.

— Но все говорили, что это был мой дубль.

— Я знаю наверняка, что ты неправильно понял ла Горду, потому что когда Бениньо и я шли в дом Хенаро, ла Горда перехватила нас по дороге и сказала нам, что ты и Паблито находитесь здесь, в этом доме. Она назвала тебя Нагвалем. Ты знаешь, почему?

Я засмеялся и сказал, что по моему мнению, это было обусловлено ее замечанием, что я получил большую часть светимости Нагваля.

— Один из нас здесь дурак! — сказал Бениньо гулким голосом, не открывая глаз.

Звук его голоса был таким диковинным, что я отпрыгнул от него. Его совершенно неожиданное заявление плюс моя реакция на него заставили всех смеяться. Бениньо открыл один глаз, посмотрел на меня секунду, а затем спрятал голову в руки.

— Ты знаешь, почему мы называли Хуана Матуса Нагвалем? — спросил меня Нестор.

Я сказал, что всегда думал, что это был их осторожный способ называния дона Хуана магом.

Бениньо засмеялся так громко, что звук его смеха заглушил всех остальных. Казалось, он беспредельно наслаждается. Он опустил свою голову на мое плечо, словно это был тяжелый предмет, который он больше не мог поддерживать.

— Причина, по которой мы называли его Нагвалем, — продолжал Нестор, — заключается в том, что он был расщеплен на двоих. Другими словами, всегда, когда ему было нужно, он мог попасть в другую колею, чего мы сами не можем делать: из него выходило нечто, что-то такое, что было не его дублем, а какой-то устрашающей грозной фигурой, которая выглядела, как он, но была вдвое больше по величине. Мы называли эту фигуру Нагвалем, и каждый, кто имеет ее, является, конечно, Нагвалем.

— Нагваль сказал нам, что все мы можем иметь эту фигуру, выходящую из головы, если захотим ее, но обстоятельства складываются так, что никто не хочет ее. Хенаро не хотел ее, так что, я думаю, мы не хотим ее тоже. Поэтому, кажется, ты единственный, кому всучили ее.

Они захохотали и завопили, словно загоняли стадо скота. Бениньо обвил руками мои плечи, не открывая глаз, и смеялся до тех пор, пока по его щекам не покатились слезы.

— Почему ты говоришь, что мне всучили ее? — спросил я Нестора.

— Она требует слишком много энергии, — сказал он, — слишком много труда. Я не знаю, как ты еще держишься на ногах.

— Нагваль и Хенаро расщепили тебя однажды в эвкалиптовой роще. Они взяли тебя туда, потому что эвкалипты — Твои деревья. Я присутствовал там сам и был свидетелем того, как они расщепили тебя и вытащили твой Нагваль наружу. Они тащили тебя врозь за уши, пока не расщепили твою светимость, и ты больше не был яйцом, а был двумя длинными светящимися кусками. Затем они сложили тебя вместе снова, но любой маг, который видит, может сказать, что там, в середине, есть огромный пробел.

— В чем заключается преимущество быть расщепленным?

— Ты имеешь одно ухо, которое слышит все, и один глаз, который видит все, и ты всегда будешь способным пройти лишнюю милю в случае необходимости. Это расщепление является также причиной, почему они сказали нам, что ты — маэстро.

— Они пытались расщепить Паблито, но, судя по всему, потерпели неудачу. Он слишком избалован и всегда индольгировал, как ублюдок. Именно поэтому он теперь такой взвинченный.

— Что же тогда такое дубль?

— Дубль — это другой, это тело, которое человек получает в сновидении. Он в точности выглядит, как сам человек.

— Вы все имеете дубль?

Нестор удивленно воззрился на меня.

— Эй, Паблито, скажи маэстро насчет наших дублей, — сказал он, смеясь.

Паблито протянул руки через стол и встряхнул Бениньо.

— Скажи ему ты, Бениньо, — сказал он. — или, еще лучше, покажи ему его.

Бениньо встал, открыл глаза как можно шире и посмотрел на крышу, затем сдернул штаны и показал мне свой пенис.

Хенарос засмеялись, как сумасшедшие.

— Когда ты спрашивал об этом, ты действительно имел в виду это, маэстро? — спросил меня Нестор с нервным выражением.

Я заверил его, что я был совершенно серьезным, желая знать все, что относится к их знанию. Я пустился в длинные объяснения того, как дон Хуан держал меня вдали от них по причинам, которых я не постигал, не давая мне возможности знать о них больше.

— Подумай вот о чем, — сказал я. — еще три дня тому назад я не знал, что те четыре девушки были ученицами Нагваль или что Бениньо был учеником дона Хенаро.

Бениньо открыл глаза.

— Подумай об этом сам, — сказал он. — я не знал до сих пор, что ты такой глупый.

Он снова закрыл глаза и все они безумно захохотали. Мне ничего другого не оставалось, как присоединиться к ним.

— Мы сейчас дразним тебя, маэстро, — сказал Нестор в виде оправдания. — мы думали, что ты разыгрываешь нас, растравляя нас. Нагваль сказал нам, что ты видишь. Если ты действительно видишь, ты можешь сказать, что мы жалкая компания. Мы не имеем тела сновидения. Никто из нас не имеет дубля.

В очень серьезной и откровенной манере Нестор рассказал, что что-то пролегло между ними и их желанием иметь дубля. Я понял его высказывание так, что возник некий барьер с тех пор, как ушли дон Хуан и дон Хенаро. Он думал, что это могло быть результатом того, что Паблито провалил свое задание. Паблито добавил, что с тех пор, как Нагваль и Хенаро ушли, что-то, казалось, преследовало их, и даже Бениньо, который в то время жил на южной оконечности мексике, должен был вернуться. Только когда они трое были вместе, они чувствовали себя действительно легко.

— Как ты думаешь, что это такое? — спросил я Нестора.

— Есть что-то там, во сне, в той безбрежности, что толкает нас, — ответил он. — Паблито думает, что это его неудачная попытка вступить в борьбу с этими женщинами.

Паблито повернулся ко мне. Его глаза ярко сияли.

— Они наложили на меня проклятие, маэстро, — сказал он. — я знаю, что причина всех наших неприятностей лежит во мне. Я хотел скрыться из этих мест после моей борьбы с Лидией, и, спустя несколько месяцев, я удалился на беракуро. Я был там действительно счастлив с одной девушкой, на которой хотел жениться. Я нашел работу и все было прекрасно до того дня, когда я пришел домой и обнаружил, что эти четыре мужеподобные уродки, словно хищные звери, нашли меня по моему следу. Они были в моем доме, мучая мою женщину. Эта сука Роза положила свою мерзкую руку на живот моей женщины и заставила ее нагадить в постель. Их лидер, двести двадцать задниц, сказала мне, что они прошли через весь континент, разыскивая меня.

Тут же она схватила меня за пояс и потащила прочь. Они толкали меня к автобусной станции, чтобы привезти сюда. Я осатанел хуже дьявола, но ничего не мог поделать с 220 задниц. Она посадила меня в автобус. Но по дороге сюда я сбежал. Я бежал через кусты и холмы, пока мои ноги не опухли так, что я не мог снять башмаки. Я почти умирал. Я был болен 9 месяцев. Если бы свидетель не нашел меня, я бы уже умер.

— Я не находил его, — сказал мне Нестор. — его нашла ла Горда. Она взяла меня туда, где он был, и мы вдвоем отнесли его на автобус и привезли сюда. Он был в бреду, и нам пришлось доплатить, чтобы водитель автобуса разрешил посадить его в автобус.

Очень драматическим тоном Паблито сказал, что он не изменил своих намерений, он все еще хочет умереть.

— Но почему? — спросил я его.

Вместо него ответил Бениньо гулким гортанным голосом.

— Потому что его член не работает, — сказал он.

Звук его голоса был таким необычным, что на секунду у меня возникло ощущение, что он говорит изнутри пещеры. Это было одновременно пугающе и несообразно. Я почти бесконтрольно засмеялся.

Нестор сказал, что Паблито пытался выполнить свое задание — установить половые отношения с женщинами, согласно инструкции дона Нагваля. Он сказал Паблито, что 4 страны света уже приведены в нужное положение, и все, что он должен сделать, это заявить свои права на них. Но когда Паблито пошел, чтобы заявить права на свою первую сторону, Лидию, она чуть не убила его. Нестор добавил, что по его личному мнению, как свидетеля этого события, Лидия ударила Паблито и ушибла его своей головой не потому, что была возмущена этим происшествием, а скорее потому, что Паблито оказался несостоятельным, как мужчина.

— Паблито действительно заработал болезнь в результате этого удара или он делал вид? — спросил я полушутя.

Бениньо ответил снова тем же гулким голосом.

— Он просто делал вид! — сказал он. — все, что он получил, была шишка на голове!

Паблито и Нестор захохотали и завопили.

— Мы не виним Паблито за то, что он боится этих женщин, — сказал Нестор. — они все, подобно самому Нагвалю, жуткие воины. Они подлые и ненормальные

— Ты действительно думаешь, что она такие, — спросил я его.

— Сказать, что они плохие, будет лишь одной частью всей истины, — сказал Нестор. — они точно такие же, как Нагваль. Они серьезные и хмурые. Когда Нагваль был рядом, они обычно сидели около него и пристально смотрели вдаль полуприкрытыми глазами целыми часами, иногда днями.

— Это правда, что Жозефина когда-то давно была на самом деле ненормальной?

— Чуть, — сказал Паблито. — не давно, она ненормальная сейчас. Она самая сумасшедшая из всей этой компании.

Я сказал им, что она сделала со мной. Я думал, что они оценят юмор ее великолепного представления. Но мой рассказ, по-видимому, оказал на них дурное впечатление. Они слушали меня, как испуганные дети, даже Бениньо открыл глаза, слушая мой отчет.

— Вот! — воскликнул Паблито. — эти суки действительно ужасны. И ты не знаешь, что их лидер — двести двадцать задниц. Она швырнет в тебя камень, а потом спрячет руку и сделает вид невинной девочки. Будь осторожен с ней, маэстро.

— Нагваль тренировал Жозефину, чтобы она могла быть всем, кем угодно, — сказал Нестор. — она может делать все, что захочет: плакать, смеяться, сердиться и все, что угодно.

— А какая она, когда не прикидывается? — спросил я Нестора.

— Тогда она просто помешанная, — ответил Бениньо мягким голосом.

— Я встретился с Жозефиной впервые, когда она прибыла. Мне пришлось внести ее в дом. Нагваль и я обычно привязывали ее к постели все время. Однажды она начала плакать о своей подруге, девочке, с которой обычно играла. Она плакала три дня, Паблито утешал ее и кормил, как ребенка. Она похожа на него. Оба они не знают, как остановиться, когда начнут что-то.

Бениньо внезапно начал нюхать воздух. Он встал и подошел к плите.

— Он действительно застенчивый? — спросил я Нестора.

— Он застенчивый и эксцентричный, — ответил Паблито. — он будет таким до тех пор, пока не потеряет свою форму. Хенаро сказал нам, что мы раньше или позже потеряем свою форму, так что нет смысла делать жалкие потуги, пытаясь изменить себя так, как говорил нам Нагваль. Хенаро сказал нам, чтобы мы наслаждались и ни о чем не заботились. Ты и женщины — вы заботитесь и пытаетесь, мы с другой стороны, наслаждаемся. Ты не знаешь, как наслаждаться вещами, а мы не знаем, как сделать себя жалкими. Нагваль называл делание себя жалким — безупречностью, мы называем это глупостью, правда?

— Говори за себя, Паблито, — сказал Нестор. — Бениньо и я мыслим иначе.

Бениньо положил в миску еды и поставил передо мной. Он обслужил всех. Паблито изучил миски и спросил Бениньо, где он нашел их. Бениньо сказал, что они были в ящике, где, как сказала ему ла Горда, она спрятали их. Паблито доверительно сказал мне, что эти миски принадлежали им до разрыва.

— Мы должны быть осторожны, — сказал Паблито нервным тоном. — эти миски, несомненно, заколдованны. Те суки вложили что-то в них. Я лучше буду есть из миски ла Горды.

Нестор и Бениньо начали есть. Тут я заметил, что Бениньо дал мне коричневую миску. Паблито, судя по всему, был в большой тревоге. Я захотел успокоить его, но Нестор остановил меня.

— Не принимай его так серьезно, — сказал он. — он любит быть таким. Он сядет и будет есть. Это место, где ты и женщины потерпели неудачу. У тебя нет способа понять

Паблито таким, каков он есть. Ты ожидаешь, что все будут похожи на Нагваля. Ла Горда единственная, кто относится к нему спокойно, но не потому, что она понимает, а потому, что она потеряла свою форму.

Паблито сел кушать и вчетвером мы прикончили весь горшок с едой. Бениньо помыл миски и тщательно спрятал их обратно в ящик, а затем все мы удобно уселись вокруг стола.

Нестор предложил, чтобы все мы, когда стемнеет, пошли в близлежащую лошину, куда обычно ходили дон Хуан, дон Хенаро и я. Я ощутил какое-то нежелание. Я не чувствовал достаточной уверенности в их компании. Нестор сказал, что они привыкли ходить в темноте и что искусство мага заключается в том, чтобы оставаться незамеченным даже в гуще людей. Я сказал ему, что дон Хуан сказал мне однажды перед тем, как оставить меня одного в пустынном месте в горах не слишком далеко отсюда. Он потребовал, чтобы я полностью сконцентрировался на попытке не быть заметным. Он сказал, что люди в этой местности знают друг друга на вид. Там было не очень много людей, но те, кто там жили, постоянно ходили вокруг и могли засечь чужака за несколько миль. Он сказал мне, что многие из этих людей имеют огнестрельное оружие и им ничего не стоит подстрелить меня.

— Не беспокойся насчет существ другого мира, — сказал дон Хуан, смеясь. — это по моему правильно, — сказал Нестор. — это всегда было правильно. Именно поэтому Нагваль и Хенаро были такими артистами. Они научились быть незаметными среди всего этого. Они знали искусство выслеживания.

Было еще слишком рано для нашей прогулки в темноте. Я захотел воспользоваться этим временем, чтобы задать Нестору свои критические вопросы. Я избегал этого все время, какое-то странное ощущение предотвращало меня от этого. Было так, словно мой интерес истощился после ответа Паблито. Однако Паблито сам пришел мне на помощь и затронул внезапно эту тему, словно прочитав мои мысли.

— Нестор тоже прыгнул в пропасть в тот же день, что и мы, — сказал он. — в результате этого он стал свидетелем, ты стал маэстро, а я стал деревенским идиотом.

В небрежной манере я попросил Нестора рассказать мне о его прыжке в пропасть. Я постарался, чтобы в моих словах звучал лишь умеренный интерес. Но Паблито осознал подоплеку моего деланного безразличия. Он засмеялся и сказал Нестору, что я так осторожен потому, что я был глубоко разочарован его собственным отчетом об этом событии.

— Я бросился после того, как вы оба сделали это, — сказал Нестор и взглянул на меня, словно ожидая следующего вопроса.

— Ты прыгнул непосредственно после нас? — спросил я.

— Нет. Мне потребовалось некоторое время для подготовки, — сказал он. — Хенаро и Нагваль не сказали мне, что делать. Тот день был пробным днем для всех нас.

Паблито казался подавленным. Он встал со своего стула и прошелся по комнате. Затем он снова сел, качая головой в жесте отчаяния.

— Ты действительно видел, как мы бросились с края? — спросил я Нестора.

— Я свидетель, — сказал он. — быть свидетелем — это был мой путь знания, рассказывать вам безупречно то, чему я был свидетелем — мое задание.

— А что же ты на самом деле видел? — спросил я.

— Я видел, как вы, держа друг друга за руки, подбежали к краю, — сказал он. — а затем я видел вас обоих, как воздушных змеев в небе. Паблито двигался дальше по прямой линии, а потом упал вниз. Ты немного поднялся, а затем продвинулся на небольшое расстояние от края, после чего упал.

— Но мы действительно прыгнули в своих телах? — спросил я.

— Ну да, я не думаю, что это можно сделать другим способом, — сказал он и засмеялся.

— Может быть, это была иллюзия? — спросил я.

— Что ты хочешь выяснить, маэстро? — спросил он сухим тоном.

— Я хочу узнать, что в действительности случилось, — сказал я.

— На тебя, случайно, не нашло помрачение, как на Паблито? — сказал Нестор с блеском в глазах.

Я попытался объяснить ему природу моего недоумения в связи с прыжком. Он не выдержал и перебил меня. Паблито вмешался, чтобы призвать его к порядку, и они стали пререкаться. Паблито прекратил спор, обойдя вокруг стола, полусидя на своем стуле.

— Нестор не видит дальше своего носа, — сказал он мне. — То же самое и Бениньо. Ты ничего не получишь от них. По крайней мере, мои симпатии остались на твоей стороне.

Паблито захохотал, заставив свои плечи дрожать, и закрыл свое лицо шляпой Бениньо.

Что касается меня, то вы оба прыгнули, — сказал мне Нестор, внезапно взорвавшись. — Хенаро и Нагваль не оставили вам другого выбора. Это было их искусство — загнать вас и затем подвести вас к единственным воротам, которые были открыты. Так вы двое бросились через край. Это было то, чему я был свидетелем. Паблито говорит, что он ничего не ощущал, это сомнительно. Я знаю, что он прекрасно все сознавал, но он избрал ощущать и говорить, что он не сознавал.

— Я действительно не сознавал, — сказал мне Паблито тоном оправдания.

— Возможно, — сказал Нестор сухо. — но я сам сознавал и я видел, как ваши тела сделали то, что они должны были сделать — прыгнули.

— Утверждения Нестора вовлекли меня в странное умонастроение. Все это время я искал подтверждения того, что я испытал сам. Но когда я получил его, я осознал, что оно ничего не меняет. Одно дело было знать, что я прыгнул, и был испуганным тем, что я воспринимал, и другое — найти согласованное подтверждение. Я понял тогда, что одно не имеет необходимой корреляции с другим. Я думал все это время, что наличие кого-то другого, кто подтвердит, что я испытал этот прыжок, освободит мой интеллект от его сомнения и страхов. Я ошибся. Вместо этого я стал еще более беспокоен, еще более вовлечен в эту проблему.

Я начал объяснять Нестору, что я приехал, чтобы увидеть их обоих специально для того, чтобы получить их подтверждение того, что я прыгнул, — мое умонастроение изменилось и я в действительности не хочу больше разговаривать об этом. Оба они начали говорить одновременно, и в этот момент мы вступили в трехсторонний спор. Паблито доказывал, что он ничего не сознавал, Нестор кричал, что Паблито индугирует, а я говорил, что не хочу больше ничего слышать о прыжке.

Мне впервые стало совершенно ясно, что никто из нас не имел спокойствия и самоконтроля. Никто из нас не хотел уделить другому свое нераздельное внимание, как делали дон Хуан и дон Хенаро. Так как я был неспособен поддерживать какой-либо порядок в нашем обмене мнениями, я погрузился в свои собственные размышления.

Я всегда думал, что единственным изъяном, который мешал мне полностью войти в мир дон Хуана было мое настаивание на разумном объяснении всего, но присутствие Нестора и Паблито дало мне новое прозрение внутри самого себя. Другим моим изъяном была моя неуверенность. Как только я сходил с надежных рельсов здравого смысла, я не мог верить самому себе и становился устранным внушительностью того, что раскрывалось передо мной. Поэтому я оказался не в состоянии поверить в то, что я прыгнул в пропасть.

Дон Хуан настаивал на том, что центральной проблемой мага является восприятие, и в соответствии с этим он и дон Хенаро во время нашей последней встречи инсценировали великолепную катароическую драму на вершине горы. После того, как они заставили меня произнести слова благодарности в громких ясных выражениях каждому, кто когда-либо помогал мне, меня пронизало воодушевление. В этом пункте они захватили все мое внимание и повели мое тело к восприятию единственного возможного акта в пределах своей системы соотношений: прыжка в пропасть. Этот прыжок был, практически, свершением моего восприятия не как обычного человека, а как мага.

Я так ушел в записывание своих мыслей, что не заметил, что Нестор и Паблито перестали говорить и что все трое смотрят на меня. Я объяснил им, что у меня нет способа понять, что произошло в связи с этим прыжком.

— Здесь нечего понимать, — сказал Нестор. — события просто случаются, и никто не может сказать, как. Спроси Бениньо, хочет ли он понять.

— Ты хочешь понять? — спросил я шутливо Бениньо.

— Будь уверен, что хочу! — воскликнул он глубоким низким голосом, так, что все рассмеялись.

— Ты индугируешь, говоря, что хочешь понять, — продолжал Нестор. — так же как Паблито индугирует, говоря, что он ничего не помнит.

Он взглянул на Паблито и подмигнул мне. Паблито опустил голову.

Нестор спросил меня, не заметил ли я чего-нибудь в настроении Паблито, когда мы собирались прыгать. Я вынужден был признать, что был не в состоянии обращать внимание на такие тонкости, как настроение Паблито.

— Воин должен замечать все, — сказал он. — это его специфическая черта и, как Нагваль, в этом заключается его преимущество.

Он улыбнулся и сделал нарочитый жест замешательства, закрыв свое лицо шляпой.

— Что именно я упустил в настроении Паблито? — спросил я его.

— Паблито уже прыгнул, прежде, чем он переступил край, — Сказал он. — ему больше ничего не нужно было делать. Он мог с таким же успехом сесть на краю вместо прыжка.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Паблито был уже распавшимся, — ответил он. — именно поэтому он думает, что потерял сознание. Паблито лжет. Он что-то скрывает.

Паблито начал говорить со мной. Он бормотал какие-то невразумительные слова, затем махнул рукой и плюхнулся обратно на свой стул. Нестор тоже начал что-то говорить. Я остановил его. Я не был уверен, что понял его правильно.

— Было ли тело Паблито распавшимся? — спросил я.

Он долго всматривался в меня, не говоря ни слова. Он сидел справа от меня. Он молча пересел на скамейку напротив меня.

— Ты должен серьезно отнестись к тому, что я говорю, — сказал он. — нет способа повернуть назад колесо времени к тому, чем мы были перед прыжком. Нагваль сказал, что быть воином — это честь и удовольствие, и что судьба воина — делать то, что он должен делать. Я должен рассказать тебе безупречно то, чему я был свидетелем. Паблито был распавшимся. Когда вы подбежали к краю, только ты был плотным. Паблито был похож на облако. Он думает, что был близок к тому, чтобы упасть ничком, а ты думаешь, что держал его за руку, чтобы помочь ему добежать до края. Никто из вас не прав, и я не сомневаюсь, что для вас обоих было бы лучше, если бы ты не поддерживал Паблито.

Я ощущал еще большее замешательство, чем прежде. Я искренне верил, что он правдиво излагает то, что он воспринял, но я помнил, что я только держал Паблито за руку.

— Что случилось бы, если бы я не вмешался? — спросил я.

— Я не могу ответить на это, — ответил Нестор. — но я знаю, что вы повлияли на светимость друг друга. В тот момент, когда ты подал ему руку, Паблито стал более плотным, но ты потратил свою драгоценную силу на пустяки.

— Что ты делал после того, как мы прыгнули? — спросил я Нестора после долгого молчания.

— Сразу после того, как вы оба исчезли, — сказал он, — мои нервы были так потрясены, что я не мог дышать, и я тоже потерял сознание, не знаю, на какое время. Я думал, что это длилось один момент. Когда я снова пришел в себя, я оглянулся вокруг, ища Нагваля и Хенаро. Они ушли. Я бегал взад и вперед по верхушке той горы, зовя их, пока не сорвал голос. Тогда я понял, что остался один.

Я подошел к краю утеса и попытался отыскать знак, который дает земля, когда воин не собирается возвращаться, но я уже пропустил его. Я понял тогда, что Хенаро и Нагваль ушли навсегда. До этого момента я не осознавал, что обращаясь ко мне, когда прощались с вами, когда вы побежали к краю, они помахали руками и попрощались со мной.

Обнаружить себя одного в то время дня на том пустынном месте было больше того, что я мог вынести. Одним махом я потерял всех друзей, которых имел в мире. Я сел и заплакал. А когда я испугался еще больше, я начал вопить во всю мочь. Я во все горло выкрикивал имя Хенаро. К тому времени стало очень темно. Я больше не мог различить окружающих предметов. Я знал, что, как воин, я не должен индугировать в своей печали. Чтобы успокоиться, я начал выть, как койот, так, как меня научил Нагваль. Спустя некоторое время после начала выть, я почувствовал себя немного лучше, так что я забыл свою печаль. Я забыл о существовании мира. Чем дольше я выл, тем легче было ощущать тепло и защиту земли.

Так прошло, должно быть, несколько часов. Внезапно я ощутил внутри себя толчок позади горла и колокольный звон в ушах. Я вспомнил, что Нагваль сказал Элихио и Бениньо перед их прыжком. Он сказал, что это ощущение в горло приходит как раз перед тем, как человек готовится изменить свою скорость, и что звук колокольчика является средством, которое человек может использовать для выполнения всего, что ему потребуется. Тогда я захотел стать койотом. Я посмотрел на свои руки, которые были на земле передо мной. Они изменили форму и стали похожи на лапы койота. Я увидел койотную шерсть на руках и груди. Я был койотом! Это наполнило меня таким счастьем, что я стал кричать, как должен кричать койот. Я ощущал у себя зубы койота, его длинную заостренную морду и язык. Каким-то образом я знал, что я умер, но это не тревожило меня. Для меня не имело значения — превратиться в койота или умереть, или остаться живым. Я пошел на четырех лапах, как койот, к краю обрыва и прыгнул туда. Ничего другого мне не оставалось делать.

Я ощутил, что я падаю и мое койотное тело перевернулось в воздухе. Затем я снова стал самим собой, кружащимся высоко над землей. Но прежде, чем упасть на дно, я стал таким легким, что больше не падал, а парил. Воздух проходил через меня. Я был таким легким! Я поверил, что моя смерть, наконец, входит внутрь меня. Что-то размешало мои внутренности, и я распался, как сухой песок. Там, где я был, было мирно и превосходно. Я каким-то образом знал, что я был там, и тем не менее, я там не был. Я был ничто.

Это все, что я могу сказать об этом. Затем совершенно внезапно то же самое, что сделало меня подобным сухому песку, собрало меня снова. Я вернулся обратно к жизни и обнаружил, что я сижу в хижине старого масатекского мага. Он сказал мне, что его зовут Порфирио. Он сказал, что рад видеть меня и стал обучать меня определенным вещам относительно растений, которым дон Хуан не учил меня. Он взял меня с собой туда, где растения растут, и показал мне шаблон растений и особенно отметины на шаблонах. Он сказал, что если я буду наблюдать эти отметины на шаблонах, я смогу легко сказать, на что они годятся, даже если я никогда раньше не видел этих растений. Затем, когда он знал, что я изучил отметины, он попрощался, но пригласил меня приходить снова к нему. В этот момент я ощутил сильный толчок и я распался, как раньше. Я стал миллионом кусочков.

Затем я снова был втянут в самого себя и пошел увидеться с Порфирио. Все-таки он приглашал меня. Я знал, что могу пойти, куда захочу, но я избрал хижину Порфирио, потому что он был дружелюбен ко мне и учил меня. Я не хотел рисковать, встретившись вместо этого с чем-то ужасным. На этот раз Порфирио взял меня, чтобы посмотреть шаблоны животных. Там я увидел свое собственное животное-Нагваль. Мы узнали друг друга на вид. Порфирио был восхищен, видя такую дружбу. Я видел также Нагваль Паблито и твой, но они не захотели разговаривать со мной. Они казались печальными. Я не настаивал на разговоре с ними. Я не знал, что произошло с вами во время вашего прыжка.

Я знал, что сам я мертв, но мой Нагваль сказал мне, что я не умер и что вы оба также живы. Я спросил об Элихио, и мой Нагваль сказал, что он ушел навсегда. Тут я вспомнил, что, когда был свидетелем прыжка Элихио и Бениньо, я слышал, как Нагваль сказал ему, чтобы он изучал только свой собственный мир, потому что, делая так, он найдет единственную доступную для него форму силы. Нагваль дал им специальные инструкции, чтобы они позволили своим кусочкам вырваться как можно дальше, чтобы возратить обратно их силы. Я сам сделал то же самое. Я прошел взад и вперед от тоналя к нагвалю 11 раз. Однако каждый раз меня встречал Порфирио, который давал мне дальнейшие инструкции. Каждый раз, когда мои силы иссякали, я восстанавливал их в Нагвале, вплоть до того времени, когда я восстановил ее так много, что я очутился обратно на земле.

— Донья Соледад сказала мне, что Элихио не должен был прыгать в пропасть, — сказал я.

— Он прыгнул вместе с Бениньо, — сказал Нестор. — спроси его, он скажет тебе своим излюбленным голосом.

Я повернулся к Бениньо и спросил его насчет его прыжка.

— Будь уверен, что мы прыгнули вместе! — ответил он дребезжащим голосом, — но я никогда не говорю об этом.

— Что Соледад сказала насчет Элихио? — спросил Нестор.

Я рассказал им, как донья Соледад сказала, что Элихио закружил ветер и он покинул мир, когда работал в открытом поле.

— Она совершенно перепутала, — сказал Нестор. — Элихио закружили олли. Но он не захотел ни одного из них, поэтому они оставили его в покое. Это не имеет никакого отношения к прыжку. Ла Горда сказала, что вы имели стычку с олли прошлой ночью, я не знаю, что вы делали, но если вы хотели захватить их или завлечь, чтобы они остались с вами, вы должны были кружиться с ними. Иногда они по собственному почину приходят к магу и кружат его. Элихио был наилучшим воином, какие только есть, так что олли пришли к нему по своему почину. Если бы кто-нибудь из нас захотел иметь олли, мы должны были бы помогать их много лет, но даже и тогда я сомневаюсь, чтобы олли согласились помогать нам.

— Элихио должен был прыгнуть подобно всем остальным. Я был свидетелем его прыжка. Он был в паре с Бениньо. Многое из того, что случается с нами, как с магами, зависит от того, что делает твой партнер. У Бениньо немного не хватает винтиков в голове, потому что его партнер не вернулся. Не так ли, Бениньо?

— Будь уверен, что это так! — ответил Бениньо своим излюбленным голосом.

Тут я не устоял перед сильным любопытством, которое мучило меня с самого начала, как только я услышал, как Бениньо говорит. Я спросил его, как он делает свой гудящий голос. Он повернулся лицом ко мне. Он сел прямо и указал на свой рот, как будто хотел, чтобы я внимательно смотрел на него.

— Я не знаю! — прогудел он. — я просто открываю рот, и этот голос выходит из меня.

Он сократил мышцы лба, скривил губы и издал глубокий гудящий звук. Тут я увидел, что у него на висках были потрясающие мышцы, которые придавали его голове другой

контур. У него была другой не только линия волос, но и вся верхняя передняя часть головы.

— Хенаро оставил ему свои шумные звуки, — сказал мне Нестор. — подожди, пока он пернет.

Мне показалось, что Бениньо готовится продемонстрировать свои способности.

— Подожди, подожди, Бениньо, — сказал я. — в этом нет необходимости.

— Ах, черт возьми, — воскликнул Бениньо тоном разочарования. — у меня был как раз самый лучший звук для тебя.

Паблито и Нестор засмеялись так сильно, что даже Бениньо утратил свое надменное выражение и захохотал вместе с ними.

— Расскажи мне, что еще случилось с Элихио, — попросил я Нестора, когда они успокоились.

— Когда Элихио и Бениньо прыгнули, — ответил Нестор, — Нагваль заставил меня быстро взглянуть через край, чтобы уловить знак, который дает земля, когда воины прыгают в пропасть. Если там будет что-то вроде облачка или слабого порыва ветра, то время пребывания воина на земле еще не истекло. В тот день, когда прыгнули Элихио и Бениньо, я ощутил дыхание воздуха с той стороны, с которой прыгнул Бениньо, и я знал, что его час еще не пробил. А со стороны Элихио все было безмолвно.

— Как ты думаешь, что случилось с Элихио? Он умер?

Все трое уставились на меня. Они с минуты молчали. Нестор почесал виски обеими руками. Бениньо хихикнул и потряс головой. Я попытался объяснить, но Нестор сделал мне жест руками, чтобы остановить меня.

— Ты серьезно задаешь нам вопросы? — спросил он меня.

Бениньо ответил за меня. Когда он не паясничал, его голос был глубоким и мелодичным. Он сказал, что Нагваль и Хенаро подстроили все так, что каждый из нас имел такие кусочки информации, которые не имели другие.

— Хорошо, раз так, мы расскажем тебе, что к чему, — сказал Нестор, улыбаясь, словно у него гора свалилась с плеч. — Элихио не умер. Ни в коем случае.

— Где он теперь? — спросил я.

Они снова переглянулись. У меня было ощущение, что они сдерживались, чтобы не засмеяться. Я сказал им, что все, что я знаю об Элихио, было то, что сообщила мне донья Соледад. Она рассказала, что Элихио ушел в другой мир, чтобы присоединиться к Нагвалю и Хенаро. Для меня это звучало так, словно все трое умерли.

— Почему ты так разговариваешь, маэстро? — спросил Нестор тоном глубокого участия. — даже Паблито не разговаривает подобным образом.

Мне показалось, что Паблито собирается протестовать. Он чуть не встал, но потом, по-видимому, переменял свое намерение.

— Да, это правильно, — сказал он. — даже я не разговариваю так.

— Ну ладно, если Элихио не умер, то где же он? — спросил я.

— Соледад уже сказала тебе, — мягко сказал Нестор. — Элихио ушел, чтобы соединиться с Нагвалем и Хенаро.

Я решил, что будет лучше не задавать никаких вопросов. Я не собирался быть агрессивным в своих расспросах, но они всегда оборачивались таким образом. Кроме того, я имел ощущение, что они знали не намного больше меня.

Нестор внезапно встал и начал расхаживать взад и вперед передо мной. Наконец, он потащил меня прочь от стола за подмышки. Он не хотел, чтобы я писал. Он спросил меня, действительно ли я выключился подобно Паблито в момент прыжка и ничего не помню. Я сказал, что у меня был ряд живых грез или видений, которые я не могу объяснить, и что я приехал для того, чтобы увидеть их и добиться ясности. Они захотели узнать обо всех видениях, которые у меня были.

После того, как они выслушали мой отчет, Нестор сказал, что мои видения были очень причудливыми и только первые два имели большое значение и относились к этой земле, остальные были видениями чужих миров. Он объяснил, что мое первое видение имело особое значение, т.к. оно было подлинным знаком. Он сказал, что маги всегда рассматривают первое событие из любой серии как программу или карту того, что должно произойти впоследствии.

В этом конкретном видении я обнаружил, что смотрю на диковинный мир. Прямо перед моими глазами была огромная скала, расщепленная надвое. Через широкую щель в ней я мог видеть бескрайнюю фосфоризирующую равнину, своего рода долину, залитую зеленовато-желтым светом. На одной стороне долины, справа, частично скрытое от моего зрения огромной скалой, находилось невероятное куполообразное строение. Оно было темное, почти угольно-серое. Если там я имел те же размеры, что и в мире обыденной

жизни, то купол должен был иметь около 50 тысяч футов в высоту и много миль в ширину. Такие колоссальные размеры ошеломили меня. У меня возникло чувство головокружения и я погрузился в состояние распада.

Я снова вернулся из него и ощутил на очень неровной и все же плоской поверхности. Это была сияющая безграничная поверхность, точно такая же, как равнина, которую я видел прежде. Она простиралась до тех пор, пока хватало глаз. Вскоре я осознал, что могу поворачивать голову в любом желаемом направлении в горизонтальной плоскости, но я не мог взглянуть на себя. Однако я имел возможность исследовать окрестности, вращая голову слева направо и в обратном направлении. Тем не менее, когда я хотел повернуться кругом, чтобы посмотреть сзади на себя, я не мог сдвинуть свой корпус.

Равнина простиралась с монотонным однообразием как на лево, так и направо. В поле зрения не было ничего другого, кроме бесконечного беловатого сияния. Я хотел посмотреть на почву под своими ногами, но мои глаза не могли двигаться вниз. Я поднял голову вверх, чтобы посмотреть на небо, все, что я увидел, была другая безграничная поверхность, которая казалась связанной с той, на которой я стоял. Тут у меня возник момент постижения, и я ощутил, что что-то прямо сейчас готово раскрыться мне. Но внезапный опустошающий толчок распада остановил мое откровение. Какая-то сила потянула меня вниз. Было так, словно беловатая поверхность поглотила меня.

Нестор сказал, что мое видение купола имело колоссальное значение, потому что эта особая форма была выделена Нагвалем и Хенаро, как видение того места, где, как предполагается, все мы когда-нибудь встретим их.

В этом месте со мной заговорил Бениньо и сказал, что слышал, как Элихио инструктировали, чтобы он нашел тот особый купол. Он сказал, что Нагваль и Хенаро настаивали на том, чтобы Элихио понял их объяснения точно. Они всегда считали Элихио самым лучшим, поэтому они направляли его, что он находил этот купол и входил под его беловатые своды снова и снова.

Паблито сказал, что они трое получили инструкции найти этот купол, если они смогут, но ни один из них не нашел его. Тут я сказал тоном жалобы, что ни дон Хуан, ни дон Хенаро никогда не упоминали при мне ни о чем подобном. Мне не давали никаких инструкций, касающихся купола.

Бениньо, который сидел напротив меня через стол, внезапно встал и пошел в мою сторону. Он сел слева от меня и очень мягко прошептал мне в ухо, что, по-видимому, два старика инструктировали меня, но я не запомнил или же они не сказали мне ничего об этом, чтобы я не фиксировал свое внимание на нем, если найду его.

— Почему этот купол так важен? — спросил я Нестора.

— Потому что это то место, где сейчас находятся Нагваль и Хенаро, — ответил он.

— А где находится этот купол? — спросил я.

— Где-то на этой земле, — сказал он.

Я вынужден был детально объяснить им, что было невозможно, чтобы на нашей планете могло существовать строение такой величины. Я сказал, что мое видение было больше похоже на грезу и что купола такой высоты могут существовать только в фантазии. Они засмеялись и мягко похлопали меня по спине, словно убаюывая ребенка.

— Ты хочешь знать, где находится Элихио, — внезапно сказал Нестор. — ну так вот, он находится под белыми сводами этого купола с Нагвалем и Хенаро.

— Но этот купол был видением, — возразил я.

— Тогда Элихио находится в видении, — сказал Нестор. Вспомни, что Бениньо только что сказал тебе. Нагваль и Хенаро не говорили тебе, чтобы ты нашел этот купол и приходил к нему обратно снова и снова. Если бы они сказали, то тебя не было бы здесь. Ты был бы, как Элихио, в куполе того видения. Так что ты видишь, что Элихио не умер, как умирает человек на улице. Он просто не вернулся из своего прыжка.

Его заявление ошеломило меня. Я не мог отрицать воспоминания о живости видений, которые у меня были, но по какой-то странной причине мне хотелось спорить с ними. Нестор, не давая мне времени что-либо сказать, продвинул свои утверждения на ступень дальше. Он напомнил мне одно из моих видений: предпоследнее. Это видение было самым кошмарным из всех. Я обнаружил, что меня преследует какое-то странное невиданное создание. Я знал, что оно находится там, но я не мог видеть его, не потому, что оно было невидимым, а потому, что мир, в котором я находился, был таким неправдоподобно чужим, что я не мог сказать, чем там что является. Каковы бы ни были элементы моего видения, они, безусловно, были не с этой земли. Эмоциональное потрясение, которое я испытал, обнаружив, что затерян в таком месте, было едва ли не больше того, что я мог выдержать. В один из моментов поверхность, на которой я стоял, начала сотрясаться. Я ощутил, что она оседает под моими ногами, и ухватился за нечто

вроде ветки или отростка какого-то предмета, напоминавшего мне дерево, который висел как раз над моей головой в горизонтальном положении.

В тот момент, когда я коснулся его, этот предмет обвился вокруг моего запястья, словно он обладал чувствующими нервами. Я почувствовал, что поднят на огромную высоту. Я посмотрел вниз и увидел невероятное животное; я знал, что это была невидимая тварь, которая преследовала меня. Она вылезала из-под поверхности, которая выглядела, как земля. Я мог видеть ее огромный рот, открытый, как пещера. Я услышал леденящий, совсем неземной рев, нечто вроде пронзительного, звенящего металлического вздоха, и щупальце, схватившее меня, разжалось, и я упал в пещерообразный рот. Я видел каждую деталь этого рта, когда падал в него. Затем он захлопнулся, со мной внутри. Я ощутил моментальное давление, которое расплющило мое тело.

— Ты уже умер, — сказал Нестор. — то животное съело тебя. Ты отважился выйти за пределы этого мира и нашел сплошной ужас. Наша жизнь и наша смерть не больше и не менее реальны, чем твоя короткая жизнь в том месте и твоя смерть во рту того чудовища. Эта жизнь, которую мы ведем сейчас, есть всего лишь длительное видение. Разве ты не видишь этого?

Нервные спазмы пробежали по моему телу.

— Я не выходил за пределы этого мира, — продолжал он. — но я знаю, о чем я говорю. У меня не было ужасных историй, как у тебя. Все, что я делал — это посетил Порфирио 10 раз. Если бы это зависело от меня, я бы ушел туда навсегда, но мой одиннадцатый прыжок был такой сильный, что он изменил мое направление. Я ощутил, что пролетел мимо хижины Порфирио, и вместо того, чтобы очутиться у его двери, я очутился в городе, очень близко от местонахождения моего друга. Мне показалось это странным. Я знал, что между Нагвалем и тоналем я путешествую. Никто не говорил мне, что эти путешествия должны быть какого-то особого рода. Поэтому мне стало любопытно, я и решил увидеть своего друга. Я заинтересовался, увижу ли я его реально. Я подошел к его дому и постучал в его дверь точно так же, как я делал уже это множество раз. Его жена впустила меня, как она всегда делала, и мой друг действительно был дома. Я сказал ему, что пришел в город по делу, и он даже вернул мне деньги, которые был должен. Я положил деньги в карман. Я знал, что мой друг и его жена, и деньги, и его дом, и город были видением, точно так же, как и хижина Порфирио. Я знал, что сила, которая выше меня, может распылить меня на части в любой момент. Поэтому я уселся, чтобы насладиться своим другом в полной мере. Мы смеялись и шутили. Я осмелился сказать, что был смешным, легким и очаровательным. Я долго оставался там, ожидая толчка; так как он действительно не приходил, я решил уйти. Я попрощался и поблагодарил его за деньги и за его дружелюбие. Я ушел оттуда. Я хотел увидеть город прежде, чем сила заберет меня оттуда. Я бродил вокруг всю ночь.

Я ходил все время по холмам, возвышавшимся над городом, и в тот момент, когда взойшло солнце, меня пронзило осознание, как вспышка молнии. Я вернулся обратно в мир и сила, которая распылит меня, отступила и решила позволить мне остаться еще в течение некоторого времени. Мне было суждено увидеть мои родные края и эту чудесную землю немного дольше. Какая великая радость, маэстро! Но я не могу сказать, что я не наслаждался дружбой Порфирио. Оба видения равны, но я предпочитаю видение своей формы и своей земли. Возможно, это мои причуды.

Нестор кончил говорить, и все они стали смотреть на меня. Я чувствовал угрозу, которой не было никогда прежде. Некоторая часть меня трепетала перед тем, что он сказал, а другая хотела бороться с ним. Я начал спорить с ним без всякого смысла. Мое бессмысленное настроение длилось несколько минут, когда я начал осознавать, что Бениньо смотрит на меня с очень неприветливым выражением. Я ощутил, что что-то зловещее внезапно стало давить на мое сердце. Он фиксировал глаза на моей груди. Я начал потеть, словно прямо перед моим лицом находился обогреватель. У меня в ушах начало шуметь.

В этот самый момент ко мне подошла Горда. Она появилась самым неожиданным образом. Я был уверен, что Хенарос почувствовали то же. Они прекратили делать то, что они делали, и стали смотреть на нее. Паблито был первым, кто опомнился от удивления.

— Почему ты так вошла? — спросил он просительным тоном. — ты подслушивала из другой комнаты, да?

Она сказала, что находилась в доме всего несколько минут и вошла в кухню только что. И причина, по которой она вошла тихо, не столько в том, что она хотела подслушать, сколько в том, чтобы испытать свою способность быть незаметной.

Ее присутствие вызвало странную передышку. Я хотел окунуться снова в поток откровений Нестора, но прежде, чем я смог сказать что-либо, Горда сказала, что

сестрички находятся на пути к дому и могут войти через дверь в любой момент. Хенарос сразу встали, словно их потянула одна и та же пружина. Паблито взгромоздил свой стул на плечо.

— Давай отправимся на прогулку в темноте, маэстро, — сказал мне Паблито.

Ла Горда сказала очень повелительным тоном, что я еще не могу отправиться с ними, потому что она еще не окончила рассказывать мне все, что Нагваль велел ей рассказать мне.

Паблито повернулся ко мне и подмигнул.

— Я уже говорил тебе, — сказал он. — они командующие угрюмые суки. Я искренне надеюсь, что ты не такой, маэстро.

Нестор и Бениньо пожелали спокойной ночи и обняли меня. Паблито как раз выходил, неся свой стул, как рюкзак. Они вышли через заднюю дверь дома.

Несколько секунд спустя ужасно громкий стук в переднюю дверь заставил ла Горду и меня вскочить на ноги. Паблито вошел, снова неся свой стул.

— Ты подумал, что я не собираюсь пожелать тебе спокойной ночи, не так ли? — спросил он меня и удалился, хохоча.

5. ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ

На следующий день я был предоставлен самому себе все утро. Я работал над своими заметками. В полдень я помог ла Горде и сестричкам перевезти на машине обстановку из дома доньи Соледад в их дом.

С наступлением вечера ла Горда и я сидели одни на обеденной площадке. Некоторое время мы молчали. Я был очень уставшим.

Ла Горда нарушила молчание и сказала, что все они были слишком самоуверенными с тех пор, как Нагваль и Хенаро ушли. Каждый из них был поглощен своим особым заданием. Она сказала, что Нагваль приказал ей быть бесстрастным воином и следовать любому пути, какой ее судьба изберет для нее. Если бы Соледад захватила мою силу, ла Горда должна была бы спастись бегством и попытаться спасти сестричек, а затем присоединить Бениньо и Нестора, единственных двух Хенарос, которые остались бы в живых. Если бы сестрички убили бы меня, она должна была присоединиться к Хенарос, потому что сестрички больше не нуждались бы в том, чтобы быть с ней. Если бы я не остался в живых после нападения олли, а она осталась, то она должна была покинуть эту местность и быть сама по себе. Она сказала мне с блеском в глазах, что была уверена, что никто из нас не выживет и именно поэтому она попрощалась со своими сестрами, с домом и холмами.

— Нагваль сказал мне, что в случае, если ты и я выживем после олли, — продолжала она, — я должна делать все для тебя, потому что это будет мой путь воина. Именно поэтому я вмешалась в то, что делал с тобой Бениньо вчера вечером. Он давил на твою грудь своими глазами. Это его искусство как выслеживателя. Перед этим ты вчера видел руку Паблито, это тоже было частью того же искусства.

— Что это за искусство, Горда?

— Искусство выслеживателя. Это было предрасположением Нагваля и в этом Хенарос являются его истинными детьми. Мы, с другой стороны, являемся сновидцами. Твой дубль является сновидением.

То, что она рассказала, было новостью для меня. Я хотел, чтобы она разъяснила свои утверждения. Я сделал минутную паузу, чтобы прочитать записанное мной и выбрать самый подходящий вопрос. Я сказал ей, что прежде всего я хотел бы выяснить, что она знает о моем дубле, а затем я хотел узнать об искусстве выслеживания.

— Нагваль сказал мне, что твой дубль — это нечто такое, что требует много силы для выхода, — сказала она. — он рассчитывал, что у тебя может хватить энергии на то, чтобы выпустить его дважды. Именно поэтому он настроил Соледад и сестричек, чтобы они либо убили тебя, либо помогли тебе.

Ла Горда сказала, что я имел больше энергии, чем думал Нагваль, и что мой дубль выходил три раза. По-видимому, нападение Розы не было случайным действием, напротив, она очень хитро рассчитала, что если она причинит мне вред, то я буду беспомощным, это такая же уловка, которую пыталась применить донья Соледад со своим псом. Я дал Розе шанс ударить меня, когда заорал на нее, но она потерпела неудачу, пытаясь повредить мне. Вместо этого вышел мой дубль и причинил вред ей. Ла Горда сказала, что по словам Лидии, Роза не хотела просыпаться, когда удирали из дома Соледад, поэтому Лидия стиснула поврежденную руку. Роза не ощутила никакой боли и мгновенно сообразила, что я исцелил ее, что дало им знать, что я истощил свою силу. Ла Горда утверждала, что сестрички были очень хитрыми и планировали выпустить из меня

силу, для этого они настаивали на том, чтобы я исцелил Соледад. Когда Роза осознала, что я исцелил также и ее, она подумала, что я непоправимо ослабил себя. Все, что им осталось сделать, это подождать Жозефину, чтобы прикончить меня.

— Сестрички не знали, что когда ты исцелил Розу с Соледад, ты также наполнился, — сказала ла Горда и засмеялась, словно это была шутка. — именно поэтому ты имел достаточно энергии, чтобы извлечь свой дубль в третий раз, когда сестрички пытались взять твою светимость.

Я рассказал ей о видении доньи Соледад, съжившейся у стенки своей комнаты, и как это видение сочеталось с моими осязательными ощущениями и завершилось ощущениями вязкой субстанции на ее лбу.

— Это было настоящее видение, — сказала ла Горда. — ты видел Соледад в ее комнате, хотя она была со мной недалеко от дома Хенаро, а затем ты видел свой Нагваль на ее лбу.

Здесь я ощутил необходимость перечислить ей детали всего моего опыта, особенно возникшее у меня осознание, что я действительно исцелил донью Соледад и Розу прикосновением вязкой субстанции, которую я ощущал как часть самого себя.

Видеть эту вещь на руке Розы — было также истинным видением, — сказала она. — и ты абсолютно прав, что эта субстанция твоя. Она вышла из твоего тела и это был твой Нагваль. Прикоснувшись к ней, ты втянул его обратно.

Затем ла Горда сказала мне, как будто разоблачая тайну, что Нагваль приказал ей не раскрывать того факта, что поскольку все мы имеем одну и ту же светимость, то если мой Нагваль коснется одного из них, я не стану слабее, как было бы обычно в случае, если бы мой Нагваль коснулся рядового человека.

— Если твой Нагваль касается нас, — сказала она, давая мне легкий шлепок по голове, — твоя светимость остается на поверхности. Ты можешь забрать ее снова и ничего не будет потеряно.

Я сказал ей, что мне представляется невозможным поверить в суть ее объяснения. Она пожала плечами, словно хотела этим сказать, что это ее не касается. Я спросил ее тогда об ее употреблении слова "Нагваль". Я сказал, что дон Хуан объяснил мне Нагваль, как неопиcуемый принцип, источник всего.

— Разумеется, — сказала она. — я знаю, что он имел в виду. Нагваль находится во всем.

Я указал ей с некоторой иронией на то, что можно так же сказать противоположное — что тональ находится во всем. Она тщательно объяснила, что здесь нет противоположения, что мое утверждение правильно — тональ тоже находится во всем. Она сказала, что тональ, находящийся во всем, обнаруживается легко нашими чувствами, в то время, как Нагваль, находящийся во всем виден только глазу мага. Она добавила, что мы можем натолкнуться на самые диковинные виды тоналя и быть напуганными ими, или потрясенными ими, или быть безразличными к ним, потому что все мы можем обозревать эти виды. Вид Нагваля, с другой стороны, требует специализированных чувств мага, чтобы быть видимым вообще.

И тем не менее, как тональ, так и Нагваль присутствуют всегда во всем. Поэтому магу свойственно говорить, что «смотрение» состоит в обозрении тоналя, находящегося во всем, а «видение» с другой стороны в обозрении Нагваля, также находящегося во всем. Соответственно этому, если воин наблюдает мир, как человеческое существо, то он смотрит, а если он наблюдает его как миг, то он «видит», и то, что он «видит», и следует, собственно говоря, называть Нагвалем.

Затем она повторила мне причину, которую уже сообщил мне раньше Нестор, почему дон Хуана называли Нагвалем, и подтвердила, что я также являюсь Нагвалем ввиду фигуры, которая выходит из моей головы.

Я захотел узнать, почему они называют фигуру, выходящую из моей головы, дублем. Она сказала, что они думали, что разыгрывали тайную шутку со мной. Они всегда называли эту фигуру дублем, потому что она была по величине вдвое больше того человека, который имел ее.

Нестор сказал мне, что эта фигура не настолько хорошая вещь, чтобы иметь ее, — сказал я.

— Она ни хорошая, ни плохая, — сказала она. — ты имеешь ее, и это делает тебя Нагвалем. Вот и все. Один из нас восьми должен быть Нагвалем, и им являешься ты. Им мог бы быть Паблито или я или кто-нибудь другой.

— Расскажи мне теперь, что такое искусство отслеживания? — попросил я.

— Нагваль был отслеживателем, — сказала она и уставилась на меня. — ты должен знать это. Он учил тебя, как отслеживать, с самого начала.

Мне показалось, что она имеет в виду то, что дон Хуан называл охотой. Он, безусловно, учил меня, как быть охотником. Я рассказал ей, что дон Хуан показывал мне, как охотиться и делать ловушки. Однако ее употребление слова «выслеживатель» было более точным.

— Охотник просто охотится, — сказала она. — выслеживатель выслеживает все, включая самого себя.

— Как он делает это?

— Безупречный выслеживатель может обратить все в жертву. Нагваль говорил мне, что мы можем выслеживать даже собственные слабости.

Я прекратил писать и попытался вспомнить, знакомил ли меня дон Хуан когда-нибудь с такой новой возможностью: выслеживать свои слабости. Я не мог припомнить, чтобы он когда-либо описывал это такими словами.

— Как может человек выследить свои слабости, Горда?

— Таким же точно способом, как ты выслеживаешь жертву. Ты разбираешься в своем установленном порядке жизни, пока не будешь знать все действия своих слабостей, а затем ты приходишь за ними и ловишь их, как кроликов, в клетку.

Дон Хуан научил меня делать то же самое с моим распорядком, но в русле общего принципа, что охотники должны осознавать это. Ее понимание и применение было, однако, более прагматическим, чем у меня.

Дон Хуан говорил, что любая привычка является, по существу, «деланием» и что делание нуждается во всех своих частях, чтобы функционировать. Если некоторые части отсутствуют, делание расстраивается. Под деланием он подразумевал любую связанную и осмысленную последовательность действий, другими словами, привычка нуждается во всех своих собственных действиях, чтобы быть живой деятельностью.

Затем ла Горда описала, как она выслеживала свою собственную слабость — чрезмерное едение. Она сказала, что Нагваль предложил, чтобы она сначала занялась наибольшей частью этой привычки, связанной с ее работой, как прачки; она всегда ела, когда ее клиенты угощали ее, в то время как она ходила по домам, разнося белье. Она ожидала, что Нагваль скажет ей, что делать, но он только смеялся и высмеял ее, сказав, что стоит ему сделать какое-нибудь замечание насчет того, что ей надо сделать, как она будет сопротивляться, чтобы не делать этого. Он сказал, что такова особенность человеческих существ: они любят, чтобы им говорили что делать, но они еще больше любят сопротивляться и не делать того, что им сказано, и в результате, они вовлекаются в основном в ненависть к тому, кто сказал им.

В течение многих лет она не могла ничего придумать, что ей сделать, чтобы выследить свою слабость однако однажды она сделалась такой больной и усталой от того, что она толстая, что отказалась принимать пищу 3 дня. Это было начальное действие, которое разрушило ее фиксацию. Затем у нее возникла идея засунуть в рот губку, чтобы ее клиенты поверили, что у нее испорченные зубы и она не может есть. Эта уловка сработала не только с клиентами, которые перестали давать ей пищу, но и с ней самой, поскольку она имела ощущение еды, когда жевала губку. Ла Горда смеялась, когда рассказывала мне, как она ходила везде с губкой, засунутой в рот, в течение нескольких лет, пока ее привычка чрезмерного едения не разрушилась.

— Тебе нужно было только уничтожить свою привычку? — спросил я.

— Нет. Мне нужно было научиться также есть, как воин.

— А как ест воин?

— Воин ест молча, медленно и понемногу за раз. Я привыкла говорить, когда ела и ела очень быстро, и съедала огромное количество пищи за один прием. Нагваль сказал мне, что воин делает 4 глотка за один раз. Немного спустя он делает следующие 4 глотка и т.д.

Воин также совершает многомильные прогулки каждый день. Моя слабость к еде никогда не позволяла мне делать прогулки.

— Как может человек выследить свои слабости, Горда?

Таким же точно способом, каждый день. Моя слабость к еде никогда не позволяла мне делать прогулки. Я сломала ее тем, что ела 4 глотка пищи каждый час и тем, что делала прогулки. Иногда я ходила весь день и всю ночь. Так я согнала жир с моих ягодиц.

Она засмеялась, вспомнив прозвище, которое ей дал дон Хуан.

— Но выследить свои слабости еще не достаточно для того, чтобы утратить их, — сказала она. — ты можешь выслеживать их с теперешнего момента до судебного дня и это не дает никакой разницы. Именно поэтому Нагваль не хотел говорить мне что делать. В действительности, для того, чтобы быть безупречным выслеживателем, воин должен иметь цель.

Ла Горда перечислила, как она жила день за днем прежде, чем встретила Нагваль, не имея впереди никакой перспективы. Она не имела ни надежд, ни желаний чего-либо. Однако возможность есть всегда была доступна ей, по какой-то причине, которую она не могла постичь. У нее каждый день было обилие еды в ее распоряжении: фактически так много еды, что однажды она весила 236 фунтов.

— Еда была единственной вещью, которой я наслаждалась в жизни — сказала ла Горда. — кроме того, я никогда не считала себя жирной. Я думала, что довольно привлекательна и что люди любят меня такой, какая я есть. Все говорили, что я выгляжу цветущей.

Нагваль сказал мне нечто очень странное. Он сказал, что я имела огромное количество личной силы и благодаря этому мне всегда удавалось получить еду от друзей, в то время как мои домашние оставались голодными.

Каждый имеет достаточно личной силы для чего-нибудь. В моем случае фокус состоял в том, чтобы оттолкнуть свою личную силу от еды и направить ее к моей цели воина.

— А что это за цель, ла Горда? — спросил я полушутя.

— Войти в другой мир, — ответила она с ухмылкой, и сделала вид, что собирается ударить меня костяшками пальцев по верхушке головы, — способ, который использовал дон Хуан, когда думал, что я индугирую.

Света для писания больше не было. Я захотел, чтобы она принесла лампу, но она объяснила, что очень устала и должна немного поспать перед прибытием сестричек.

Мы пошли в переднюю комнату. Она дала мне одеяло, затем укуталась в другое и мгновенно уснула. Я сел спиной к стенке. Кирпичное ложе постели было жестким даже при наличии 4 соломенных матов. Удобнее было лежать. Как только я сделал это, я уснул.

Я проснулся с невыносимой жаждой. Я захотел пойти в кухню, чтобы выпить воды, но не смог сориентироваться в темноте. Рядом с собой я мог ощущать ла Горду, завернувшуюся в одеяло. Я потрянул ее 2-3 раза и попросил ее помочь мне достать воды. Она ответила невразумительным ворчанием. Видимо она так глубоко спала, что не хотела просыпаться. Я встряхнул ее снова и внезапно она пробудилась, только это была не ла Горда. Тот, кого я тряс, заорал на меня грубым мужским голосом, посылая меня к черту. Вместо ла Горды был мужчина! У меня возник мгновенный и неконтролируемый страх. Я спрыгнул с постели и побежал к передней двери. Но моя ориентация была нарушена и в результате я оказался в кухне. Я схватил лампу и как можно скорее засветил ее. В этот момент из уборной, находящейся в задней части дома, вышла ла Горда и спросила меня, в чем дело. Я нервно рассказал ей, что случилось. Она тоже была слегка сбита с толку. Ее рот открылся и ее глаза потеряли свой обычный блеск. Она решительно встряхнула головой и это, кажется, восстановило ее alertность. Она взяла лампу, и мы пошли в переднюю комнату.

В постели никого не было. Ла Горда засветила еще 3 лампы. По-видимому, она была встревожена. Она велела мне оставаться там, где я был, затем открыла дверь в их комнату. Я заметил, что оттуда шел свет. Она закрыла дверь снова и сказала, как само собой разумеющееся, что тревожиться нечего, что это был пустяк, и что она собирается приготовить нам чего-нибудь поесть. С быстротой и расторопностью буфетчицы она приготовила еду. Она сделала также горячий шоколадный напиток с кукурузной мукой. Мы сели друг напротив друга и ели в полном молчании. Ночь была холодной. Было похоже на то, что собирается дождь. Три керосиновые лампы, которые она принесла на обеденную площадку, давали желтоватый свет, который был очень умиротворяющим. Она взяла несколько досок, которые были сложены штабелем на полу у стенки, и разместила их вертикально, засунув в глубокий паз поперечной поддерживающей балки крыши. На полу была длинная щель, параллельная балке, которая служила для того, чтобы удерживать доски на месте. В результате получилась передвижная стенка, которая окружила обеденную площадку.

— Кто был в постели? — спросил я.

— В постели рядом с тобой была Жозефина, кто же еще? — ответила она, словно смакуя свои слова, а затем засмеялась. — Она мастер на шутки вроде этой. На минуту я подумала, что это был кто-то другой, но затем я уловила запах, который имеет тело Жозефины, когда она устраивает одну из своих проделок.

— Что она пыталась сделать? Напугать меня до смерти? — спросил я.

— Ты знаешь, что не являешься любимцем, — ответила она. — Им не нравится, что их сворачивают с пути, с которым они свыклись. Им очень жалко, что Соледад уезжает. Они не хотят понять, что все мы должны покинуть эту местность. Похоже на то, что наш час пробил. Я поняла это сегодня. Когда я ушла из дома, я ощутила, что эти скудные холмы там вовне делают меня усталой. Я никогда не ощущала этого вплоть до сегодняшнего дня.

— Куда вы собираетесь уходить?

— Я еще не знаю. Похоже на то, что это зависит от тебя. От твоей силы.

— От меня? Каким образом, Горда?

— Позволь мне объяснить. За день до твоего приезда сестрички и я пошли в город. Я хотела найти тебя в городе, потому что у меня было странное видение в моем сновидении. В этом видении я была в городе с тобой. Я видела тебя в своем видении так же четко, как вижу тебя сейчас. Ты не знал, кто я такая, но ты заговорил со мной. Я не могла разобраться, что ты сказал. Я возвращалась к тому же самому видению три раза, но я не была достаточно сильной в своем сновидении, чтобы выяснить, что ты говоришь мне. Я сделала вывод, что мое видение говорит мне, что я должна пойти в город и ввериться твоей силе, чтобы найти тебя там. Я была уверена, что ты находишься в пути.

— Сестрички знали, зачем ты взяла их в город? — спросил я.

— Я не сказала им ничего, — ответила она. — я просто взяла их туда. Мы бродили по улицам все утро.

Ее утверждение ввергло меня в очень странное умонастроение. Спазм нервного возбуждения пробежал по всему моему телу. Я вынужден был на минуту встать и пройтись. Затем я снова сел и сказал ей, что я в тот же день был в городе, и что бродил по базарной площади всю вторую половину дня, разыскивая дону Хуана. Она уставилась на меня с раскрытым ртом.

— Должно быть, мы разминулись, — сказала она и вздохнула. — мы были на базаре и в парке. Мы сидели большую часть второй половины на ступеньках церкви, чтобы не привлекать к себе внимания.

Отель, в котором я остановился, был практически, рядом с церковью. Я вспомнил, что долго стоял, глядя на людей на ступеньках церкви. Что-то толкало меня изучать их. У меня было абсурдное убеждение, что дон Хуан и дон Хенаро должны быть среди этих людей, сидя, как попрошайки просто чтобы удивить меня.

— Когда ты покинула город? — спросил я.

— Мы ушли около пяти часов и направились к месту Нагваля в горах, — ответила она.

У меня тоже была уверенность, что дон Хуан ушел в конце дня. Ощущения, которые я имел в течение всего эпизода разыскивания дона Хуана, стали мне совершенно ясными. В свете того, что она рассказала мне, я должен был пересмотреть свою позицию. Я объяснял свою уверенность, что дон Хуан был там на улицах города, как иррациональное ожидание, результат ряда моих находений его там в прошлом. Но в городе была ла Горда, действительно разыскивая меня, и она была существом, самым близким по темпераменту к дону Хуану. Я все время ощущал там его присутствие. Утверждение ла Горды лишь подтвердило нечто, что мое тело знало без тени сомнения.

Я заметил нервный трепет в ее теле, когда я рассказывал ей детали своего состояния в тот день.

— Что случилось бы, если бы ты нашла меня? — спросил я.

— Все изменилось бы, — ответила она, — для меня найти тебя, значило бы, что я имею достаточно силы, чтобы двигаться вперед. Поэтому я взяла с собой сестричек. Все мы — ты, я и сестрички уехали бы вместе в тот же день.

— Куда, Горда?

— Кто знает? Если бы я имела силу найти тебя, то я имела бы силу также узнать это. Теперь твоя очередь. По-видимому, ты теперь имеешь достаточно силы, чтобы знать, куда мы должны идти. Понимаешь, что я имею в виду?

В этот момент меня охватила глубокая печаль. Я более остро, чем когда-бы то ни было, ощутил отчаяние от своей человеческой непрочности и долговечности. Дон Хуан всегда утверждал, что единственным средством, содержащим наше отчаяние, является осознание нашей смерти — ключ к имеющейся у мага схеме вещей. Его идея состояла в том, что осознание нашей смерти является единственной вещью, которая может дать нам силу выстоять тяжесть и боль нашей жизни и нашей боязни неизвестного. Но он никогда не мог рассказать мне, как вынести это осознание на передний план. Каждый раз, когда я спрашивал его, он настаивал на том, что единственным решающим фактором является мой волевой акт, иначе говоря, я должен сделать это осознание свидетелей своих действий. Я думал, что я сделал это. Но, столкнувшись с решимостью ла Горды найти меня и уехать со мной, я осознал, что если бы она нашла меня в городе в тот день, я никогда не вернулся бы к себе домой, никогда не увидел бы снова тех, кто был мне дорог.

Я не был готов к этому. Я приготовился к смерти, но не к исчезновению на оставшуюся часть моей жизни, будучи при этом в полном сознании, без гнева и разочарования, оставив позади лучшие свои чувства.

Я в большом затруднении рассказал ла Горде, что не являюсь воином, достойным иметь тот род силы, который требуется для выполнения такого действия, как оставить навсегда и знать, куда идти и что делать.

— Мы — человеческие существа, — сказала она. — кто знает, что ожидает нас или какого рода силу мы можем иметь.

Я сказал, что моя печаль от оставления вроде этого слишком велика. Перемены, которым подвергаются маги, слишком радикальны и слишком окончательны. Я пересказал ей то, что сказал мне Паблито о своей невыносимой печали от утраты своей матери.

— Этими ощущениями питается человеческая форма, — сказала она сухо. — я жалела себя и своих маленьких детей в течение многих лет. Я не могла понять, как Нагваль может быть таким жестоким, говоря мне сделать то, что я сделала: оставить своих детей, разрушить и забыть их.

Она сказала, что ей потребовались годы, чтобы понять, что Нагваль также должен был избрать оставить свою человеческую форму. Он не был жестоким. Он просто больше не имел никаких человеческих ощущений. Для него все было равно. Он принял свою судьбу. Проблема с Паблито и со мной в этом отношении состояла в том, что никто из нас не принял свою судьбу. Ла Горда сказала с пренебрежительным видом, что Паблито плакал, вспоминая свою мать, свою мануэлиту, главным образом тогда, когда он должен был готовить себе еду. Она побудила меня вспомнить мать Паблито такой, какой она была: старой бестолковой женщиной, которая не знала ничего кроме того, чтобы быть прислугой Паблито. Она сказала, что все они считают его трусом потому, что он стал несчастлив от того, что его прислуга Мануэлита стала ведьмой Соледад, которая могла бы убить его, раздавив, как клопа.

Ла Горда драматически встала и склоняясь над столом, пока ее лоб почти не коснулся моего.

— Нагваль сказал, что у Паблито необычная судьба, — сказала она. — мать и сын борются за одно и то же. Если бы он не был таким трусом, он принял бы свою судьбу и противостоял Соледад как воин, без страха и ненависти. В конце концов наилучший победил бы и забрал все. Если бы победителем была Соледад, Паблито должен был бы быть счастлив своей судьбой и желать ей блага. Но только подлинный воин может ощущать такого рода счастье.

— Как донья Соледад относится ко всему этому?

— Она не indulgiрует в своих ощущениях, — ответила ла горла и снова села. — она приняла свою судьбу с большой готовностью, чем любой из нас. Прежде, чем Нагваль помог ей, она была хуже, чем я, по крайней мере, я была молодой, она была старой коровой, жирной и измученной и молила о приходе смерти. Теперь смерть должна будет бороться, чтобы заявить свои права на нее.

Фактор времени в преображении доньи Соледад был моментом, который озадачивал меня. Я сказал ла Горде, что я помнил, что видел донью Соледад не больше двух лет тому назад, и она была такой же старухой, какую я всегда знал. Ла Горда сказала, что в последний раз, когда я был в доме Соледад, находясь под впечатлением, что это все еще дом Паблито, Нагваль настроил их действовать так, словно ничего не изменилось. Донья Соледад приветствовала меня, как она делала это всегда, из кухни и я фактически не видел ее в лицо. Роза, Паблито, Лидия и Нестор в совершенстве играли свои роли для того, чтобы удержать меня от раскрытия их подлинной деятельности.

— Зачем Нагваль пошел на все эти хлопоты, Горда?

— Он берег тебя для чего-то такого, что еще не ясно. Он намеренно держал тебя вдали от всех нас. Он и Хенаро велели мне никогда не показывать свое лицо, когда ты был поблизости.

— Велели ли они то же самое Жозефине?

— Да. Она ненормальная и ничего не может с собой поделать. Ей хотелось разыгрывать свои штучки с тобой. Она обычно следовала за тобой недалеко и ты никогда не знал об этом. Однажды ночью, когда Нагваль взял тебя в горы, она в темноте чуть не столкнула тебя вниз в ущелье. Нагваль заметил ее как раз вовремя. Она делает эти вещи не со злобы, а потому, что они доставляют ей удовольствие. Это ее человеческая форма. Жозефина будет такой, пока не потеряет ее. Я уже говорила тебе, что все они шестеро немного недоделанные. Ты должен понять это, чтобы не попасть в их сети. А если поймаешься, не гневайся. Они не могут сдержать себя.

Она некоторое время молчала. Я заметил едва уловимый признак трепета в ее теле. Ее глаза, казалось, вышли из фокуса, а рот отвис, словно мышцы ее нижней челюсти опустились. Я полностью ушел в наблюдение за ней. Она встряхнула головой 2-3 раза.

— Я только что видела кое-что, — сказала она. — ты в точности такой же, как сестрички и Хенарос.

Она начала тихо смеяться. Я ничего не сказал. Я хотел, чтобы она объяснила свои слова без моего понуждения.

— Все сердятся на тебя, потому что до них еще не дошло, что ты не отличаешься от них, — продолжала она. — они смотрят на тебя как на Нагваля и не понимают, что ты индугируешь своим способом точно так же, как они индугируют по-своему.

Она сказала, что Паблито ноет, и жалуется, и играет слабовольного человека. Бениньо играет застенчивого человека, который не может даже открыть глаза. Нестор играет мудреца, того кто все знает. Лидия играет крутую женщину, которая может сокрушить взглядом кого угодно. Жозефина была ненормальной, на которую нельзя положиться. Роза была раздражительной девушкой, которая терзает mosquitos, кусающих ее. А я был дураком, который приехал из Лос-Анжелеса с блокнотом и кучей нелепых вопросов. И все мы любили вести себя так, как мы это делаем.

— Я была раньше толстой злобной женщиной, — продолжала она после паузы. — я не обращала внимания на то, что другие пинали меня, как собаку. Это была моя форма.

Я должна буду рассказать всем, что я увидела относительно тебя, чтобы они не ощущали раздражения от твоих действий.

Я не знал, что сказать. Я ощущал, что она была неопровержимо права. Для меня существенным фактором не столько безошибочность ее утверждений, сколько тот факт, что я сам был свидетелем того, как она пришла к своему неоспоримому заключению.

— Как ты увидела все это? — спросил я.

— Оно просто пришло ко мне, — ответила она.

— Как оно пришло к тебе?

— Я ощутила ощущение видения, пришедшее на верхушку моей головы, а затем я знала то, что рассказала тебе.

Я настаивал, чтобы она описала мне каждую деталь ощущения видения, о котором она упомянула. После минутного колебания она уступила и описала мне такое же самое щекоющее чувство, которое я стал так осознавать во время своих столкновений с доньей Соледад и сестричками. Ла Горда сказала, что это чувство начинается на верхушке ее головы, а затем спускается вниз по спине к матке. Она ощутила его внутри своего тела как захватывающее щекоющее раздражение, которое превратилось в знание, что я цепляюсь за свою человеческую форму подобно всем остальным, за исключением того, что мой конкретный способ был непонятен им.

— Ты слышишь голос, который говорит все это? — спросил я.

— Нет. Я просто видела все это, что рассказала тебе о тебе самом, — ответила она.

Я хотел спросить ее, имела ли она видение меня, цепляющегося за что-то, но передумал. Я не хотел индугировать в своем обычном поведении. Кроме того, я знал, что она имеет в виду когда говорит, что «видит». То же самое со мной, когда я был с Розой и Лидией. Я внезапно «знал», где они жили. У меня не было видения их дома, я просто ощутил, что знаю это.

Я спросил ее, ощутила ли она также сухой звук деревянной трубки, сломавшейся в основании ее шеи.

— Нагваль учил нас всех, как получить ощущение на верхушке головы, — сказала она. — но не каждый из нас может произвести его. Звук позади горла — еще более трудная вещь. Никто из нас до сих пор еще не ощутил его. Странно, что у тебя он есть, хотя ты все еще пустой.

— Как этот звук действует? — спросил я. — и что это такое?

— Ты знаешь это лучше, чем я. Что еще я могу тебе сказать? — ответила она резко.

По-видимому, она поймала себя на раздражительности. Она сконфужено улыбнулась и опустила голову.

— Я чувствую себя глупо, рассказывая тебе то, что ты уже знаешь, — сказала она. — ты задаешь мне вопросы, вроде этого, чтобы проверить, действительно ли я потеряла форму?

Я сказал ей, что нахожусь в недоумении, потому что у меня было ощущение, что я знал, что это был за звук. И тем не менее было так, как будто я не знал ничего о нем, потому что мне для того, чтобы знать что-то на самом деле, нужно было вербализовать и свое знание. В данном же случае я даже не знал, как приступить к вербализации. Поэтому единственной вещью, которую я мог делать, было задавать ей вопросы в надежде на то, что ее ответы могли бы помочь мне.

— Я не могу помочь тебе с твоим звуком, — сказала она.

Я испытал внезапное и огромное неудобство. Я сказал ей, что привык иметь дело с доном Хуаном и что теперь нуждаюсь в нем больше, чем когда бы то ни было, чтобы он разъяснил мне все.

— Тебе недостает Нагваля? — спросила она.

Я сказал что да, и что я не осознавал, как мне сильно недостает его, пока не оказался снова в его родных местах.

— Тебе недостает его потому, что ты еще цепляешься за свою человеческую форму, — сказала она и захихикала, словно наслаждаясь моей печалью.

— А тебе самой недостает его, Горда?

— Нет. Мне — нет. Я — его. Вся моя светимость была изменена, как мне может не хватать чего-то такого, что есть я сама?

— Чем отличается твоя светимость?

— Человеческое существо или любое другое живое создание имеет бледно-желтое сияние. Животные больше желтые, люди больше белые. Но маг — янтарно-желтый, как чистый мед на солнечном свету. Некоторые женщины-маги зеленоватые. Нагваль сказал, что они самые могущественные и самые опасные.

— Какой цвет у тебя, Горда?

— Янтарный, так же как у тебя и у остальных из нас. Это то, что сказали мне Нагваль и Хенаро. Я никогда не видела себя. Но я видела всех других. Все мы янтарные. И все мы, за исключением тебя, похожи на надгробный камень. Средние человеческие существа похожи на яйца, именно поэтому Нагваль называл их светящимися яйцами. Маги изменяют не только цвет своей светимости, но и очертание. Мы похожи на надгробные камни, только мы закруглены с обоих концов.

— А я имею до сих пор очертание яйца, Горда?

— Нет. Ты имеешь очертания надгробного камня, за исключением того, что у тебя имеется уродливая тусклая латка в середине. Пока у тебя есть эта латка, ты не будешь способен летать так, как летают маги, как летала я прошлой ночью для тебя. Ты даже не будешь способен сбросить свою человеческую форму.

Я втянулся в страстный спор не столько с ней, сколько с самим собой. Я настаивал на том, что их точка зрения на то, как вновь обрести эту гипотетическую полноту, просто абсурдна. Я сказал ей, что она, по-видимому, не смогла бы убедительно доказать мне, что нужно повернуться спиной к своему ребенку, чтобы осуществить самую смутную из всех мыслимых целей: войти в мир нагваля. Я был так глубоко убежден, что я прав, что вышел из себя и стал сердито кричать на нее. Она несколько не была затронута моим взрывом.

— Не каждый должен сделать это, — сказала она, — а только маги, которые хотят войти в другой мир. Есть немало хороших магов, которые видят и являются неполными. Быть полным нужно только нам, толтекам.

Возьми Соледад, например. Она наилучшая колдунья, которую ты можешь отыскать, но она неполная. Она имела двоих детей, одним из них была девочка. К счастью для Соледад, ее дочь умерла. Нагваль сказал, что острие духа человека, который умирает, возвращается обратно к дателям, т.е. родителям. Если эти датели умерли и человек имеет ребенка, острие уходит к ребенку, который является полным. А если все дети полные, то острие уходит к тому, кто обладает силой, причем он не обязательно самый лучший и самый усердный. например, когда мать Жозефины умерла, то острие ушло к самой ненормальной, Жозефине. Казалось, оно должно бы пойти к ее брату — работающему и достойному человеку, но у Жозефины больше силы, чем у ее брата. Дочь Соледад умерла, не оставив детей, и Соледад получила поддержку, в результате чего закрыла половину своей дыры. Теперь единственная надежда закрыть ее полностью связана для нее со смертью Паблито. В свою очередь, для Паблито великая надежда на получение поддержки связана со смертью Соледад.

Я сказал ей в очень сильных выражениях, что то, что она говорит, вызывает отвращение и ужасает меня. Она согласилась, что я прав. Она подтвердила, что одно время и сама так считала, что эта конкретная установка магов — самая мерзкая вещь, какую можно вообразить. Она взглянула на меня сияющими глазами. В ее усмешке было что-то коварное.

— Нагваль сказал мне, что ты понимаешь все, но не хочешь ничего делать в соответствии с этим, — сказала она мягким голосом.

Я начал спорить снова. Я сказал ей, что то, что Нагваль сказал обо мне, не имеет никакого отношения к моему отвращению к той частной установке, которую мы обсуждаем. Я объяснил, что люблю детей, что я очень глубоко чту их и очень глубоко сочувствую их беспомощности в окружающем их устрашающем мире. Я не мог помыслить о причинении вреда ни в каком смысле, ни по какой причине.

— Это правило придумал не Нагваль, — сказала она. — это правило создано не человеком, а где-то там, вовне.

Я защищался, говоря, что я не сержусь на нее или Нагваля, но что я спорю вообще, потому что не могу постигнуть смысл всего этого.

— Смысл в том, что нам нужно все наше острие, вся наша сила, вся полнота, чтобы войти в тот мир, — сказала она. — я была религиозной женщиной. Я могу рассказать тебе, что я обычно повторяла, не зная, что я подразумеваю. Я хотела, чтобы моя душа вошла в царствие небесное. Я все еще хочу этого, несмотря на то, что я нахожусь на другом пути. Мир Нагваля и есть царствие небесное.

Я из принципиальных соображений возразил против религиозного акцента ее утверждений. Я был приучен доном Хуаном никогда не рассуждать на эту тему. Она очень спокойно объяснила, что не видит никакой разницы в том, что касается образа жизни между нами и истинными монахинями и священниками. Она указала, что они те только являются, как правило, полными, но они еще никогда не ослабляют себя половыми актами.

— Нагваль сказал, что в этом заключается причина, почему они никогда не будут искоренены, независимо от того, кто пытается искоренить их, — сказала она. — те, кто стоят за ними, всегда пустые, они не имеют такого мужества, как истинные монахини и священники. Я полюбила Нагваля за то, что он говорил это. Я всегда буду восхищаться монахинями и священниками. Мы похожи. Мы отказались от мира и тем не менее, мы находимся в гуще него. Священники и монахини сделали бы великими летающими магами, если бы кто-нибудь сказал им, что они могут сделать это.

Мне пришло на ум восхищение моего отца и деда перед мексиканской революцией. Они больше всего восхищались попыткой искоренить духовенство. Мой отец унаследовал это восхищение от своего отца, я унаследовал его от них обоих. Это было своего рода членство, которое мы имели. Одной из первых вещей, которые дон Хуан подорвал в моей личности, было это членство.

Я однажды сказал дону Хуану, словно провозглашая свое собственное мнение, нечто такое, что я слышал всю жизнь, — а именно, что излюбленной уловкой церкви было держать нас в невежестве. Дон Хуан сделал очень серьезное выражение лица. Было так, словно мое заявление затронуло глубокую струнку в его душе. Я немедленно подумал о веках эксплуатации, которой подвергались индейцы.

— Эти грязные ублюдки, — сказал он. — они держали меня в невежестве, да и тебя тоже.

Я сразу уловил его иронию, и мы оба рассмеялись. Я в действительности никогда не исследовал это положение. Я не верил в него, но мне нечего было делать, кроме как принять его. Я рассказал дону Хуану о своем дедушке и о своем отце и об их либеральных взглядах на религию.

— Не имеет значения, что кто-либо говорит или делает, — сказал он. — ты сам должен быть безупречным человеком. Битва происходит прямо здесь, в этой груди.

Он мягко постучал по моей груди.

— Если бы твой дедушка и отец попытались быть безупречными воинами, — продолжал дон Хуан, — у них не было бы времени на пустяковые битвы. Нам требуется все наше время и вся наша энергия, чтобы победить идиотизм в себе. Это и есть то, что имеет значение. Остальное не имеет никакой важности. Ничто из того, что твой дед и отец говорили о церкви, не дало им благополучия. С другой стороны, если быть безупречным воином — это дает тебе мужество, молодость и силу. Так что тебе надлежит сделать мудрый выбор.

Мой выбор был — безупречность и простота жизни воина. Вследствие этого выбора я ощутил, что должен принять слова ла Горды самым серьезным образом, и это было еще более угрожающим для меня, чем даже действия дон Хенаро. Он обычно пугал меня на очень глубоком уровне. Его действия, хотя и ужасающие, были, однако, ассимилированы в связный континуум их учений. Слова и действия ла Горды угрожали мне иным образом, каким-то образом более конкретно и реально.

Тело ла Горды на минуту задрожало. По нему прошла рябь, заставляя сокращаться мышцы ее плеч и рук. Она схватилась за край стола с неуклюжей жесткостью. Затем она расслабилась, пока не приняла свой обычный вид.

Она улыбнулась мне. Ее глаза и улыбка были ослепительными. Она сказала небрежным тоном, что только что видела мою дилемму.

— Бесплезно закрывать свои глаза и делать вид, что ты не хочешь делать ничего или что ты не знаешь ничего, — сказала она. — ты можешь делать это с людьми, но не со

мной. Я знаю теперь, почему Нагваль поручил мне рассказать тебе все это. Я — никто. Ты восхищаешься великими людьми, Нагваль и Хенаро были величайшими из всех.

Она остановилась и изучающе посмотрела на меня. Она, казалось, ожидала моей реакции на свои слова.

— Ты боролся против того, что тебе говорил Нагваль и Хенаро, все время, — сказала она. — именно поэтому ты позади. И ты боролся с ними потому, что они были великими. Это твой особый способ бытия. Но ты не можешь бороться против того, что я сказала тебе, потому что ты не можешь смотреть на меня уважительно вообще. Я ровня тебе, я нахожусь в твоём кругу. Ты любишь бороться с теми, кто лучше тебя. В борьбе с моей позицией для тебя нет вызова. Итак, те два дьявола в конце концов взяли тебя в плен через посредство меня. Бедный Нагвальчик, ты проиграл игру.

Она приблизилась ко мне и прошептала мне на ухо, что Нагваль также сказал ей, что она никогда не должна пытаться забрать от меня мой блокнот, потому что это так же опасно, как пытаться выхватить кость из пасти голодной собаки.

Она обвила меня руками, положив свою голову мне на плечо, и засмеялась тихо и мягко.

Ее «видение» сразило меня. Я знал, что она была абсолютно права. Она раскусила меня в совершенстве. Она долго держала меня в объятиях, склонив голову ко мне. Близость ее тела каким-то образом была очень умиротворяющей. В этом отношении она была в точности подобна дону Хуану. Она излучала силу, уверенность и твердость. Она ошибалась, говоря, что я не восхищаюсь ею.

— Давай оставим это, — сказала она внезапно. — давай поговорим о том, что мы должны делать сегодня вечером.

— Что же именно мы собираемся делать сегодня вечером, Горда?

— Нам предстоит наше последнее свидание с силой.

— Это снова будет ужасная битва с кем-то?

— Нет. Сестрички просто собираются показать тебе нечто такое, что завершит твой визит сюда. Нагваль сказал мне, что после этого ты можешь уехать и никогда не вернуться, или что ты можешь избрать остаться с нами. В любом случае они должны показать тебе свое искусство. Искусство видящего сон.

— А что это за искусство?

— Хенаро говорил мне, что он снова и снова тратил время, чтобы ознакомить тебя с искусством сновидца. Он показал тебе свое другое тело, свое тело сновидения; однажды он даже заставил тебя быть в двух местах одновременно, но твоя пустота не позволяла тебе видеть то, на что он указывал тебе. Это выглядит так, словно все его усилия провалились через дыру в твоём теле.

— Теперь, кажется, дело обстоит иначе. Хенаро сделал сестричек такими сновидцами, какие они есть, и сегодня вечером они покажут тебе искусство Хенаро. В этом отношении сестрички являются истинными детьми Хенаро.

Это напомнило мне то, о чем Паблито говорил раньше — что мы являемся детьми обоих, и что мы являемся толтеками. Я спросил ее, что он подразумевал под этим.

— Нагваль говорил мне, что на языке его бенефактора маги обычно назывались толтеками, — ответила она.

— А что это был за язык, Горда?

— Он никогда не говорил мне. Но он и Хенаро обычно разговаривали на языке, которого никто из нас не мог понять. А мы здесь все вместе знаем 4 индейских языка.

— Дон Хенаро тоже говорил, что он толтек?

— У него был тот же самый бенефактор, так что он говорил то же самое.

Из ответов ла Горды я мог подозревать, что она либо не знает многого на эту тему, либо не хочет говорить со мной об этом. Я поставил ее перед фактом своих заключений. Она призналась, что никогда не уделяла большого внимания этому, и удивилась, почему я придаю так много значения этому. Я фактически прочел ей лекцию по этнографии центральной Мексики.

— Маг является толтеком, когда он получил тайны отслеживания и сновидения, — сказала она небрежно. — Нагваль и Хенаро получили эти тайны от своего бенефактора и потом они держали их в своих телах. Мы делаем то же самое, и вследствие этого мы являемся толтеками подобно Нагвалю и Хенаро.

— Нагваль учил тебя и равным образом меня быть бесстрастными. Я более бесстрастна, чем ты, потому что я бесформенна. Ты все еще имеешь свою форму и ты пуст, поэтому ты цепляешься за каждый сучок. Однако, однажды ты снова будешь полным и тогда ты поймешь, что Нагваль был прав. Он сказал, что мир людей поднимается и опускается, и

люди поднимаются и опускаются вместе со своим миром, как магам, нам нечего следовать за ними в их подъемах и спусках.

Искусство магов состоит в том, чтобы быть вне всего и быть незаметными. И больше, чем что-либо другое, искусство магов состоит в том, чтобы никогда не расточать свою силу. Нагваль сказал мне, что твоя проблема состоит в том, что ты всегда попадаешь в ловушку идиотских дел вроде того, которое ты делаешь сейчас. Я уверена, что ты собираешься спрашивать всех нас о толтеках, но ты не собираешься спрашивать никого из нас о нашем внимании.

Ее смех был чистым и заразительным. Я согласился с ней, что она была права. Мелкие проблемы всегда пленяли меня. Я также сказал ей, что был озадачен ее употреблением слова «внимание».

— Я уже говорила тебе то, что Нагваль рассказывал мне о внимании, — сказала она. — мы удерживаем образы мира своим вниманием. Мужчина-маг очень труден для тренировки, потому что его внимание всегда закрыто, сфокусировано на чем-то другом. Женщина, с другой стороны, всегда открыта, потому что большую часть времени она ни на чем не фокусирует свое внимание. Особенно в течение менструального периода. Нагваль рассказал мне и затем показал, что в течение этого периода я действительно могу отвлечь свое внимание от образов мира. Если я не фокусирую свое внимание на мире, мир рушится.

— Как это делается, ла Горда?

— Это очень просто. Когда женщина менструирует, она не может фокусировать свое внимание. Это та трещина, о которой говорил мне Нагваль. Вместо того, чтобы бороться за фокусирование, женщина должна отвлечься от образов, глядя пристально на отдаленные холмы или на воду, например, на реку, или на облака.

Если ты пристально смотришь открытыми глазами, у тебя начинает кружиться голова и глаза утомляются, но если ты полуприкроешь их и немного мигнешь и передвинешь их от одной горы к другой или от облака к облаку, ты сможешь созерцать часами или днями, если это необходимо. Нагваль обычно заставлял нас сидеть у двери и пристально смотреть на круглые холмы на другой стороне долины. Иногда мы сидели там в течение нескольких дней, пока не откроется трещина.

Я хотел еще послушать об этом, но она прекратила говорить и поспешно села очень близко ко мне. Она дала мне рукой сигнал слушать. Я услышал слабый шелестящий звук и внезапно в кухню быстро вошла Лидия. Я подумал, что она, должно быть, спала в комнате и звук наших голосов разбудил ее.

Она сменила западную одежду, которую носила, когда я видел ее в последний раз, и надела длинное платье, вроде того, какие носили местные индейские женщины. На плечах у нее была шаль и она была босая. Ее длинное платье, вместо того, чтобы сделать ее на вид старше и массивнее, сделало ее похожей на ребенка, одетого в одежду взрослой женщины.

Она прошла к столу и приветствовала ла Горду формальным образом: «добрый вечер, Горда». Затем она повернулась ко мне и сказала: «добрый вечер, Нагваль».

Ее приветствие было таким неожиданным и ее тон таким серьезным, что я готов был засмеяться. Я уловил предостережение ла Горды. Она сделала вид, что скребет верхушку своей головы тыльной стороной левой руки, которая была скрючена.

Я ответил Лидии так же, как ответила ла Горда: «добрый вечер, Лидия».

Она села в конце стола, справа от меня. Я не знал, начинать беседу или нет. Я собирался что-нибудь сказать, как вдруг ла Горда легко стукнула мою ногу своим коленом и еле заметным движением бровей дала мне сигнал слушать. Я снова услышал приглушенный шелест длинного платья, соприкасавшегося с полом. Жозефина секунду стояла у двери, прежде чем направиться к столу. Она приветствовала Лидию, ла Горду и меня таким же образом. Я не мог оставаться серьезным, глядя на нее. Она также была одета в длинное платье, шаль и была без обуви, но у нее платье было на 3-4 размера больше и она положила в него толстую подкладку. Ее внешность была совершенно несообразной, ее лицо было худое и юное, но тело выглядело гротескно раздутым.

Она взяла скамейку, поставила ее с левого конца стола и села. Они все трое выглядели чрезвычайно серьезными. Они сидели, сдвинув ноги вместе и держа спины очень прямо.

Я еще раз услышал шуршание платья и вошла Роза. Она была одета так же, как и другие, и тоже была босая. Ее приветствие было таким же формальным и, естественно, включало Жозефину. Она ответила ей тем же самым формальным тоном. Она села напротив через стол лицом ко мне. Все мы довольно долго оставались в абсолютном молчании.

Ла Горда внезапно заговорила, и звук ее голоса заставил всех остальных подскочить.

Она сказала, указывая на меня, что Нагваль собирается показать им свои олли, и что он собирается воспользоваться своим специальным зовом, чтобы вызвать их в комнату.

Я попытался обратить это в шутку и сказал, что Нагваля здесь нет, так что он не может вызвать никаких олли. Я думал, что они собираются засмеяться. Ла Горда закрыла лицо, а сестрички уставились на меня. Ла Горда положила руку на мой рот и прошептала мне на ухо, что мне абсолютно необходимо воздерживаться от идиотских высказываний. Она взглянула мне прямо в глаза и сказала, что должен вызвать олли, делая зов бабочек.

Я неохотно начал. Но как только я принялся за это, мной овладело увлечение, и я обнаружил, что спустя считанные секунды я уделяю максимум концентрации произведению это звука. Я модулировал его излияние и управлял воздухом, выталкиваемым из моих легких, таким образом, чтобы произвести наидлиннейшее возможное постукивание. Это звучало очень мелодично.

Я набрал огромную порцию воздуха, чтобы начать новую серию. Внезапно я остановился. Что-то снаружи дома откликалось на мой зов. Постукивающие звуки шли со всех сторон вокруг дома, даже с крыши. Сестрички встали и столпились, как испуганные дети, вокруг ла Горды и меня.

— Пожалуйста, Нагваль, не вызывай ничего в дом, — умоляла меня Лидия.

Даже ла Горда казалась немного испуганной. Она дала мне рукой резкую команду остановиться. Я в любом случае не собирался продолжать производить звук. Однако олли — или как бесформенные силы, или как существа, которые шныряли за дверью — не были зависимыми от моего постукивающего звука. Я снова ощутил, как две ночи тому назад в доме дон Хенаро, невыносимое давление, тяжесть, навалившуюся на весь дом. Я мог чувствовать ее в своем пупке, как зуд, нервозность, которая вскоре обратилась в настоящее физическое страдание.

Три сестрички были вне себя от страха, особенно Лидия и Жозефина. Они обе скулили, как раненые собаки. Все они окружили меня, а потом уцепились за меня. Роза заползла под стол и засунула голову между моими ногами. Ла Горда стояла позади меня так спокойно, как только могла. Через несколько секунд истерия и страх этих трех девушек возросли до огромных размеров. Ла Горда наклонилась и прошептала, что я должен издать противоположный звук, который рассеет их. У меня был момент крайней неопределенности. Я действительно не знал никакого другого звука. Но затем у меня быстро возникло щекочущее чувство на вершухе моей головы, дрожь в теле и я неизвестно почему вспомнил особый свист, который дон Хуан обычно выполнял ночью и которому постарался обучить меня. Он представил мне его, как средство удерживать свое равновесие во время ходьбы, чтобы не отклониться с пути в темноте.

Я начал издавать свой свист, и давление в моей пупочной области прекратилось. Ла Горда улыбнулась и вздохнула с облегчением, а сестрички отодвинулись от меня, хихикая так, словно все это было всего лишь шуткой. Я захотел индугировать в самокритических размышлениях о резком переходе от довольно приятного общения с ла Гордой к этой сверхъестественной ситуации. Секунду я размышлял над тем, не было ли все это происшествие розыгрышем с их стороны. Но я был слишком слабым. Я ощущал, что был на грани обморока. В ушах у меня шумело. Напряжение в окрестности моего живота было таким интенсивным, что я подумал, что прямо сейчас скажусь больным. Я положил голову на край стола. Однако спустя несколько минут я снова был достаточно отпущен, чтобы сидеть прямо.

Три девушки, казалось, уже забыли о том, как они были напуганы. Они смеялись и толкали друг друга, повязывая свои шали вокруг боков. Ла Горда не казалась ни нервной, ни расслабленной. В какой-то момент две другие девушки столкнули Розу и она упала со скамейки, где они все трое сидели. Она приземлилась на зад. Я подумал, что она разъярится, но она захихикала. Я взглянул на ла Горду за ее указаниями. Она сидела, держа спину очень прямо. Ее глаза были полуприкрыты, фиксированы на Розе. Сестрички смеялись очень громко, как нервные школьницы. Лидия толкнула Жозефину и заставила ее свалиться со скамейки и упасть рядом с Розой на пол. В тот момент, когда Жозефина оказалась на полу, их смех прекратился. Роза и Жозефина встряхнули телами, сделав непонятное движение своими ягодицами, они двигали ими из стороны в сторону, словно растирая что-то на полу. Затем они бесшумно вскочили, как два ягуара, и взяли Лидию за руки. Все трое, не производя ни малейшего шума, покружились пару раз. Роза и Жозефина подняли Лидию за подмышки и пронесли ее, идя на цыпочках, 2-3 раза вокруг стола. Затем все трое рухнули, словно у них в коленях были пружины, которые одновременно сократились. Их длинные платья вздулись, придав им вид огромных шаров.

Как только они очутились на полу, они стали еще более безмолвными. Не было никаких других звуков, кроме легкого шуршания их платьев, когда они вертелись и ползали. Было так, словно я наблюдал стереофильм с выключенным звуком.

Ла Горда, которая молча сидела со мной, наблюдая за ними, внезапно встала и с акробатическим проворством побежала к двери их комнаты в углу обеденной площадки. Прежде, чем достигнуть двери, она упала на правый бок и плечо, сразу перевернувшись, затем встала, увлекаемая инерцией своего вращения, и распахнула дверь. Она выполнила все эти движения в абсолютном молчании.

Три девушки вертелись и ползали по полу, как гигантские шарообразные жуки. Ла Горда подала мне сигнал подойти туда, где они находились; мы вошли в комнату, и она усадила меня на полу спиной к дверной раме. Она села справа от меня тоже спиной к раме. Она заставила меня переплести пальцы и разместила мои руки под пупком.

Сначала я был вынужден делить внимание между ла Гордой, сестричками и комнатой. Но, как только ла Горда устроила меня в сидячей позе, мое внимание было поглощено комнатой. Три девушки лежали в середине большой белой квадратной комнаты с кирпичным полом. Там было 4 газолиновых лампы по одной на каждой стене, размещенных на встроенных поддерживающих полочках в 6 футах над полом. Комната не имела потолка. Опорные балки крыши были затемнены и это создавало эффект огромной комнаты без верха. Две двери располагались в углах друг напротив друга. Когда я взглянул на закрытую дверь через комнату с того места, где я сидел, я заметил, что стены комнаты были сориентированы по странам света. Дверь, где мы находились, была в северо-западном углу.

Роза, Лидия и Жозефина несколько раз обернулись вокруг комнаты против часовой стрелки. Я напрягался, чтобы слышать шуршание их платьев, но тишина была абсолютной. Я мог слышать только дыхание ла Горды. Сестрички, наконец, остановились и сели спиной к стене, каждая под лампой. Лидия села у восточной стены, Роза — у северной, а Жозефина — у западной.

Ла Горда встала, затворила дверь позади нас и закрыла ее на щеколду. Она заставила меня отодвинуться на несколько дюймов, не меняя позы, пока я не оказался спиной к двери. Затем она молча пересекла комнату и села под лампой у южной стены; когда она оказалась в сидячей позе, это, видимо, послужило сигналом.

Лидия встала и начала ходить на цыпочках по краю комнаты около стен. Это, собственно, была не ходьба, а, скорее, беззвучное скольжение. С увеличением скорости она начала двигаться, словно скользя, останавливаясь на стыке пола и стен. Она подпрыгивала над Розой, Жозефиной, ла Гордой и мной всякий раз, когда она добиралась до тех мест, где мы сидели. Я ощущал, как ее длинное платье задевало меня всякий раз, когда она проносилась мимо. Чем быстрее она бегала, тем выше она казалась на стенах.

Наступил момент, когда Лидия, фактически, безмолвно бегала вокруг 4 стен комнаты в 7-8 футах над полом. Зрелище ее, бегающей перпендикулярно к стенам, было таким невероятным, что смахивало на гротеск. Ее длинное облачение делало это зрелище еще более жутким. Казалось, тяготение не оказывало никакого влияния на Лидию, но оно действовало на ее длинную юбку: она волочилась вниз. Я ощущал ее каждый раз, когда Лидия проносилась над моей головой и проводила по моему лицу словно висячей портьерой.

Она захватила мое внимание на уровне, которого я не мог и вообразить. Напряжение от уделения ей нераздельного внимания было таким большим, что у меня начались конвульсии в животе, я ощущал ее бег своим животом. Мои глаза вышли из фокуса. На пределе оставшейся концентрации я увидел, как Лидия сошла вниз по восточной стене и остановилась в середине комнаты.

Она запыхалась, выбилась из дыхания и обливалась потом, как ла Горда после своей демонстрации полета. Она с трудом могла сохранять равновесие. Через секунду она пошла к своему месту у восточной стены и рухнула на пол, как мокрая тряпка. Я подумал, что она потеряла сознание, но затем заметил, что она дышит через рот не спеша.

После нескольких минут спокойствия, вполне достаточных для того, чтобы Лидия окрепла и села прямо, встала Роза, беззвучно пробежала к центру комнаты, повернулась на пятках и побежала обратно к тому месту, где она сидела. Ее бег дал ей возможность набрать нужный разгон, чтобы сделать диковинный прыжок. Она подпрыгнула в воздух, как баскетболист, вдоль вертикального пролета стены, и ее руки поднялись выше стен, которые были около 10 футов высотой. Я увидел, как ее тело действительно ударилось о стену, хотя соответствующего звука удара не было. Я ожидал, что в результате столкновения ее отбросит назад на пол, но она осталась висеть там, прикрепленная к стене, как маятник. Оттуда, где я сидел, это выглядело так, словно она держала какой-то

крючок в левой руке. Она минуту молча раскачивалась наподобие маятника, а затем увлекла себя на 3-4 фута влево, оттолкнув свое тело от стены правой рукой в момент, когда размах колебания был максимальным. Она повторила раскачивание и катапультирование 30-40 раз. Она обошла вокруг всей комнаты, а затем взобралась на балки крыши, где рискованно болталась, висая на невидимом крючке.

Когда она находилась на балках, я начал осознавать, что то, что, как я думал, было крючком в ее левой руке, в действительности было какое-то свойство ее руки, которое позволяло ей висеть на ней. Это была та же самая рука, которой она атаковала меня две ночи тому назад.

Ее демонстрация завершилась свисанием с балок над самым центром комнаты. Внезапно она потеряла сцепление. Она упала с высоты 15-16 футов. Ее длинное платье поднялось и собралось вокруг ее головы. На секунду, перед тем, как она беззвучно приземлилась, она выглядела, как зонтик, вывернутый силой ветра; ее тонкое обнаженное тело выглядело, как палка, прикрепленная к темной массе ее платья.

Мое тело ощутило толчок ее падения, возможно, больше, чем она сама. Она приземлилась, присев на корточки, и осталась неподвижной, пытаясь перевести дыхание. Я растянулся на полу, испытывая болезненные спазмы в животе.

Ла Горда пересекла комнату, взяла свою шаль и повязала ее вокруг моей пупочной области, как пояс, обмотав ее вокруг моего тела 2-3 раза. Она вернулась обратно к южной стене, как тень.

Когда она располагала шаль вокруг моего пояса, я потерял из виду Розу. Когда я поднял глаза, она снова сидела у северной стены. Спустя секунду Жозефина молча направилась в центр комнаты. Она бесшумно расхаживала взад и вперед между местом, где сидела Лидия, и своим местом у западной стены. Она все время была обращена лицом ко мне. Внезапно она приблизилась к своему месту, подняла левое предплечье и поместила его прямо перед своим лицом, словно хотела заслониться от меня. Она на секунду закрыла половину своего лица за предплечьем. Она опустила его и подняла снова, на этот раз закрыв все лицо. Она бесчисленное число раз повторяла движение поднимания и опускания своего левого предплечья, беззвучно расхаживая по комнате из одного конца в другой. Каждый раз, когда она поднимала предплечье, все большая часть ее тела исчезала из поля моего зрения. Наступил момент, когда она закрыла все свое тело, раздутое за счет одежды, своим тонким предплечьем.

Было так, словно заслоняя мое тело, сидящее в 10-12 футах от нее, от своего взора — вещь, которую она легко могла бы сделать за счет ширины предплечья — она также заслонила от моего взора свое тело — вещь, которая, очевидно, не могла быть сделана только за счет ширины ее предплечья.

Когда она закрыла все свое тело, все, что я был в состоянии различать, был силуэт предплечья, висящего в воздухе,двигающийся с покачиванием с одной стороны комнаты в другую, а в один момент я с трудом мог разглядеть и саму руку. Я ощутил отвращение, невыносимую дурноту. Двигающееся и покачивающееся предплечье истощило мою энергию. Я соскользнул на бок, не будучи в состоянии сохранять равновесие. Я увидел, как рука падает на землю. Жозефина лежала на полу, укрытая одеждой, словно ее раздувшиеся одежды взорвались. Она лежала на спине, распростерши руки.

Мне потребовалось много времени, чтобы вернуть обратно свое физическое равновесие. Мои одежды промокли от пота. Это действовало не только на меня. Все они были истощены и взмокли от пота. Ла Горда держалась лучше всех, но ее контроль, по-видимому, был на грани срыва. Я мог слышать, как все они, включая ла Горду, дышат ртом.

Когда я снова полностью пришел в себя, все сидели на своих местах. Сестрички пристально смотрели на меня. Я видел уголком глаза, что глаза ла Горды были полуприкрыты. Внезапно она бесшумно перекатилась в мою сторону и прошептала мне на ухо, что я должен производить свой бабочкин зов, продолжая делать это до тех пор, пока оллы не ворвутся в дом и будут готовы взять нас.

Я минуту колебался. Она прошептала, что нет способа, изменить направление и что мы должны закончить то, что начали. Отвязав свою шаль, от моего пояса, она перекатилась обратно на свое место и села.

Я поднес левую руку к губам и попытался издать постукивание. Поначалу это оказалось очень трудным. Губы были сухими, а руки потными, но после первой неудачи мною овладело ощущение бодрости и хорошего тонуса. Я издал самый великолепный постукивающий шум, какой я когда-либо делал. Он напомнил мне постукивающий шум, который я слышал всегда в ответ на свой зов. Когда я остановился, чтобы передохнуть, я мог слышать ответный постукивающий звук со всех направлений.

Ла Горда дала мне сигнал продолжать. Я выдал еще три серии. Последняя из них была совершенно гипнотической. Мне не пришлось набирать много воздуха и выпускать его небольшими толчками, как я делал все время. На этот раз постукивающий звук выливался из моего рта свободно. Мне даже не нужно было использовать край ладони, чтобы издать его. Внезапно ла Горда бросилась ко мне, подняла мое тело за подмышки и потащила меня в середину комнаты. Ее действие нарушило мою абсолютную концентрацию. Я заметил, что Лидия держит меня за правую руку, Жозефина — за левую, а Роза пятится назад впереди меня и поддерживает меня за пояс вытянутой рукой. Ла Горда была позади меня. Она приказала мне протянуть мои руки назад и схватиться за ее шаль, которую она повязала вокруг своей шеи и плеч, как упряжь.

В этот момент я заметил, что в комнате кроме нас было что-то еще, но я не мог сказать, что это было. Сестрички дрожали. Я знал, что они осознают что-то, чего я не был в состоянии различить. Я тоже знал, что ла Горда собирается попробовать сделать то, что она сделала в доме дон Хенаро. Внезапно я ощутил ветер из глаза-двери, толкающий нас. Я со всей силой уцепился за шаль ла Горды, а сестрички схватились за меня. Я ощутил, что мы кружимся, кувыркаемся и раскачиваемся из стороны в сторону, как гигантский невесомый лист.

Я открыл глаза и увидел, что мы похожи на пучок. Мы или стояли или горизонтально лежали в воздухе. Что именно, я не мог сказать, потому что не имел точки опоры для чувств. Затем, так же внезапно, как поднялись, мы стали опускаться. Я чувствовал наше падение в своей середине. Я завопил от боли и мои вопли слились с воплями сестричек. Мои колени испытали боль. Я ощутил невыносимый толчок своими ногами, я подумал, что, должно быть, сломал их.

Следующее мое впечатление было, что что-то проникает внутрь моего носа. Было очень темно. Я лежал на спине. Я сел. Тут я понял, что это ла Горда щекочет мой нос веточкой.

Я не ощущал ни изнеможения, ни даже легкой усталости. Я вскочил на ноги и только тогда я был поражен, осознав, что мы находимся не в доме. Мы были на холме, каменистом, бесплодном холме. Я сделал шаг и чуть не упал. Я споткнулся о тело. Это была Жозефина. Она была очень горячая на ощупь. Казалось, у нее был жар. Я попытался заставить ее сесть, но она была вялой. Роза была рядом с ней. По контрасту, ее тело было холодным, как лед. Я положил одну поверх другой и потряс их. Это движение привело их в себя.

Ла Горда нашла Лидию и заставила ее идти. Спустя несколько минут мы все были на ногах. Мы были, по-видимому, в полумиле к востоку от дома.

Несколько лет тому назад дон Хуан вызвал у меня аналогичное переживание, но с помощью психотропного растения. По всей вероятности, он заставил меня летать, и я приземлился на некотором расстоянии от его дома. В то время я попытался объяснить это событие разумным образом, но оснований для разумных объяснений не было, и, принимая факт полета, я был вынужден пойти по одному из двух возможных путей: я мог объяснить все это, утверждая, что дон Хуан транспортировал меня на удаленное поле, в то время как я находился еще в бессознательном состоянии под влиянием психотропных алкалоидов того растения, или утверждать, что под влиянием алкалоидов я поверил в то, во что приказал мне поверить дон Хуан, т.е., что я летал.

На этот раз я не имел другого выхода, кроме как набраться мужества и признать за чистую монету тот факт, что я летал. Я хотел индугировать в сомнениях и начал обдумывать возможность того, что 4 девушки принесли меня на этот холм. Я громко засмеялся, будучи не в состоянии сдержать непонятный восторг. У меня был рецидив моей старой болезни. Мой разум, который был временно блокирован, снова начал захватывать власть надо мной. Я хотел отстоять его. Или будет, по-видимому, более подходящим сказать в свете диковинных действий, которые я свидетельствовал и выполнял со времени моего приезда, что мой разум отстаивал себя, независимо от более сложного целого, которое, казалось, было «мною», которого я не знал. Я свидетельствовал почти в манере заинтересованного наблюдателя, как мой разум борется, чтобы найти подходящие разумные основания, в то время, как другая, гораздо большая часть меня, могла больше не заботиться об объяснении чего бы то ни было.

Ла Горда выстроила трех девушек в линию. Затем она потянула меня в свою сторону. Все они сложили руки за спиной. Ла Горда заставила меня сделать то же самое. Она вытянула мои руки как можно дальше назад и затем велела мне согнуть их и схватить свои предплечья как можно крепче и как можно ближе к локтям. Это создало большое мышечное напряжение в суставах моих плеч. Она нажимала на мое туловище вперед до тех пор, пока я чуть не согнулся. Затем она издала особый птичий крик. Это был сигнал.

Лидия начала идти. В темноте ее движения напоминали мне движения конькобежца. Она шла быстро и молча и за несколько секунд исчезла из виду.

Ла Горда издала еще два птичьих крика, один за другим, и Роза и Жозефина удалились тем же способом, что и Лидия. Ла Горда велела мне следовать рядом с ней. Она издала еще один птичий крик, и мы оба тронулись.

Я был удивлен легкостью, с которой я шел. Все мое равновесие было сосредоточено в ногах. То, что мои руки находились за спиной, не препятствовало моим движениям, а помогало мне поддерживать необычное равновесие. Но что удивило меня больше всего, так это спокойствие моих шагов.

Когда мы достигли дороги, мы начали идти нормально. Мы прошли мимо двух человек, идущих в противоположном направлении. Ла Горда поздоровалась с ними, и они ответили. Когда мы пришли к дому, мы нашли сестричек, которые стояли у двери, не решаясь войти. Ла Горда сказала им, что, хотя я не мог управлять олли, я мог или призывать их, или заставить их уйти, и что олли больше не будут беспокоить нас. Девушки поверили ей, чего я сам не мог бы сделать в этот момент.

Мы вошли внутрь. Очень спокойно и расторопно все они разделись, облили себя холодной водой и надели новую смену одежды. Я сделал то же самое. Я одел старую одежду, которую обычно держал в доме дона Хуана. Ла Горда принесла мне ее в коробке.

Все мы были в приподнятом настроении. Я попросил ла Горду объяснить мне, что мы делали.

— Мы поговорим об этом позже, — сказала она твердым тоном.

Тут я вспомнил, что пакеты, которые я привез им, все еще были в машине. Я подумал, что пока ла Горда готовит нам еду, можно воспользоваться этой благоприятной возможностью и вручить их. Я вышел, взял их и принес в дом. Я положил их на стол. Лидия спросила меня, распределил ли я уже подарки, как она предложила. Я сказал ей, что хочу, чтобы они сами отобрали то, что им понравится. Она отказалась. Она сказала, что у меня, несомненно, было что-то особое для Паблито и Нестора и груды безделушек для них, которые я высыплю на стол с тем, чтобы они дрались из-за них.

— Кроме того, ты не привез ничего для Бениньо, — сказала Лидия, подходя ко мне сбоку и глядя на меня с напускной серьезностью. — ты не можешь оскорбить чувства Хенарос, дав два подарка на троих.

Они все засмеялись. Я ощутил замешательство. Она была права во всем, что сказала.

— Ты беззаботный, именно потому ты никогда не нравился мне, — сказала Лидия, погасив улыбку и нахмурившись. — ты никогда не приветствовал меня с расположением или уважением. Каждый раз, когда мы виделись, ты только делал вид, что рад видеть меня.

Она имитировала мое, очевидно надуманное, шумное приветствие, которым я встречал ее много раз в прошлом.

— Почему ты никогда не спрашивал меня, как мои дела? — спросила меня Лидия.

Я прекратил писание, чтобы рассмотреть ее вопрос. Мне никогда не приходило в голову спрашивать ее о чем-нибудь. Я сказал ей, что мне нет оправдания. Ла Горда вступилась и сказала, что причина, по которой я никогда не сказал больше двух слов ни Лидии, ни Розе каждый раз, когда я их видел, заключается в том, что я привык разговаривать только с женщинами, которыми я был увлечен тем или иным способом. Ла Горда добавила, что Нагваль сказал им, что если я буду прямо спрашивать их о чем-нибудь, они должны были отвечать на мои вопросы, а если я не спрашивал, они не должны были ничего говорить.

Роза сказала, что не любит меня, потому что я всегда смеялся и пытался потешать всех. Жозефина добавила, что, т.к. я никогда не видел ее, она невзлюбила меня как раз за эти бесцельные потехи.

— Я хочу, чтобы ты знал, что я не принимаю тебя, как Нагваля, — сказала мне Лидия. — ты очень тупой. Ты не знаешь ничего. Я знаю больше, чем ты. Как я могу уважать тебя?

Лидия добавила: что касается ее, я могу убираться обратно, откуда пришел или хоть провалиться в преисподнюю.

Роза и Жозефина не сказали ни слова. Однако, судя по серьезному и неприветливому выражению их лиц, они, по-видимому, были согласны с Лидией.

— Как этот человек может вести нас? — спросила Лидия Горду. — он не настоящий Нагваль. Он человек. Он собирается сделать из нас таких же идиотов, как он сам.

Когда она говорила, я мог видеть, как выражение лиц Розы и Жозефины становилось еще неприветливей.

Горда вмешалась и объяснила им, что она видела раньше насчет меня. Она добавила, что так как она рекомендовала мне не попадаться в их западню, она рекомендует то же самое и им — не попадаться в мои.

После того, как Лидия сначала продемонстрировала неподдельную и обоснованную враждебность, я был изумлен, увидев, как легко она поддавалась замечаниям Горды. Она улыбнулась мне. Она даже подошла и села рядом со мной.

— Ты действительно такой же, как мы, да? — спросила она смущенным тоном.

Я не знал, что сказать. Я боялся допустить промах.

Лидия, очевидно, была лидером сестричек. В тот момент, когда она улыбнулась мне, две другие, казалось, были немедленно охвачены тем же самым настроением.

Горда сказала им, чтобы они не обращали на мой карандаш и бумагу внимания, и на мое задавание вопросов и что в свою очередь я не должен тревожиться, когда они занимаются тем, что они любят больше всего — развлекаются сами с собой.

Все трое сели около меня. Горда подошла к столу, взяла пакеты и отнесла их в машину. Я попросил Лидию извинить меня за мои непростительные промахи в прошлом и попросил всех их рассказать мне, как они стали ученицами дона Хуана. Чтобы побудить их чувствовать себя непринужденно, я дал им отчет в том, как я встретился с доном Хуаном. Их отчеты сводились к тому, что мне уже рассказала донья Соледад.

Лидия сказала, что все они имели свободу оставить мир дона Хуана, но их выбором было — остаться. Она, в частности, будучи первой ученицей, имела возможность уйти. После того, как Нагваль и Хенаро вылечили ее. Нагваль указал ей на дверь и сказал ей, что если она не пройдет через нее теперь, то дверь закроет ее и никогда не откроется снова.

— Моя судьба была решена окончательно, когда эта дверь закрылась, — сказала мне Лидия. — в точности то же самое случилось с тобой. Нагваль говорил мне, что после того, как он наложил латку на тебя, ты имел шанс покинуть его, но ты не захотел воспользоваться им.

Я вспомнил это особое решение более живо, чем что-либо другое. Я рассказал им, как дон Хуан хитростью заставил меня поверить, что за ним охотится женщина-маг, а затем он предоставил мне выбор — или покинуть его навсегда, или остаться, чтобы помочь ему вести войну против его врага. Оказалось, что его мнимый враг был одним из его сообщников. Вступив в конфронтацию с ней — как я думал, защищая дона Хуана, — я направил ее против себя и она стала тем, кого он называл моим «стоящим противником». Я спросил Лидию, были ли к ним самих стоящие противники.

— Мы не такие тупые, как ты, — сказала она. — мы никогда не нуждались в ком-нибудь, чтобы пришпорить нас.

— Паблито как раз такой тупица, — сказала Роза. — его противником является Соледад. Впрочем, я не знаю, насколько она стоящая. Но, как говорит пословица, на безрыбье и рак рыба.

Они засмеялись и заколотили по столу.

Я спросил их, знал ли кто-нибудь из них Каталину — женщину-мага, которую дон Хуан натравил на меня.

Они отрицательно покачали головами.

— Я знаю ее, — сказала мне ла Горда от кухонной плиты. Она из цикла Нагваля, но выглядит так, словно ей 30 лет.

— Что такое цикл, Горда? — спросил я.

Она подошла к столу, положив ногу на скамейку, положив руку на колено, подперла ею подбородок.

— Маги, подобные Нагвалю и Хенаро, имеют два цикла, — сказала она. — первый — это когда они человеческие существа, подобно нам. Мы находимся в своем первом цикле. Каждому из нас было дано задание, и это задание вынуждает нас оставить человеческую форму. Элихио, мы пятеро и Хенарос относимся к одному и тому же циклу.

Второй цикл наступает тогда, когда маг больше не является человеческим существом, подобно Нагвалю и Хенаро. Они пришли учить нас, и после того, как они научили нас, они ушли. Мы являемся вторым циклом для них.

— Нагваль и Каталина подобны тебе и Лидии. Они находятся в таком же отношении. Она жуткий маг, в точности, как Лидия.

Ла Горда вернулась к кухонной плите, сестрички, казалось, нервничали.

— Эта женщина, должно быть, знает растения силы, — сказала Лидия ла Горде.

Ла Горда сказала, что так оно и есть. Я спросил их, давал ли Нагваль когда-нибудь им растения силы.

— Нам троим не давал, — ответила Лидия. — растения силы даются только пустым людям, таким, как ты и ла Горда.

— Нагваль давал тебе растения силы, Горда? — спросил я громко. Ла Горда подняла два пальца над своей головой.

— Нагваль давал ей свою трубку дважды, — сказала Лидия. — и оба раза она становилась сумасшедшей.

— Что случилось, Горда? — спросил я.

— Я становилась сумасшедшей, — сказала ла Горда. — растения силы давались нам потому, что Нагваль накладывал латки на наши тела. Моя пристала быстро, а у тебя это протекало трудно. Нагваль сказал, что ты был более ненормальным, чем Жозефина и такой же невыносимый, как Лидия, и он должен был давать растения огромное количество раз.

Ла Горда объяснила, что растения силы использовали только те маги, которые в совершенстве овладели этим искусством. Эти растения были таким могущественным делом, что для того, чтобы правильно обращаться с ними, требовалось самое безупречное внимание со стороны мага. Требовалась целая жизнь, чтобы натренировать свое внимание до требуемой степени. Ла Горда сказала, что полный человек не нуждается в растениях силы и что ни сестрички, ни Хенарос никогда не принимали их, но что когда-то, когда они усовершенствуют свое сновидческое искусство, им придется использовать их, чтобы получить завершающий их тотальный толчок такой силы, что нам его невозможно представить.

— А тебе и мне тоже придется принимать их? — спросил я ла Горду.

— Всем нам, — ответила она. — Нагваль сказал, что ты должен принимать лучше, чем любой из нас.

Я на минуту ушел в изучение этого вопроса. Психотропные растения на самом деле оказывали на меня ужасное действие. Они, казалось, достигали какого-то обширного резервуара во мне и извлекали из него целый мир. Препятствие в принятии их заключалось в нарушении моего физического тонуса и в невозможности управлять их действием. Мир, в который они ввергали меня, был неподатливым и хаотическим. Мне не хватало контроля — силы, в терминах дона Хуана — чтобы воспользоваться таким миром. Однако, если бы я имел контроль, то открылись бы потрясающие возможности.

— Я принимала их, — внезапно сказала Жозефина. — когда я была помешанной, Нагваль давал мне свою трубку, чтобы исцелить меня или убить. И она исцелила меня!

— Нагваль действительно давал Жозефине свой дым, — сказала ла Горда от кухонной плиты и затем подошла к столу. — Он знал, что она делает вид, что она более сумасшедшая, чем была на самом деле. Она всегда была немного чокнутой, она очень отчаянная и индугирует в себе, как никто другой. Она всегда хотела жить там, где никто не будет надоедать ей, где она сможет делать все, что ей захочется. Поэтому Нагваль дал ей..... и отправил ее жить в мир в ее расположении на..... пока она так не пресытилась им, что излечилась. Она пресекла свое индугирование. В этом состояло ее исцеление.

Ла Горда вернулась к кухонной плите. Сестрички смеялись и хлопали друг друга по спинам.

Тут я вспомнил, что в доме доньи Соледад Лидия не только сделала вид, что дон Хуан оставил мне какой-то пакет, но она на самом деле показала мне сверток, который напомнил мне футляр, в котором дон Хуан обычно держал свою трубку. Я напомнил Лидии, что она сказала, что они отдадут мне этот пакет в присутствии ла Горды.

Сестрички переглянулись, а затем повернулись к ла Горде. Она сделала жест головой. Жозефина встала и пошла в комнату. Спустя минуту она вернулась со свертком, который показывала мне Лидия.

У меня появилось внезапно острое ощущение..... под ложечкой. Жозефина заботливо поместила сверток на стол передо мной. Все столпились вокруг. Она стала развязывать его так же чинно, как в первый раз делала Лидия. Когда пакет был полностью развернут, она вывалила его содержимое на стол. Это было тряпье для менструаций.

Я на секунду пришел в возбуждение. Но смех ла Горды, который был громче, чем у других, был таким веселым, что я сам вынужден был рассмеяться.

— Это личный сверток Жозефины, — сказала ла Горда. — это была блестящая идея — сыграть на твоей жажде получить дар дона Хуана, чтобы вынудить тебя остаться.

— Ты должен признать, что это была хорошая идея, — сказала Лидия.

Она имитировала жадный вид моего лица, когда она разворачивала сверток, и затем вид моего разочарования, когда она не закончила этого делать.

Я сказал Жозефине, что ее идея действительно была блестящей, что она сработала, как она и ожидала, и что я хотел получить этот пакет больше, чем хотел признаться.

— Ты можешь получить его, если хочешь, — сказала Жозефина и вызвала общий смех.

Ла Горда сказала, что Нагваль знал с самого начала, что Жозефина в действительности не была больной, и что именно по этой причине ему было так трудно вылечить ее. Люди, которые действительно больны, более податливы. Жозефина отдавала себе полный отчет во всем и была очень строптивой, и он должен был курить ее великое множество раз.

Дон Хуан сказал то же самое насчет меня, что он курил меня. Я всегда считал, что он имеет в виду использование психотропных грибов для того, чтобы представить себе видимое представление обо мне.

— Как он курил тебя? — спросил я Жозефину.

Она пожала плечами и не ответила.

— Так же, как он курил тебя, — сказала Лидия. — он вытянул твою светимость и высушил ее дымом от огня, который он развел.

Я был убежден, что дон Хуан никогда не объяснял мне этого. Я попросил Лидию рассказать мне, что она знала об этом. Она повернулась к ла Горде.

— Дым имеет очень большое значение для магов, — сказала ла Горда. — дым подобен густому туману. Туман, конечно, лучше, но с ним слишком трудно обращаться. Он не такой удобный для использования, как дым. Поэтому, если маг хочет видеть и знать кого-то, кто всегда скрытен, как ты и Жозефина, кто своенравен и упрям, маг разводит огонь и позволяет дыму окутать этого человека. Все, что они скрывают, выходит в дым.

Ла Горда сказала, что Нагваль использовал дым не только для того, чтобы «видеть» и узнавать людей, но также для исцеления. Он давал Жозефине дымные ванны. Он заставлял ее стоять или сидеть около огня в той стороне, куда дул ветер. Дым обычно окутывал ее и заставлял давиться и плакать. Это неудобство было лишь временным и без последствий, с другой стороны, положительным эффектом было постепенное очищение светимости.

— Нагваль всем нам давал дымные ванны, — сказала ла Горда. — тебе он давал даже больше ванн, чем Жозефине. Он сказал, что ты был невыносимым, а ведь ты даже не притворялся, как она.

Все стало мне ясным. Она была права, дон Хуан заставлял меня сидеть перед огнем сотни раз. Дым обычно раздражал мое горло и глаза до такой степени, что содрогался, когда видел, что он начинает собирать сухой хворост и ветки. Он говорил, что я должен контролировать свое дыхание и ощущать дым с закрытыми глазами, таким способом я мог бы дышать без удушья.

Ла Горда сказала, что дым помог Жозефине стать бесплотной и очень неуловимой и что, несомненно, он помог мне излечиться от моей ненормальности, в чем бы она ни заключалась.

— Нагваль сказал, что дым все забирает из тебя, — продолжала ла Горда. — он делает тебя чистым и прямым.

Я спросил ее, знает ли она, как вместе с дымом извлечь из человека то, что он скрывает. Она сказала, что может легко делать это, потому что потеряла свою форму, но что сестрички и Хенарос сами еще не могут делать этого, хотя они десятки раз видели, как Нагваль и Хенаро делали это.

Мне было любопытно узнать, почему дон Хуан никогда не упоминал мне об этом, хотя он дымил меня, как сухую рыбу, сотни раз.

— Он упоминал, — сказала ла Горда со своей обычной убежденностью. — Нагваль даже учил тебя пристальному созерцанию тумана. Он говорил нам, что однажды ты дымил целое место в горах и в и д е л то, что скрыто за обстановкой. Он сказал, что он сам был поражен.

Я вспомнил острое нарушение восприятия, особого рода галлюцинацию, которая у меня была, и которая, как я думал, была продуктом игры между очень густым туманом и случившимся в то время электрическим штормом. Я описал им этот эпизод и добавил, что дон Хуан никогда в действительности прямо не учил меня ничему о тумане или дыме. Его процедура состояла в том, что он устраивал костры или брал меня в полосы тумана.

Ла Горда не сказала ни слова. Она встала и пошла обратно к кухонной плите. Лидия покачала головой и прищелкнула языком.

— Ты действительно тупой, — сказала она. — Нагваль учил тебя всему. Как, по твоему мнению, ты видел то, что только что рассказал нам?

Между нашим пониманием того, как учить чему-то, была пропасть. Я сказал, что если бы я учил их чему-то, что я знаю, например, вождению машины, то я шел бы шаг за шагом, удостоверяясь, что они поняли каждую деталь процедуры.

Ла Горда вернулась к столу.

— Это только в том случае, если маг учит чему-то относительно тоналя, — сказала она. — когда маг имеет дело с Нагвалем, он обязан дать инструкцию, которая должна показать воину тайну. И это все, что ему нужно сделать. Воин, который получает тайны, должен утвердить знание, как силу, делая то, что ему показано.

Нагваль показал тебе больше тайн, чем всем нам вместе взятым. Но ты ленив, подобно Паблито, и предпочитаешь находиться в замешательстве. Тональ и Нагваль суть два различных мира. В одном ты разговариваешь, а в другом ты действуешь.

В тот момент, когда она говорила, ее слова были абсолютно ясными мне. Я знал, о чем она говорит. Она пошла обратно к плите, размешала что-то в горшке и снова вернулась.

— Почему ты такой тупой? — бесцеремонно спросила Лидия.

— Он пустой, — ответила Роза.

Она заставили меня встать и, глядя искоса, стали обшаривать мое тело глазами. Все они коснулись моей пупочной области.

— Но почему ты все еще пустой? — спросила Лидия.

— Ты знаешь, что делать, не так ли? — добавила Роза.

— Он был ненормальным, — сказала Жозефина. — он и сейчас, должно быть, ненормальный.

Ла Горда пришла ко мне на помощь и сказала им, что я все еще пустой по той же причине, по какой все они еще имеют свою форму. Все мы в тайне не желаем мира нагваля. Мы боимся и имеем задние мысли. Короче говоря, никто из нас не лучше Паблито.

Они не сказали ни слова. Все трое, казалось, были в полном замешательстве.

— Бедный Нагвальчик, — сказала мне Лидия тоном подлинного участия. — ты так же напуган, как и мы. Я делаю вид, что я резкая, Жозефина притворяется ненормальной. Роза притворяется сварливой, а ты притворяешься тупым.

Они засмеялись, и в первый раз со времени моего приезда, сделали жест дружеского расположения ко мне. Они обняли меня и прислонили свои головы к моей.

Ла Горда села лицом ко мне, а сестрички сели вокруг нее. Я был обращен лицом ко всем четырем девушкам.

— Теперь мы можем поговорить о том, что случилось сегодня вечером, — сказала ла Горда. — Нагваль сказал мне, что если мы останемся в живых после последнего контакта с олли, мы не будем теми же самыми. Олли что-то сделали с нами этой ночью. Они дали нам сильную встряску.

Она мягко коснулась моего блокнота.

— Эта ночь была особой ночью для нас, — продолжала она. — Этой ночью все мы, включая олли, энергично взялись за то, чтобы помочь тебе. Нагвалю понравилось бы это. Этой ночью ты все время видел.

— Я видел? — спросил я.

— Опять ты взялся за свое? — сказала Лидия и все засмеялись.

— Расскажи мне о своем видении, Горда, — настаивал я. — ты знаешь, что я тупой. Между нами не должно быть неправильного понимания.

— Хорошо, — сказала она. — я понимаю, что ты имеешь в виду. Этой ночью ты видел сестричек.

Я сказал им, что я был также свидетелем невероятных действий, выполненных доном Хуаном и доном Хенаро. Я видел их так же ясно, как видел сестричек, и все же дон Хуан и дон Хенаро всегда приходили к выводу, что я не видел. Таким образом, я не в состоянии был определить, чем могли отличаться действия сестричек.

— Ты имеешь в виду, что ты не видел, как они держались на линиях мира? — спросила она.

— Нет, не видел.

— Ты не видел, как они проскользнули в трещину между мирами?

Я изложил им то, чему я был свидетелем. Они слушали меня. В конце моего отчета ла Горда, казалось, готова была расплакаться.

— Какая жалость, — воскликнула она.

Она вошла, обошла вокруг стола и обняла меня. Ее глаза были ясными и утешительными. Я знал, что она не питает ко мне зла.

— Это твоя судьба, что ты так закупорен, — сказала она. — но ты все еще остаешься нагвалем для нас. Я не буду питать к тебе недобрых чувств. Ты можешь в любом случае быть уверен в этом. Я знал, что она говорила искренне. Она говорила со мной на уровне, который я наблюдал только у дон Хуана. Она неоднократно объяснила свое умонастроение, как следствие потери ее человеческой формы, она действительно была

бесформенным человеческим воином. Волна глубокого расположения к ней нахлынула на меня. Я едва не заплакал. Как раз в этот момент я ощутил, что она была чудесным воином, со мной случилась чрезвычайно интригующая вещь. Точнее всего ее можно описать, сказав, что я ощутил, что мои уши внезапно лопнули. Кроме того, я ощутил лопание в середине своего тела, как раз под моим пупком, причем, более резко, чем в ушах. Сразу после лопания все стало более отчетливым: звуки, виды, запахи. Затем я ощутил интенсивный шум, который, как ни странно, не мешал мне слушать: шум был сильным, но не заглушал никаких других звуков. Было так, словно я слышал шум какой-то частью меня, иной, чем мои уши. Через мое тело прокатилась горячая волна. И тогда я вспомнил нечто такое, что я никогда не видел. Было так, будто мной овладела чужая память.

Я вспомнил, как Лидия подтягивалась на двух горизонтальных красных веревках, когда она ходила по стене. Она фактически не ходила. Она фактически скользила на толстом пучке линий, которые она держала своими ногами. Я вспомнил, что видел, как она часто и тяжело дышала открытым ртом после усилий, затраченных на подтягивание красноватых веревок. Причина, по которой я не смог удержать свое равновесие в конце ее демонстрации, состояла в том, что я видел ее, как свет, который носился вокруг комнаты так быстро, что у меня закружилась голова, он тянул меня в области около пупка.

Я вспомнил действия Розы и Жозефины. Роза в действительности висела, держась своей левой рукой за длинные вертикальные красноватые волокна, которые выглядели, как лозы, ниспадающие с темной крыши. Правой рукой она так же держалась за какие-то вертикальные волокна, которые, по-видимому, придавали ей устойчивость. Она также держалась за те же волокна пальцами ног. В конце своей демонстрации она была похожа на фосфоресценцию на крыше. Линии ее тела перестали выделяться.

Жозефина прятала себя за какими-то линиями, которые, казалось, выходили из пола. Своим поднятым предплечьем она сдвигала линии вместе, чтобы они расположились на такой ширине, чтобы скрыть ее туловище. Ее раздутые одежды играли роль большой подпорки, они каким-то образом сжали ее светимость. Одежды были громоздки только для глаза, который смотрел. В конце своей демонстрации Жозефина, подобно Лидии и Розе, была просто пятном света. Я мог в уме переключаться с одного воспоминания на другое.

Когда я рассказал им о своих существующих вилах памяти, сестрички посмотрели на меня с недоумением. Ла Горда была единственная, которая, по-видимому, поняла, что случилось со мной. Она с неподдельным удовольствием засмеялась и сказала, что Нагваль был прав, говоря, что я слишком ленив, чтобы помнить, что я видел, поэтому я заботился только о том, на что я смотрел.

Возможно и это, думал я про себя, что я бессознательно отобрал то, что мне помнить? Или все это дело рук ла Горды? Если это было правильно, что я сначала отобрал то, что запомнил, а затем высвободил то, что было подвергнуто цензуре, тогда, должно быть, так же истинно, что я, должно быть, воспринял намного больше из действий дона Хуана и дона Хенаро. И тем не менее, я мог припомнить только отобранную часть моего целостного восприятия тех событий.

— Трудно поверить, — сказал я ла Горде, — что я могу вспомнить теперь нечто такое, что я вообще не помнил некоторое время тому назад.

— Нагваль сказал, что каждый из нас может видеть, и тем не менее, мы избираем не помнить того, что мы видим, — сказала она. — теперь я понимаю, как он был прав. Все мы можем видеть, некоторые больше, чем остальные.

Я сказал ла Горде, что некоторая часть меня знала, что я наконец-то нашел трансцендентальный ключ. Недостающий кусочек был вручен мне ими всеми. Но было трудно разобрать, что это такое.

Она заявила, что только что «увидела», что я практически овладел значительной частью искусства «сновидения» и что я развил свое внимание и, тем не менее, я был одурачен, сам на себя напускал видимость, что я ничего не знаю.

— Я уже пыталась рассказать тебе о внимании, — продолжала она, — но ты знаешь об этом столько же, сколько знаем мы.

Я заверил ее, что мое знание, по сути, отличается от их, их знание было бесконечно более эффективным, чем мое. Поэтому любая вещь, которую они могли сказать мне в связи со своей практикой, была полезна для меня.

— Нагваль велел нам показать тебе, что с помощью своего внимания мы можем удерживать образы таким же способом, как мы удерживаем образы мира, — сказала ла Горда. — искусство сновидца — это искусство внимания.

Мысли лавиной нахлынули на меня. Я должен был встать и пройти по кухне. Затем я снова сел. Мы долго пребывали в молчании. Я знал, что она имела в виду, когда сказала,

что искусство сновидцев — это искусство внимания. Я знал далее, что дон Хуан рассказал и показал мне все, что мог. Однако я не был способен осознать предпосылки его знания в своем теле, когда он был рядом. Он сказал, что мой разум является демоном, который держит меня в оковах, и что я должен победить его, если я хочу постигнуть его учение. Проблема, следовательно, заключалась в том, как победить мой разум. Мне никогда не приходило в голову потребовать от него определения того, что он подразумевал под разумом. Я все время считал, что он подразумевает способность уразумевать, умозаключать или мыслить упорядоченным и рациональным образом. Из того, что сказала ла Горда, я понял, что для него разум означает внимание.

Дон Хуан говорил, что ядром нашего существа является акт воспринимания и что тайной нашего существа является акт осознания. Для него восприятие и осознание были обособленной функционирующей нерасчленимой единицей, которая имела две области. Первая была «вниманием тоналя», т.е. это способность средних людей воспринимать и накладывать свое осознание на обычный мир обыденной жизни. Дон Хуан называл также эту сферу влияния нашим «первым кольцом силы», и характеризовал ее, как нашу ужасную, но принимаемую за само собой разумеющееся, способность придавать порядок нашему восприятию нашего каждодневного мира.

Второй областью было «внимание Нагваля», т.е. способность магов накладывать свое осознание на необычный мир. Он называл эту область внимания «вторым кольцом силы», или совершенно необыкновенной способностью, которую все мы имеем, но которую используют только маги, чтобы придавать порядок необычному миру.

Ла Горда и сестрички, демонстрируя мне, что искусством сновидцев было удерживать образы своих снов своим вниманием, вскрыли прагматический эффект системы дона Хуана. Они были практиками, которые вышли за пределы теоретического аспекта его учения. Чтобы дать мне демонстрацию этого искусства, они должны были воспользоваться своим «вторым кольцом силы» или «вниманием Нагваля». Мне для того, чтобы свидетельствовать их искусство, нужно было сделать то же самое. Фактически было очевидно, что я разместил свое внимание в обеих областях. По-видимому, все мы непрерывно воспринимали обоими способами, но избрали выделить одно для воспоминания и отвергнуть другое или, возможно, мы затушевывали его, как сделал я сам. При определенных условиях стресса или предрасположения, подвергнутое цензуре воспоминание выходит на поверхность и мы можем тогда иметь два отличающихся воспоминания об одном событии.

То, с чем дон Хуан боролся, чтобы победить, или, скорее, подавить во мне, был не мой разум, как способность рационально мыслить, а мое «внимание тоналя», или мое созерцание мира здравого смысла. Его желание, чтобы я сделал это, было объяснено ла Гордой, когда она сказала, что каждодневный мир существует потому, что мы знаем, как удерживать его образы, следовательно, если исключить внимание, необходимое для поддержания этих образов.

— Нагваль сказал нам, что то, что идет в счет — это практика, — внезапно сказала ла Горда. — когда ты отдаешь свое внимание образам своего сна, твое внимание изменяется к лучшему. В результате ты можешь стать таким, как Хенаро, который мог удерживать образы любого сна.

— Каждая из нас имеет 5 других снов, — сказала Лидия, — но мы показали тебе первый, потому что это сон, который дал нам Нагваль.

— Вы можете входить в сновидение в любое время, когда захотите? — спросил я.

— Нет, — ответила ла Горда. — сновидение забирает слишком много силы. Ни одна из нас не имеет так много силы. Причина, по которой сестрички должны были так много раз кататься по полу, заключается в том, что при катании земля дает им энергию. Может быть ты сможешь также вспомнить их, как светящихся существ, получающих энергию от света земли. Нагваль сказал, что самый лучший путь получения энергии — это пустить солнце в глаза, особенно в левый глаз.

Я сказал ей, что не знал ничего об этом, и она описала процедуру, которой дон Хуан обучил их. Когда она говорила, я вспомнил, что этой процедуре дон Хуан обучил также и меня. Она состояла в том, что я должен медленно двигать голову из стороны в сторону, когда я поймал солнечный свет полуприкрытым левым глазом. Он сказал, что можно пользоваться не только солнцем, но и любым видом света, который может светить в глаза.

Ла Горда сказала, что Нагваль рекомендовал им повязывать свои шали ниже талии, чтобы предохранить тазовые кости, когда они вращаются.

Я сделал замечание, что дон Хуан никогда не говорил мне о вращении. Она сказала, что у них есть матка и энергия поступает прямо в матку; путем вращения они распределяют эту энергию по остальной части своего тела. Мужчина, чтобы зарядиться

энергией, должен лечь на спину, согнув колени так, чтобы подошвы его ног соприкасались друг с другом. Его руки должны быть вытянуты в стороны, предплечья вертикально подняты, а пальцы скрючены в вертикальном положении.

— Мы делали в сновидении эти сны несколько лет, — сказала ла Горда. — эти сны — наши самые лучшие, потому что мы уделяем им полное внимание. В других снах, которые мы имеем, наше внимание еще не прочное.

Ла Горда сказала, что удерживание образов снов является толтекским искусством. Затратив несколько лет на практику, каждая из них была способна выполнить одно действие в любом сне. Лидия могла ходить по чему угодно, Роза могла свободно висеть на чем угодно, Жозефина могла скрыться за чем угодно, а она сама могла летать. Но они были только начинающими, ученицами этого искусства. Они обладали полным вниманием только для одной деятельности. Она добавила, что Хенаро был мастером «сновидения» и мог делать удивительные вещи, обладая вниманием для стольких действий, сколько мы совершаем в нашей каждодневной жизни, и что для него обе области внимания были равнозначны.

Я ощутил потребность задать им свой обычный вопрос: я должен знать их процедуры, посредством которых они удерживают образы своих снов.

— Ты знаешь это так же хорошо, как мы, — сказала ла Горда. — единственное, что я могу сказать, это то, что когда мы приходим в один и тот же сон снова и снова, мы начинаем ощущать линии мира. С их помощью мы сделали то, что ты видел.

Дон Хуан говорил, что наше «первое кольцо силы» очень рано включается в нашу жизнь и что мы живем под впечатлением того, что это все, что у нас есть. Наше «второе кольцо силы», «внимание Нагваля», остается скрытым для подавляющего большинства из нас и только в момент нашей смерти оно открывается нам. Однако, есть путь к достижению его, который доступен каждому из нас, но который принимают только маги, и этот путь пролегает через «сновидение». «Сновидение», в сущности, является преобразованием обычных снов в дело, включающее волевой акт. Сновидцы, привлекая свое «внимание Нагваля» и фокусируя его на темах и событиях своих снов, изменяют эти сны в «сновидении».

Дон Хуан говорил, что нет никаких процедур, чтобы прибыть к «вниманию Нагваля». Он дал мне только указания. Найти свои руки в снах было первым указанием, затем упражнение с уделением внимания расширялось до нахождения предметов, отыскания специальных особенностей, таких, как здания, улицы и т.п. Отсюда делался прыжок к «сновидению» о специальных местах в специальное время дня. Заключительной стадией было привлечение «внимания Нагваля» для фокусирования его полностью на самом себе. Дон Хуан говорил, что этой заключительной стадии обычно предшествует сон, который у многих из нас был в то или иное время, в котором человек смотрит на самого себя, сидящего в постели. К тому времени, когда у мага появляется такой сон, его внимание развивается до такой степени, что вместо того, чтобы проснуться, как делают многие из нас в такой ситуации, он разворачивается и приступает к какой-либо деятельности, словно бы он действовал в мире обыденной жизни. С этого момента появляется брешь, разграничение в до сих пор единой личности. Результатом «привлечения внимания Нагваля» и развития его до высоты и усложненности нашего обыденного внимания к миру является, в системе дона Хуана, другое «я», существо, идентичное самому человеку, но созданное в «сновидении».

Дон Хуан сказал мне, что не существует определенных стандартных шагов для обучения этому дублю, так же как нет никаких определенных шагов для нас для достижения нашего обыденного сознания. Мы просто делаем его посредством практики. Он настаивал на том, что в процессе привлечения нашего «внимания Нагваля» мы найдем эти шаги. Он убеждал меня практиковать «сновидения», не позволяя своим страхам ставить палки в колеса.

Он сделал то же самое с ла Гордой и сестричками, но, очевидно, нечто в них сделало их более восприимчивыми к идее другого уровня внимания.

— Хенаро большую часть времени был в твоём теле сновидения, — сказала ла Горда. — ему это больше нравилось. Именно поэтому он мог делать самые невероятные вещи и пугал тебя до полусмерти. Хенаро мог входить и выходить через трещину между мирами, как ты и я можем входить и выходить через дверь.

Дон Хуан тоже подробно рассказывал мне о трещине между мирами. Я всегда считал, что он говорит метафорически и тонком различии между миром, который воспринимает средний человек, и миром, который воспринимает маг.

Ла Горда и сестрички показали мне, что трещина между мирами была больше, чем метафора. Это была скорее способность менять уровень внимания. Одна часть меня

великолепно понимала ла Горду, в то время, как другая часть меня была еще более испуганной, чем прежде.

— Ты спрашивал, куда ушли Нагваль и Хенаро, — сказала ла Горда. — Соледад довольно туповата и сказала тебе, что они ушли в другой мир; Лидия сказала тебе, что они покинули эту местность; Хенарос были бестолковы и испугали тебя. Истина заключается в том, что Нагваль и Хенаро прошли через эту трещину.

По какой-то причине, не поддающейся моему определению, ее утверждения ввергли меня в глубокий хаос. Я все время ощущал, что их уход к лучшему. Я знал, что они не ушли в обычном смысле, но я держал это ощущение в области метафоры. Хотя я даже сообщил об этом близким друзьям, я думаю, что сам я никогда в действительности не верил в это. В глубине души я всегда был рациональным человеком. Но ла Горда и сестрички обратили мои темные метафоры в реальные возможности. Ла Горда действительно транспортировала нас на полмили с помощью энергии своего «сновидения».

Ла Горда встала и сказала, что я уже понял все и что нам пора есть. Она подала еду, которую приготовила. У меня не было аппетита. После еды она встала и подошла ко мне сбоку.

— Я думаю, тебе пора уезжать, — сказала она мне.

По-видимому, это послужило сигналом для сестричек. Они тоже встали.

— Если ты останешься после этого момента, ты не сможешь больше покинуть нас, — продолжала ла Горда. — Нагваль однажды предоставил тебе свободу выбора, но ты выбрал остаться с ним. Он сказал мне, что, если мы останемся в живых после последнего контакта с олли, я должна накормить тебя, добиться, чтобы ты себя хорошо чувствовал, а затем попрощаться с тобой. Я полагаю, что мне и сестричкам некуда идти, так что у нас нет выбора. Но ты — другое дело.

Сестрички окружили меня и попрощались со мной.

В этой ситуации была чудовищная ирония. Я был свободен уехать, но мне некуда было ехать. У меня тоже не было выбора. Много лет тому назад, когда дон Хуан дал мне шанс вернуться обратно, я остался, потому что уже тогда мне некуда было идти.

— Мы выбираем только однажды, — сказал он тогда. — мы выбираем либо быть воинами, либо быть обычными людьми. Другого выбора не существует. Не на этой земле.

6. ВТОРОЕ ВНИМАНИЕ

— Ты должен уехать сегодня через какое-то время, — сказала мне ла Горда сразу после завтрака. — так как ты решил идти с нами, ты обязан помочь нам выполнить наше новое задание. Нагваль оставил меня во главе только до твоего приезда. Как ты уже знаешь, он поручил мне сообщить тебе известные вещи. Большинство из них я рассказала тебе, пока ты не сделал свой выбор. Сегодня мы займемся ими. Сразу после этого ты должен уехать, чтобы дать нам время подготовиться. Нам нужно несколько дней, чтобы все уладить и подготовиться покинуть эти горы навсегда. Мы находились здесь очень долго. Порвать трудно. Но все пришло к внезапному концу. Нагваль предупреждал нас о полном изменении, которое ты принесешь, независимо от исхода твоих сражений, но я думаю, что никто не принимал его слова всерьез.

— Я никак не могу понять, почему вам надо менять что-либо, — сказал я.

— Я уже объяснила тебе, возразила она. — мы утратили нашу старую цель. Теперь у нас есть новая цель и она требует, чтобы мы стали такими же легкими, как бриз. Бриз — это наше новое настроение. Оно обычно бывает горячим ветром. Ты изменил наше направление.

— Ты говоришь загадками, ла Горда.

— Да, но это потому, что ты пустой. Я могу сделать это более ясным. Когда ты вернешься, Хенарос покажут тебе искусство отслеживания и сразу после этого мы все уедем. Нагваль сказал, что если ты решишь быть с нами, то первое, что я должна сказать тебе, это что ты должен вспомнить свои сражения с Соледад и сестричками и исследовать каждое отдельное событие, которое случилось с тобой у них, потому что все это является знаком того, что случится с тобой на твоем пути. Если ты будешь внимателен и безупречен, ты обнаружишь, что эти сражения были дарами силы.

— Что теперь собирается делать донья Соледад?

— Она уезжает. Сестрички уже помогли ей убрать ее пол. Этот пол помогал ей достигать ее внимания Нагваля. Линии пола имели силу делать это. Каждая из них помогала ей собрать кусочек этого внимания. Неполнота не является препятствием к достижению этого внимания у некоторых воинов. Соледад преобразилась, потому что достигла этого внимания быстрее, чем остальные из нас. Ей больше не нужно пристально

созерцать свой пол, чтобы войти в тот другой мир, и, т.к. теперь больше нет нужды в этом поле, она вернула его земле, откуда она добыла его.

— Вы действительно решили уехать, Горда?

— Да, все мы, именно поэтому я прошу тебя уехать на несколько дней, чтобы дать нам время сбыть все, что мы имеем.

— Должен ли я найти место для вас всех, Горда.

— Если бы ты был безупречным воином, то ты бы как раз это и сделал. Но ты не являешься безупречным воином, и мы тоже. Но тем не менее, мы должны будем сделать лучшее, на что мы способны, чтобы встретить свой новый вызов.

Я ощущал давящее чувство рока. Я никогда не был человеком, способным нести ответственность. Я подумал, что обязанность вести их является тяжелым бременем, с которым я не могу справиться.

— Может быть, нам не нужно ничего делать? — сказал я.

— Да, это правда, — сказала она и засмеялась. — почему бы тебе не твердить это, пока ты ощущаешь себя благополучно? Нагваль снова и снова говорил тебе, что единственная свобода, которую имеют воины, это вести себя безупречно.

Она рассказала мне, как Нагваль настаивал на том, чтобы все они поняли, что безупречность является не только свободой, но и единственным путем спугнуть человеческую форму.

Я описал ей способ, каким дон Хуан заставил меня понять, что имеется в виду под безупречностью. Он и я шли однажды через очень крутое ущелье, как вдруг громадная глыба отделилась от каменной стены, покатила вниз с огромной силой и грохнулась на дно каньона в 20-30 ярдах от того места, где мы стояли. Ввиду ее величины, падение этой глыбы было впечатляющим событием. Дон Хуан увидел возможность извлечь драматический урок. Он сказал, что сила, которая правит нашими судьбами, находится вне нас самих и не обращает внимания на наши действия или волеизъявления. Иногда эта сила заставляет нас остановиться на нашем пути и наклониться, чтобы завязать шнурки наших ботинок, как только что сделал я. И заставив нас остановиться, эта сила заставляет нас приобрести точно определенный момент. Если бы мы продолжали идти, этот огромный валун самым определенным образом раздавил бы нас насмерть. Однако в некоторый другой день, в другом ущелье та же самая руководящая сила снова заставит нас остановиться, чтобы нагнуться и завязать шнурки, в то время, как другая глыба отделится в точности над тем местом, где мы будем стоять. Заставив нас остановиться, эта сила заставит нас потерять точно определенный момент. В этот раз, если бы мы продолжали идти, то мы спаслись бы. Дон Хуан сказал, что ввиду моего полного отсутствия контроля над своими силами, которые решают мою судьбу, моя единственная свобода в этом ущелье состоит в моем завязывании моих ботинок безупречно.

Ла Горда, по-видимому, была тронута моим отчетом. Минуту она держала мое лицо в своих руках, протянутых через стол.

— Безупречность для меня состоит в том, чтобы рассказывать тебе в надлежащее время то, что Нагваль велел мне рассказывать тебе, — сказала она. — но сила должна приурочить к должному времени то, что я должна открыть тебе, иначе оно не окажет никакого действия.

Она драматически сделала паузу. Ее задержка была очень обдуманной, но страшно эффективной в отношении меня.

— Что это такое? — спросил я в отчаянии.

Она не ответила. Она взяла меня за руку и повела на площадку, находящуюся снаружи сразу за передней дверью. Она усадила меня на плотно утрамбованную землю спиной к толстому столбу высотой около 1.5 фута, который выглядел, как деревянный пень, всаженный в землю почти напротив стены дома. Там был ряд из пяти таких столбов, всаженных на удалении около 2 футов друг от друга. Я собирался спросить ла Горду, каково их назначение. Мое первое впечатление было таково, что прежний хозяин дома привязывал к ним животных. Однако, мое предположение было, по-видимому, нелепым, потому что площадка перед передней дверью представляла собой род крытого крыльца.

Я высказал ла Горде свою гипотезу, когда она была рядом слева от меня спиной к другому столбу. Она засмеялась и сказала, что столбы действительно использовались для привязывания своего рода животных, но не прежним хозяином, и что она чуть не сломала спину, выкапывая ямы для них.

— Для чего ты используешь их? — спросил я.

— Разреши сказать, что мы привязываемся к ним, — ответила она. — и это приводит меня к следующей вещи, которую Нагваль просил меня рассказать тебе. Он сказал, что т.к. ты пустой, то он должен был собирать твое второе внимание, твое внимание Нагваля,

способом, отличным от нашего. Мы собирали это внимание посредством сновидения, а ты делал это с помощью своих растений силы. Нагваль сказал, что его растения силы собрали угрожающую сторону твоего внимания в одну глыбу и что это и есть та фигура, которая выходит из твоей головы. Он сказал, что это случается с магами, когда им дают растения силы. Если они не умирают, то растения силы закручивают их второе внимание в ту устрашающую фигуру, которая выходит из их голов.

— Теперь мы подходим к тому, что он хотел, чтобы ты сделал. Он сказал, что ты должен теперь изменить направление и начать собирать свое второе внимание другим способом, больше похожим на наш. Ты не можешь удержаться на пути знания, пока ты не уравнишь свое второе внимание. До сих пор это твое внимание выезжало на силе Нагваля, но теперь ты один. Это то, что он хотел, чтобы я сказала тебе.

— Как мне уравновесить свое второе внимание?

— Ты должен делать сновидение так, как делаем его мы. Сновидение — это единственный способ собрать второе внимание, не повреждая его, не делая его угрожающим и устрашающим. Твое второе внимание фиксировано на устрашающей стороне мира, наше — на его красоте. Ты должен поменять стороны и идти с нами. Это то, что ты избрал прошлой ночью, когда ты решил идти с нами.

— Может эта фигура выходить из меня в любое время?

— Нет. Нагваль сказал, что она не будет выходить снова, пока ты не достигнешь его возраста. Твой Нагваль уже выходил столько раз, сколько было необходимо. Нагваль и Хенаро позаботились об этом. Они обычно выдразнивали его из тебя. Нагваль сказал, что иногда ты бывал на волосок от смерти, потому что твое второе внимание очень любит индугировать. Он сказал, что однажды ты даже напугал его, твой Нагваль напал на него, и он должен был ублажать его, чтобы он успокоился. Но самое худшее случилось с тобой в Мехико; там дон Хуан однажды толкнул тебя, ты влетел в один офис и в этом офисе ты прошел в трещину между мирами. Он намеревался только рассеять твое внимание тоналя, ты терзался какими-то глупыми вещами. Но когда он пихнул тебя, весь твой тональ сжался и все твое существо прошло через трещину. Ему было чертовски трудно найти тебя. Он сказал мне, что на минуту он подумал, что ты ушел дальше пределов его деятельности. Но затем он увидел тебя, бесцельно слоняющегося поблизости и забрал тебя назад. Он сказал мне, что ты прошел через трещину около 10 часов утра. Так что с того дня 10 часов утра стало твоим новым временем.

— Моим временем для чего?

— Для чего угодно. Если ты останешься человеком, ты умрешь примерно в это время. Если ты станешь магом, ты покинешь этот мир около этого времени.

— Элихио также шел по другому пути, по пути, о котором никто из нас не знает. Мы встретились с ним как раз перед его уходом. Элихио был самым удивительным сновидцем. Он был таким хорошим, что Нагваль и Хенаро обычно брали его с собой, проходя через трещину, и он имел силу, чтобы выдержать это, словно это были пустяки. Он даже не запыхался. Нагваль и Хенаро дали ему последний толчок с помощью растений силы. Он имел контроль и силу, чтобы управиться с этим толчком. И это то, что послало его туда, где он теперь находится.

— Хенарос сказали мне, что Элихио прыгнул вместе с Бениньо. Верно это?

— Конечно. К тому времени, когда Элихио должен был прыгнуть, его второе внимание уже пребывало в том, другом мире. Нагваль сказал, что твое тоже было там, но что для тебя это был кошмар, потому что ты не имеешь контроля. Он сказал, что его растения силы скособочили тебя, они заставили тебя прорваться через твое внимание тоналя и доставили тебя прямо в сферу твоего второго внимания. Нагваль не давал Элихио растения силы вплоть до самого конца.

— Нагваль никогда не говорил этого. Он думал, что ты был опасно ненормальным, но это не имеет ничего общего с растениями силы. Он сказал, что оба твои внимания с трудом поддаются контролю. Если ты сможешь победить их, ты будешь великим воином.

Я хотел, чтобы она рассказала больше мне на эту тему. Она положила руку на мой блокнот и сказала, что нам предстоит очень напряженный день и нам нужно запастись энергией, чтобы выдержать его. Поэтому мы должны зарядить себя энергией с помощью солнечного света. Она сказала, что ситуация требует, чтобы мы принимали солнечный свет левым глазом. Она начала медленно двигать свою голову из стороны в сторону, мельком глядя прямо на солнце через свои полуприкрытые глаза.

Через минуту к нам присоединились Лидия, Роза и Жозефина. Лидия села справа от меня, Жозефина села рядом с ней, а Роза — рядом с ла Гордой. Все они прислонились спиной к столбам. Я находился в середине ряда.

Был ясный день. Солнце стояло как раз над удаленной цепью гор. Они стали двигать головы с совершенной синхронностью. Я присоединился к ним и у меня возникло ощущение, что я тоже синхронизировал свои действия с их. Они продолжали делать это в течение примерно минуты, а затем остановились. У всех них были одеты шляпы, полями которых они пользовались для защиты своих лиц от солнечного света, когда они не купали в нем свои глаза. Ла Горда дала мне одеть мою старую шляпу.

Мы сидели там около получаса. В течение этого времени мы повторяли это упражнение бесчисленное число раз. Я собрался было делать отметку в своем блокноте каждый раз, но Ла Горда очень небрежно отшвырнула мой блокнот за пределы досягаемости.

Лидия внезапно встала, бормоча что-то невразумительное. Ла Горда наклонилась ко мне и прошептала, что вверх по дороге идет Хенарос. Я напряг зрение, но никого не было видно. Роза и Жозефина тоже встали, а потом пошли вместе с Лидией внутрь дома.

Я сказал Ла Горде, что я не вижу, чтобы кто-нибудь приближался. Она ответила, что Хенарос были видны в одном месте дороги и добавила, что страшится того момента, когда все мы должны были собраться вместе, но что она уверена, что я сумею совладать с ситуацией. Она посоветовала мне быть чрезвычайно осторожным с Жозефиной и Паблито, потому что они не имеют контроля над собой. Она сказала, что наиболее разумной вещью для меня было бы забрать Хенарос прочь по истечении часа или около того.

Я продолжал глядеть на дорогу. Не было никаких признаков, чтобы кто-нибудь приближался.

— Ты уверена, что они идут? — спросил я.

Она сказала, что не видела их, но Лидия видела. Хенарос были видны именно Лидии, потому что она пристально созерцала, одновременно купая свои глаза. Я не был уверен, что правильно понял Ла Горду и попросил ее объяснить.

— Мы созерцатели, — сказала она. — точно так же, как ты сам. Мы все одинаковы. Не нужно доказывать, что ты не созерцатель. Нагваль рассказывал нам о твоих великих подвигах пристального созерцания.

— Мои подвиги созерцания! О чем ты говоришь, Горда?

Она поджала рот и, по-видимому, была на грани раздражения моим вопросом, кажется, она сдерживалась. Она улыбнулась и дала мне мягкий толчок.

В этот момент у нее по телу прошел трепет. Она уставилась пустым взглядом мимо меня. Затем энергично встряхнула головой. Она сказала, что только что «видела», что Хенарос пока не придут, им было еще слишком рано приходить. Они собираются подождать некоторое время, прежде, чем появиться. Она улыбнулась, словно эта отсрочка доставила ей облегчение.

— Как бы то ни было, нам еще чересчур рано встречаться с ними здесь, — сказала она. — и они ощущают то же самое по отношению к нам.

— Где они сейчас?

— Они, должно быть, сидят где-то в стороне от дороги, — ответила она. — Бениньо, несомненно, пристально посмотрел на дом, когда они шли, и увидел, что мы сидим здесь, и именно поэтому они решили подождать. Превосходно. Это дает нам время.

— Ты пугаешь меня, Горда. Время для чего?

— Ты должен собрать сегодня вместе свое второе внимание, именно ради нас четверых. Как я могу сделать это?

— Я не знаю. Ты очень загадочен для нас. Нагваль сделал кучу вещей для тебя с помощью своих растений силы, но ты не можешь провозгласить это, как знание. Это именно то, что я пыталась объяснить тебе. Только если ты овладеешь своим вторым вниманием, ты сможешь орудовать им, иначе ты всегда останешься фиксированным на полпути между двумя, как сейчас. Все, что случилось с тобой со времени твоего приезда, было направлено на то, чтобы заставить это внимание действовать. Я давала тебе инструкции понемногу, в точности, как велел мне делать Нагваль. Так как ты принял другой путь, ты не знаешь вещей, которые знаем мы, точно так же, как мы ничего не знаем о растениях силы. Соледад знает немного больше, потому что Нагваль брал ее в свои родные края. Нестор знает о лекарственных растениях, но никого из нас не обучали тем путем, каким обучали тебя. До сих пор мы не нуждались в твоём знании, но когда-нибудь, когда мы будем готовы, ты будешь тем, кто будет знать, что надо сделать, чтобы дать нам толчок с помощью растений силы. Одна я знаю, где спрятана трубка Нагваля, в ожидании того дня.

Приказание Нагваля состоит в том, что ты должен переменить свой путь и идти с нами. Это означает, что ты должен заниматься сновидением вместе с нами и отслеживанием вместе с Хенарос. Ты больше не можешь себе позволить быть там, где ты находишься, на ужасающей стороне своего второго внимания. Если твой Нагваль снова выйдет из тебя,

эта встряска может убить тебя. Нагваль сказал мне, что человеческие существа являются хрупкими созданиями, состоящими из многих слоев светимости. Когда ты видишь их, кажется, что они имеют, но эти волокна являются слоями, как у луковицы. Встряска любого рода разделяют эти слои и могут даже вызвать смерть человеческих существ.

Она встала и повела меня обратно в кухню. Мы сели лицом друг к другу. Лидия, Роза и Жозефина были заняты во дворе. Я не мог видеть их, но я мог слышать, как они разговаривают и смеются.

— Нагваль сказал, что мы умираем потому, что наши слои становятся разделенными, — сказала ла Горда. — встряска всегда разделяют их. Однако иногда встряска является такой сильной, что слои высвобождаются и больше не могут собраться вместе.

— Ты когда-нибудь видела слои, Горда?

— Конечно. Я видела человека, умиравшего на улице. Нагваль сказал мне, что ты тоже нашел умиравшего человека, но ты не для того, чтобы обучить сновидению, Нагваль научил пристальному созерцанию. Он никогда не говорил нам, что он в действительности делает с нами. Он просто учил нас пристально созерцать. Мы никогда не знали, что пристальное созерцание было способом уловить наше второе внимание. Мы думали, что пристальное созерцание было просто для забавы. Это было не так. Сновидцы должны стать пристальными созерцателями прежде, чем они смогут уловить второе внимание.

— Первая вещь, которую сделал Нагваль, это положил на землю сухой лист и заставил меня смотреть на него часами. Каждый день он приносил лист и клал его передо мной. Сначала я думала, что это был один и тот же лист, который он убивал каждый день, но потом я заметила, что листья были разные. Нагваль сказал, что когда мы осознали это, мы больше не смотрим, а пристально созерцаем.

Затем он положил передо мной кучу сухих листьев. Он велел мне разбрасывать их левой рукой и ощущать их, пристально созерцая их. Сновидец движет листья по спирали, пристально созерцая их, а затем сновидит узоры, которые образуют листья. Нагваль сказал, что сновидец может считать, что он овладел пристальным созерцанием листьев, если он сновидит сначала узоры листьев и затем находит те же самые узоры на следующий день в своей груди сухих листьев.

Нагваль сказал, что пристальное созерцание сухих листьев укрепляет второе внимание. Если пристально созерцать грудку сухих листьев часами, как он обычно заставлял делать меня, твои мысли утихают. Без мыслей внимание тоналя утихает и становится чем-то еще. Нагваль называл момент, когда второе внимание за что-то зацепляется, остановкой мира. И это точно, мир останавливается. По этой причине рядом всегда должен быть кто-то другой, когда ты пристально созерцаешь. Мы никогда не знаем о фокусах второго внимания. Т.к. мы никогда не использовали его, мы должны познакомиться с ним, прежде чем мы сможем одни отважиться на пристальное созерцание.

Трудность в пристальном созерцании состоит в том, чтобы научиться утихомиривать мысли. Нагваль сказал, что предпочитает обучать нас этому посредством кучи сухих листьев, т.к. мы в любое время, когда хотим пристально созерцать, можем найти все необходимые листья. Но той же цели может служить любая другая вещь.

Когда ты можешь останавливать мир, ты являешься пристальным созерцателем. А т.к. единственный способ остановки мира заключается в постоянных попытках, то Нагваль заставлял всех нас созерцать сухие листья годы и годы. Я думаю, что это наилучший способ достичь нашего второго внимания.

Он комбинировал пристальное созерцание сухих листьев и отыскивание наших рук в сновидении. Мне потребовалось около года, чтобы найти свои руки и 4 года, чтобы остановить мир. Нагваль сказал, что когда ты уловил свое второе внимание с помощью сухих листьев, ты делаешь пристальное созерцание и сновидение, чтобы расширять его. И это все, что касается пристального созерцания.

— У тебя это звучит так просто, Горда.

— Все, что делают толтеки, очень просто. Нагваль сказал, что все, что нам нужно делать, чтобы уловить наше второе внимание — это пытаться и пытаться. Все мы остановили мир путем пристального созерцания сухих листьев. Ты и Элихио были другими. Ты сделал это с помощью растений силы, но я не знаю, по какому пути следовали Нагваль с Элихио. Он никогда не хотел рассказывать мне. Он рассказывал мне о тебе, потому что мы имеем одно и то же задание.

Я вспомнил, что записал в своих заметках, что я впервые имел полное осознание остановки мира лишь несколько дней тому назад. Она засмеялась.

— Ты остановил мир раньше нас всех, — сказала она. — что же, по твоему мнению, ты делал, когда принимал все эти растения силы? Ты никогда не делал этого путем пристального созерцания, как это делали мы, вот и все.

— Была ли груда сухих листьев единственной вещью, которую Нагваль заставлял тебя пристально созерцать?

— Когда сновидцы знают, как остановить мир, они могут пристально созерцать другие вещи; и, наконец, когда они совершенно теряют свою форму, они могут пристально созерцать все, что угодно. Я делаю это. Я могу войти во все, что угодно. Впрочем, он заставлял нас следовать определенному порядку в пристальном созерцании.

Сначала мы пристально созерцали небольшие растения. Нагваль предостерег нас, что маленькие растения очень опасны. Их сила сконцентрирована; они имеют очень интенсивный свет и ощущают, когда сновидцы пристально созерцают их, они немедленно приводят в движение свой свет и выбрасывают его на созерцателя. Сновидцы должны избрать один вид растений для созерцания.

— Затем мы пристально созерцали деревья. Сновидцы также имеют определенный сорт дерева для созерцания. В этом отношении ты и я сходны: мы оба являемся эвкалиптовыми созерцателями.

Взглянув на мое лицо, она, должно быть, угадала мой следующий вопрос.

— Нагваль сказал, что с помощью его дыма ты смог очень легко привести в действие свое второе внимание, — продолжала она. — ты фокусировал свое внимание много раз на предрасположении Нагваля, на воронах. Он сказал, что однажды твое второе внимание так совершенно фокусировалось на вороне, что ты улетел, как летает ворона, к единственному эвкалиптовому дереву, которое было поблизости.

На протяжении нескольких лет я размышлял об этом опыте. Я не мог рассматривать его иначе, кроме как невообразимо сложное гипнотическое состояние, вызванное психотропными грибами, содержащимися в курительной смеси дон Хуана, в сочетании с его искусством, как манипулятора поведения. Он внушил мне перцептуальный катарсис, как будто я превратился в ворону и воспринимал мир, как ворона. Результат был тот, что я воспринимал мир таким образом, который, по-видимому, не мог быть частью моего багажа опытов. Объяснение Ла Горды каким-то образом упростило его.

Она сказала, что Нагваль затем заставил их пристально созерцать движущиеся живые создания. Он сказал им, что маленькие насекомые были гораздо лучше. Их подвижность делала их безопасными для созерцателя, в противоположность растениям, которые извлекали свет прямо из земли.

Следующий шаг был пристальное созерцание камней. Она сказала, что камни являются очень старыми и сильными и имеют специфический свет, который был скорее зеленоватым в отличие от белого света растений и желтоватого света подвижных живых существ. Камни не легко открываются созерцателям, но созерцателям стоит проявить упорство, т.к. камни имеют особые секреты, скрытые в их сердцевине, которые могут помочь магам в их «сновидении».

— Что это за вещи, которые раскрывают тебе камни? — спросил я.

— Когда я пристально смотрю в самую сердцевину камня, — сказала она, — я всегда улавливаю дуновение особого запаха, присущего этому камню. Когда я странствую в своем «сновидении», я знаю, где я нахожусь, потому что я руководствуюсь этими запахами.

Она сказала, что время дня было важным фактором при созерцании деревьев и камней. Рано утром деревья и камни являются уснувшими и их свет тусклый. Около полудня они находятся в самой лучшей форме, и пристальное созерцание в это время выполняется для заимствования их света и силы. Поздно после полудня и рано вечером деревья и камни тихие и печальные, особенно деревья. Ла Горда сказала, что в этот час деревья дают ощущение, что они сами созерцают созерцателя.

Второй серией в последовательности созерцаний является пристальное созерцание циклических явлений: дождя и тумана. Она сказала, что созерцатели могут фокусировать свое второе внимание на самом дожде и двигаться вместе с ним или фокусировать его на задний план и использовать дождь, как своего рода увеличительное стекло для раскрытия скрытых особенностей. Места силы, или места, которые следует избегать, находятся посредством пристального созерцания через дождь. Места силы желтоваты, а неблагоприятные места интенсивно зеленые.

Ла Горда сказала, что туман, безусловно, является самой таинственной вещью на земле для созерцателя, и что его можно использовать теми же двумя способами, что и дождь. Но он нелегко поддается женщинам, и даже после того, как она потеряла свою человеческую форму, он остается недостижимым для нее. Она сказала, что Нагваль заставил ее

однажды «видеть» зеленоватую дырку посреди полосы тумана, и сказал ей, что это было второе внимание одного созерцателя тумана, который жил в тех горах, где она и Нагваль находились, и что он движется вместе с туманом. Она добавила, что туман используется для того, чтобы обнаруживать души вещей, которых там уже больше не было, и что настоящее мастерство туманных созерцателей заключается в том, чтобы позволить своему второму вниманию войти во все, что ни раскроет им их созерцание.

Я сказал ей, что однажды, когда я был вместе с доном Хуаном, я видел мост, образованный из полосы тумана. Я был поражен яркостью и точностью деталей этого моста. Для меня он был более, чем реален. Картина была такой интенсивной и живой, что я не мог забыть ее. Дон Хуан заметил, что я когда-нибудь должен буду пересечь этот мост.

— Я знаю об этом, — сказала она. — Нагваль говорил мне, что когда-нибудь, когда ты овладеешь своим вторым вниманием, ты пересечешь этот мост своим вниманием точно так же, как ты летал, как ворона, своим вниманием. Он сказал, что если ты станешь магом, для тебя образуется мост из тумана и ты пересечешь его и исчезнешь из этого мира навсегда. Точно так же, как сделал он сам.

— Он и исчез точно так же, через мост?

— Нет, не через мост. Но ты был свидетелем того, как он и Хенаро вступили в трещину между мирами прямо перед вашими глазами. Нестор сказал, что только Хенаро помахал рукой на прощание напоследок, Нагваль не попрощался, потому что он открывал трещину. Нагваль говорил мне, что когда требуется собрать второе внимание, то все, что необходимо, — это движение открывания этой двери. Это секрет толтековсновидцев, когда они становятся бесформенными.

Я хотел расспросить о том, как дон Хуан и дон Хенаро прошли через трещину. Она заставила меня остановиться легким касанием своей руки к моему рту.

Она сказала, что следующей серией было пристальное глядение на облака. В обоих случаях усилие созерцателей состояло в том, чтобы позволить своему второму вниманию войти в место, на которое они пристально смотрели. Таким образом они покрывали большие расстояния или плыли на облаках. В случае облачного созерцания Нагваль никогда не разрешал им пристально созерцать грозовые тучи. Он сказал им, что они должны быть бесформенными, прежде чем решиться на этот подвиг, и что они могли бы «ехать верхом» не только на грозовой туче, но и на самой молнии.

Ла Горда засмеялась и спросила меня, кто, по моему мнению, был достаточно дерзким и ненормальным, чтобы на самом деле пытаться созерцать грозовые тучи. Я считал, что это не может быть никто, кроме Жозефины. Ла Горда сказала, что Жозефина пыталась пристально созерцать грозовые тучи во всякий удобный случай, когда Нагваль не было рядом, пока однажды ее чуть не убила молния.

— Хенаро был молниевым магом, — продолжала она. — Его двух первых учеников, Бениньо и Нестора, ему собрала дружественная ему молния. Он говорил, что искал растения в очень удаленной местности, где индейцы очень замкнуты и не любят никаких посетителей. Они разрешили Хенаро находиться на их земле, т.к. он говорил на их языке. Хенаро собирал какие-то растения, и вдруг начался дождь. Там поблизости было несколько домов, но люди были недружелюбные, и ему не хотелось беспокоить их, он уже приготовился залезть в одну яму, как вдруг увидел юношу, едущего по дороге на велосипеде, тяжело нагруженном товарами. Это был Бениньо, человек из города, который имел дело с этими индейцами. Его велосипед увяз в грязи, и прямо там его ударила молния. Хенаро подумал, что он убит. Люди в домах увидели, что случилось, и вышли. Бениньо был больше испуган, чем поврежден, но его велосипед и все товары были уничтожены. Хенаро остался с ним на неделю и вылечил его.

Почти то же самое случилось с Нестором. Он обычно покупал у Хенаро лекарственные растения и однажды пошел с ним в горы, чтобы посмотреть, где он собирал свои растения, чтобы ему не нужно было больше платить за них. Хенаро специально пошел очень далеко, он хотел, чтобы Нестор заблудился. Дождя не было, но сверкали молнии, и внезапно одна ударила в землю и заструилась по сухой земле, как змея. Она пробежала между ногами Нестора и ударила в камень в 10 ярдах.

Хенаро сказал, что молния обуглила ноги Нестора изнутри. Его ноги опухли и он стал очень болен. Хенаро пришлось лечить его в течение недели прямо в горах.

К тому времени, когда Бениньо и Нестор были вылечены, они были также пойманы на крючок. Женщины не нуждаются в этом. Мужчины должны быть пойманы на крючок. Женщины добровольно идут на все. В этом их сила, и в то же самое время их недостаток. Мужчин надо вести, а женщин надо сдерживать.

Она захихикала и сказала, что, несомненно, в ней немало мужского, потому что ее пришлось вести, а во мне, должно быть, немало женственности, потому что меня приходится сдерживать.

Последней серией было пристальное созерцание огня, дыма и теней. Она сказала, что для созерцателя огонь не яркий, а черный, и такой же дым. Тени, с другой стороны, сверкают и имеют цвет и в них есть движение.

Были еще две вещи, которые стояли отдельно: пристальное созерцание звезд и воды. Созерцание звезд выполнялось магами, которые потеряли свою человеческую форму. Она сказала, что созерцание звезд у нее протекало очень хорошо, но она не могла управиться с созерцанием воды, особенно текущей воды, которая использовалась бесформенными магами, чтобы собрать свое второе внимание и транспортировать его в любое место, куда им нужно было отправиться.

— Все мы страшимся воды, — продолжала она. — вода собирает второе внимание и уносит его, и нет способа остановиться. Нагваль рассказывал мне о твоих подвигах по части созерцания воды. Но он также сказал мне, что однажды ты чуть не распался в воде одной мелкой речки и что тебе теперь нельзя даже купаться.

Дон Хуан заставлял меня много раз пристально смотреть на воду в оросительной канаве позади своего дома, когда я был под воздействием его курительной смеси. Я испытывал различные невероятные чувствования. Однажды я видел себя самого зеленого, как будто я был покрыт водорослями. После этого он рекомендовал, чтобы я избегал воды.

— Мое второе внимание было повреждено водой? — спросил я.

— Да, было, — ответила она. — ты очень любил индугировать. Нагваль предостерегал тебя, чтобы ты был осторожным, но вышел за свои границы вместе с текущей водой. Нагваль сказал, что ты мог бы пользоваться водой, как никто другой, но это не было твоей судьбой — быть умеренным.

Она подтянула свою скамью ближе к моей.

— Это все, что касается пристального созерцания, — сказала она. — но есть другие вещи, которые я должна рассказать тебе прежде, чем ты уедешь.

— Какие вещи, Горда?

— Во-первых, прежде, чем я скажу что-нибудь, ты должен собрать свое второе внимание для сестричек и для меня.

— Я не думаю, что я смогу сделать это.

Ла Горда встала и пошла в дом. Спустя минуту она вышла обратно с небольшой круглой подушкой, сделанной из тех же волокон, которые применяются при изготовлении сетей. Не говоря ни слова, она повела меня к переднему крыльцу. Она сказала, что сделала эту подушку сама, когда она училась пристальному созерцанию, потому что положение тела при созерцании имеет большое значение. Сидеть нужно на земле на мягкой подстилке из листьев или на подушке, сделанной из натуральных волокон. Спину нужно прислонить к дереву, пню или ровному камню. Тело должно быть совершенно расслаблено. Глаза никогда не фиксируются на объекте, чтобы избежать их утомления. Пристальное созерцание состоит в очень медленном сканировании созерцаемого объекта против часовой стрелки, но без движения головы. Она добавила, что Нагваль заставил их вкопать эти толстые столбы, чтобы они могли прислоняться к ним.

Она усадила меня на свою подушку и прислонила мою спину к столбу. Она сказала мне, что собирается руководить мною при созерцании пятна силы, которое было у Нагваля по ту сторону долины. Она надеялась, что, созерцая его, я получу необходимую энергию для собирания своего второго внимания.

Она села очень близко ко мне слева от меня и стала давать инструкции. Почти шепотом она велела мне держать веки полуприкрытыми и уставиться на то место, где два огромных круга сходятся. Там был узкий крутой водный каньон. Она сказала, что это особое созерцание состоит из четырех отдельных действий. Первое действие было использовать поля моей шляпы как козырек, чтобы заслонить им излишнее сияние солнца и пропустить к своим глазам лишь минимальное количество солнца; второй шаг был полуприкрыть веки; третий шаг был удерживать их так, чтобы обеспечить равномерный приток света; и четвертый шаг был отличить водный каньон на прочем фоне через сетку световых волокон на моих ресницах.

Сначала я не мог выполнить ее инструкции. Солнце было высоко над горизонтом и мне пришлось запрокинуть голову назад. Я поворачивал свою шляпу до тех пор, пока не закрыл большую часть солнечного сияния ее полями. Кажется, это было все, что требовалось. Когда я полуприкрыл глаза, часть света, который казался исходящим от верхушки моей шляпы, буквально взорвалась на моих ресницах, которые служили

фильтром, создававшим светлое кружево. Я держал свои веки полуприкрытыми и играл со светлым кружевом некоторое время, пока не смог различить точный вертикальный контур водного каньона на фоне.

Затем ла Горда велела мне пристально смотреть на среднюю часть каньона, пока я не смогу засечь очень туманное коричневое пятно. Она сказала, что это дыра в каньоне, которая присутствует там не для глаза, который смотрит, а только для глаза, который «видит». Она предупредила меня, что я должен проявлять свой контроль, как только я выделю это пятно, чтобы оно не притянуло меня к себе. Я скорее должен «ввинтиться» в него. Она предложила, чтобы в момент, когда я найду дыру, я нажал на нее плечом, чтобы дать ей знать об этом. Она подвинулась боком, пока не прислонилась ко мне.

Я минуту боролся, чтобы скоординировать и сделать устойчивыми 4 действия, и вдруг в середине каньона сформировалось темное пятно. Я немедленно заметил, что вижу его не так, как я обычно вижу. Темное пятно было скорее впечатлением, своего рода зрительным искажением. В тот момент, когда мой контроль ослаб, оно исчезло. Оно находилось в моем поле восприятия только в том случае, если я держал 4 действия под контролем. Тут я вспомнил, что дон Хуан бесчисленное число раз заставлял меня заниматься аналогичной деятельностью. Он обычно вешал небольшой лоскуток на низкую ветку куста, который был стратегически размещен так, что находился на одной линии с определенными геологическими образованиями в горах на заднем плане, такими, как водные каньоны или склоны. Заставляя меня сидеть примерно в 50 футах от этого лоскутка и пристально смотреть через низкие ветки куста, где висел лоскут, он пользовался этим для того, чтобы создавать во мне особый перцептуальный эффект. Лоскуток, который всегда был темнее по оттенку, чем то геологическое образование, на которое я пристально смотрел, был прежде всего деталью этого образования. Идея заключалась в том, чтобы допустить игру светового восприятия, не анализируя ее. Я каждый раз терпел неудачу, т.к. был совершенно неспособен воздержаться от оценок в моем уме, и мой ум всегда входил в какое-то рациональное спекулирование о механизме моего иллюзорного восприятия.

На этот раз я не ощущал необходимости в каких бы то ни было спекуляциях. Ла Горда не была сильно впечатляющей фигурой, с которой я бессознательно испытывал нужду бороться, каковой фигурой, очевидно, для меня был дон Хуан.

Темное пятно в моем поле восприятия стало почти черным. Я прислонился к плечу ла Горды, чтобы дать ей знать. Она посоветовала мне на ухо, что я должен изо всех сил стараться удерживать свои веки в том же положении, в каком они находятся, и тихо дышать животом. Я не должен позволять пятну притягивать меня, но постепенно входить в него. Следовало избегать позволять дыре вырасти и поглотить меня. В случае, если это произойдет, я должен немедленно открыть глаза.

Я начал дышать, как она предписала, и таким образом я мог удерживать веки фиксированными сколь угодно долго при соответствующей степени раскрытия.

Я оставался в этом положении в течение некоторого времени. Затем я заметил, что начал дышать нормально и что это не нарушило моего восприятия темного пятна. Но внезапно темное пятно начало двигаться, пульсировать и прежде, чем я снова смог дышать тихо, чернота двинулась вперед и обволокла меня. Я пришел в ужас и открыл глаза.

Ла Горда сказала, что я выполнял пристальное созерцание вдаль, а для этого нужно было дышать способом, который она рекомендовала. Она побудила меня начать все сначала. Она сказала, что Нагваль обычно заставлял их сидеть целыми днями, собирая свое второе внимание посредством пристального созерцания того пятна. Он неоднократно предостерегал их об опасности быть поглощенными ввиду встряски, от которой тело при этом страдает.

Мне потребовалось около часа пристального созерцания, чтобы сделать то, что она обрисовала. «Ввинчивание» в коричневое пятно и пристальное всматривание в него привели к тому, что коричневая латка на моем поле восприятия совершенно неожиданно вспыхнула. Когда она стала яснее, я осознал, что во мне выполняется какое-то невероятное действие. Я ощутил, что я действительно приближаюсь к тому пятну; отсюда было возникшее у меня впечатление, что оно прояснилось. Затем я был так близко к нему, что мог различить детали, вроде камней и растительности. Я приблизился еще больше и мог посмотреть на особое образование на одном камне. Оно выглядело, как грубо вырезанный стул. Он мне очень понравился; по сравнению с ним остальные камни казались бледными и неинтересными.

Я не знаю, как долго я пристально созерцал его. Я мог фокусироваться на каждой детали. Я ощущал, что мог вечно глядеть на его детали, потому что им не было конца. Но что-то рассеяло мое видение; на камень наложился другой странный образ, и снова

другой, и еще другой. Я стал обеспокоен помехами. В тот момент, когда я стал обеспокоен, я также осознал, что ла Горда движет мою голову из стороны в сторону, стоя сзади меня. За считанные секунды концентрация моего пристального созерцания совершенно рассеялась.

Ла Горда сказала, что поняла, почему я причинял Нагвалю такую большую заботу. Она убедилась сама, что я индугирую выше своих пределов. Она села у столба рядом со мной и сказала, что она и сестрички собираются пристально созерцать место силы Нагваля. Затем она издала пронзительный птичий крик. Спустя минуту сестрички вышли из дома и сели созерцать вместе с ней.

Их мастерство пристального созерцания было очевидным. Их тела приобрели необычайную жесткость. Казалось, они не дышали вообще. Их неподвижность была такой заразной, что я поймал себя на том, что полуприкрыл глаза и уставился на холмы.

Пристальное созерцание было настоящим откровением для меня. Выполняя его, я подтвердил некоторые важные спорные моменты учения дона Хуана. Ла Горда очертила это задание, безусловно, смутным образом. «Ввинтиться в него» было больше командой, чем описанием процесса, и все же оно было описанием, при условии, что было выполнено одно существенное требование; дон Хуан называл это требование остановкой внутреннего диалога. Из утверждений ла Горды относительно пристального созерцания мне было очевидно, что результатом, который имел в виду дон Хуан, заставляя их пристально созерцать, было научить их останавливать внутренний диалог. Ла Горда выразила это, как «утихание» мыслей. Дон Хуан уже обучил меня делать ту же самую вещь, хотя он заставлял меня следовать противоположному пути; вместо того, чтобы учить меня фокусировать свой взор, как делали созерцатели, он научил меня открывать его, наполнять свое сознание, не фокусируя взгляда ни на чем. Я должен был как бы вроде слушать глазами все в 180-градусном секторе перед собой, держа глаза несфокусированными как раз над линией горизонта.

Мне было очень трудно созерцать, потому что это означало переворачивание той тренировки. Когда я пытался созерцать, у меня возникало стремление раскрыться. Однако усилие держать это стремление в узде заставило меня отключить свои мысли. Как только я выключил свой внутренний диалог, было нетрудно созерцать так, как предписала ла Горда.

Дон Хуан утверждал снова и снова, что существенным моментом его магии является отключение внутреннего диалога. В терминах объяснения о двух сферах внимания, которое дала мне ла Горда, остановка внутреннего диалога была рабочим способом описания акта отвлечения внимания тоналя.

Дон Хуан говорил также, что как только мы остановили наш внутренний диалог, мы также остановили мир. Это было рабочее описание непостижимого процесса фокусирования нашего второго внимания. Он говорил, что некоторая часть нас всегда находится под запором, потому что мы боимся ее, и что для нашего разума эта часть нас подобна сумасшедшему родственнику, которого мы держим взаперти в темнице. Эта часть была, в терминах ла Горды, нашим вторым вниманием, и когда оно в конце концов может сфокусироваться на чем-нибудь, мир остановлен. т.к. мы, как средние люди, знаем только внимание тоналя, то не будет большой натяжкой сказать, что как только это внимание гасится, мир действительно должен остановиться. Фокусирование нашего необузданного, нетренированного второго внимания должно быть неизбежно ужасной вещью. Дон Хуан был прав, говоря, что единственным способом удержать этого сумасшедшего родственника, чтобы он не набросился на нас, было защитить себя с помощью нашего нескончаемого внутреннего диалога.

Ла Горда и сестрички встали после примерно 30-минутного созерцания. Ла Горда дала мне сигнал рукой следовать за ними. Они пошли в кухню. Ла Горда указала мне сесть на скамейку. Она сказала, что выйдет на дорогу, чтобы встретить Хенарос и привести их. Она вышла через переднюю дверь.

Сестрички сели вокруг меня. Лидия предложила ответить на все, что я захочу спросить у нее. Я попросил ее рассказать мне о ее пристальном созерцании пятна силы дона Хуана, но она не поняла меня.

— Я созерцатель вдаль и созерцатель теней, — сказала она. — после того, как я стала созерцателем, Нагваль заставил начать все сначала и созерцать на этот раз тени листьев, растений, деревьев и камней. Теперь я больше никогда не смотрю ни на какие вещи, я просто смотрю на их тени. Даже если совсем нет света, то тени есть, даже ночью есть тени. т.к. я являюсь созерцателем теней, то я являюсь также созерцателем вдаль, я могу созерцать тени даже вдали.

Рано утром тени много не говорят. В это время тени отдыхают. Поэтому бесполезно созерцать очень рано днем. Около 6 часов утра тени просыпаются и они находятся в наилучшей форме около 6 часов пополудни. Тогда они полностью пробужденные.

— Что же тени говорят тебе?

— Все, что я хочу знать. Они говорят мне тем, что они теплые или холодные, или двигаются, или имеют цвета. Я не знаю пока что всех вещей, которые означают цвета, тепло и холод. Нагваль предоставил изучать это мне самой.

— Как ты изучаешь?

— В своем сновидении. Сновидцы должны пристально созерцать, чтобы сделать сновидение, а затем они должны искать свои сны в своем созерцании. Например, Нагваль заставлял меня смотреть на тени камней, а затем в своем сновидении обнаружила, что эти тени имеют свечение, поэтому я до тех пор стала искать свечение в тенях, пока не нашла его. Созерцание и сновидение идут рука об руку. Мне потребовалось долго заниматься созерцанием теней, чтобы мое сновидение теней получалось. А затем мне потребовалось долго заниматься сновидением и созерцанием, чтобы сочетать их и действительно видеть в тенях то, что я вижу в своем сновидении. Понимаешь, что я имею в виду? Каждый из нас делает то же самое. Сновидение Розы связано с деревьями, потому что она — созерцатель деревьев, а у Жозефины связано с облаками, потому что она — созерцатель облаков. Они созерцают деревья и облака, пока не достигают согласования со своими сновидениями.

Роза и Жозефина согласно кивнули головами.

— Как насчет ла Горды? — спросил я.

— Она созерцатель блох, — сказала Роза и все они засмеялись.

— Ла Горда не любит, когда ее кусают блохи, — объяснила Лидия. — она бесформенная и может созерцать все, что угодно, но она привыкла быть созерцателем дождя.

— Как насчет Паблито?

— Он созерцает женские промежности, — ответила Роза с каменным выражением лица.

Они засмеялись. Роза хлопнула меня по спине.

— Я полагаю, что т.к. он твой партнер, то он примется за тебя, — сказала она.

Они захохотали, тряска скамейки ногами и колотят по столу.

— Паблито — созерцатель камней, — сказала Лидия. — Нестор — созерцатель дождя и растений, а Бениньо — созерцатель вдаль. Однако, не спрашивай меня больше ничего о созерцании, потому что я потеряю свою силу, если расскажу тебе больше.

— Почему же тогда Горда рассказывает мне все?

— Ла Горда потеряла свою форму, — ответила Лидия. — когда я потеряю свою, я тоже буду рассказывать тебе все. Но к тому времени тебя это не будет беспокоить. Ты беспокоишься только потому, что ты такой же глупый, как мы. В тот день, когда мы потеряем свою форму, мы все перестанем быть глупыми.

— Почему ты задаешь так много вопросов, если ты знаешь все это? — спросила Роза.

— Потому что он похож на нас, — сказала Лидия. — он не настоящий Нагваль. Он пока еще человек.

Она повернулась лицом ко мне. Минуту ее лицо было твердым, а ее глаза колючими и холодными, но ее выражение внезапно смягчилось, когда она заговорила со мной.

— Ты и Паблито — партнеры, — сказала она. — ты действительно любишь его?

Я подумал минуту, прежде, чем ответить. Я сказал ей, что я так или иначе полностью доверял ему. Без всякой видимой причины я имел ощущение сродства с ним.

— Ты любишь его так сильно, что испортил его, — сказала она обвиняющим тоном. — на той вершине горы, где вы прыгнули, он сам подбирался к своему второму вниманию, а ты вынудил его прыгнуть вместе с тобой.

— Я только держал его за руку, — возразил я.

— Маг не держит другого мага за руку, — сказала она. — каждый из нас очень способный. Ты не нуждаешься в том, чтобы кто-нибудь из нас троих помогал тебе. Только маг, который видит, является бесформенным, может помогать. На той вершине горы, где вы прыгнули, ты был обязан идти первым. Теперь Паблито привязан к тебе. Я думаю, ты намеревался помогать нам таким же самым образом. Боже, чем больше я думаю о тебе, тем больше я презираю тебя.

Роза и Жозефина ответили согласным бормотанием. Роза встала и посмотрела мне в лицо с яростью в глазах. Она потребовала отчета в том, что я собирался сделать с ними. Я сказал, что я собираюсь скоро покинуть их. Мое заявление, видимо, возмутило их. Они все одновременно заговорили. Голос Лидии возвысился над другими. Она сказала, что

время уехать было еще предыдущей ночью, и что она возненавидела меня в тот момент, когда я решил остаться. Жозефина стала орать мне непристойности.

Я ощутил внезапное содрогание, встал и не своим голосом заорал им, чтобы они успокоились. Они с ужасом посмотрели на меня. Я попытался принять небрежный вид, но я сам испугался так же, как испугал их.

В этот момент в кухню вступила Горда, словно она скрывалась в передней комнате, ожидая, когда мы начнем драку. Она сказала, что предупреждала нас, чтобы мы не попались в сети друг друга. Я был вынужден рассмеяться над тем, что она журит нас, как детей. Она сказала, что мы обязаны уважать друг друга, что уважение среди воинов является очень деликатным предметом. Сестрички знали, как вести себя как воины друг с другом, то же делали Хенарос между собой, но стоит мне прийти в одну из этих групп, или двум группам сойтись вместе, как все они игнорируют свое воинское знание и ведут себя, как недотепы.

Мы сели. Горда села около меня. После минутной паузы Лидия объяснила, что она боится, что я собираюсь сделать с ними то, что я сделал с Паблито. Горда засмеялась и сказала, что она никогда не позволит мне помогать кому-либо из них таким способом. Я сказал ей, что не могу понять, что я такое неправильно сделал с Паблито. Я не осознавал того, что я сделал, и если бы Нестор не рассказал мне, я бы никогда не знал, что я фактически подтолкнул Паблито. Я даже спрашивал себя, случайно, не преувеличивал ли немного Нестор или, может быть, он ошибся.

Горда сказала, что свидетель не допустил бы такую глупую ошибку, тем более не преувеличил, и что свидетель является самым совершенным воином среди них.

— Маги не помогают друг другу так, как ты помог Паблито, — продолжала она. — ты вел себя, как человек с улицы. Нагваль научил нас всех быть воинами. Он говорил, что воин не имеет сочувствия ни к кому. Для него иметь сочувствие значило, что ты желаешь, чтобы другой человек был похож на тебя, был в твоей шкуре, и ты протягивал ему руку помощи как раз для этой цели. Ты сделал это с Паблито. Самая трудная для воина вещь в мире — предоставить других самим себе. Когда я была толстая, я беспокоилась, что Лидия и Жозефина едят недостаточно. Я боялась, что они заболеют и умрут от недоедания. Я не щадила сил, чтобы откармливать их, и я имела самые лучшие намерения. Безупречность воина состоит в том, чтобы предоставить их самим себе и поддерживать их в том, что они являются безупречными воинами.

— А что, если они не являются безупречными воинами?

— Тогда твой долг — быть безупречным самому и не говорить ни слова, — ответила она. — Нагваль сказал, что только маг, который видит и является бесформенным, может позволить себе помогать кому-либо. Вот почему он помогал нам и сделал нас такими, какие мы есть. Не думаешь же ты, что ты можешь ходить всюду, подбирая людей на улице, чтобы помогать им.

Дон Хуан поставил меня лицом к лицу с дилеммой, что я никаким способом не мог помогать моим близким существам. Фактически, согласно его мнению, каждое наше усилие помогать является произвольным актом, руководимым исключительно нашим своекорыстием.

Однажды я был вместе с ним в городе, я поднял улитку, которая лежала посреди тротуара, и бережно отнес ее под какой-то виноградный куст. Я был уверен, что если бы я оставил ее посреди тротуара, люди рано или поздно наступили бы на нее. Я думал, что убрав ее в безопасное место, я спас ее.

Дон Хуан указал, что мое допущение было неточным, потому что я не принял во внимание две важные возможности. Одна была та, что улитка, может быть, ускользнула от верной смерти, от яда на виноградных листьях, а другая возможность та, что улитка имела достаточно личной силы, чтобы пересечь тротуар. Своим вмешательством я не спас улитку, а только заставил ее утратить то, что она с таким трудом достигла.

Я захотел, конечно, положить улитку обратно туда, где я нашел ее, но он не позволил мне. Он сказал, что это была судьба улитки, что какой-то идиот пересечет ее путь и заставит ее прекратить ее продвижение. Если я оставляю ее там, куда я положил ее, она, может быть, будет в состоянии снова собрать достаточно личной силы, чтобы пойти туда, куда она собиралась пойти.

Я думал, что понял его мысль. Очевидно, я лишь поверхностно согласился с ней. Самой трудной вещью для меня было предоставить других самим себе.

Я рассказал им эту историю. Ла Горда погладила меня по спине.

— Мы все очень плохие, — сказала она. — мы все пятеро — ужасные люди, которые не хотят ничего понимать. Я освободилась от большей части своей безобразной стороны, но

все еще не ото всей. Мы довольно туповатые и по сравнению с Хенарос мы упрямые и апатичные. Хенарос, со своей стороны, все похожи на Хенаро, в них очень мало ужасного.

Сестрички согласно кивнули головой.

— Ты самый безобразный среди нас, — сказала мне Лидия. — Я думаю, что мы не такие уж плохие по сравнению с тобой. Ла Горда захихикала и легко стукнула мою ногу, словно велела мне согласиться с Лидией. Я так и сделал, и все они засмеялись, как дети.

Мы долго пребывали в молчании.

— Я подхожу теперь к концу того, что я должна рассказать тебе, — внезапно сказала ла Горда.

Она заставила нас всех встать. Она сказала, что они собираются показать мне стойку воинов-толтеков. Лидия стала справа от меня, лицом ко мне. Она схватила мою правую руку своей правой рукой ладонью к ладони, но не переплетая пальцев. Затем она просунула свою руку прямо над локтем своей левой руки и прижала меня плотно к своей груди. Жозефина сделала то же самое слева от меня. Роза стала лицом к лицу со мной, просунула свои руки под моими подмышками и схватила меня за плечи. Ла Горда зашла сзади меня и схватила меня за пояс, переплетя свои пальцы над моим пупком.

Все мы были примерно одного и того же роста и они смогли прижать свои головы к моей голове. Ла Горда заговорила позади моего левого уха очень мягко, но достаточно громко, чтобы все мы слышали ее. Она сказала, что все мы попытаемся перенести наше второе внимание в место силы Нагваль без вмешательства кого или чего бы то ни было. На этот раз не было учителя, чтобы помочь нам или олли, чтобы пришпорить нас. Мы собираемся отправиться туда просто силой нашего внимания.

У меня возникло неодолимое побуждение спросить ее, что я должен делать. Она сказала, что я должен позволить своему второму вниманию сфокусироваться на том, что я пристально созерцал.

Она объяснила, что та особая позиция, в которой мы находимся, является толтекским расположением силы. Я был в данный момент центром и связующим звеном четырех сторон света. Лидия была востоком, оружием, которое воин-толтек держит в своей правой руке; Роза была севером, щитом, заслоняющим воина впереди, Жозефина была западом, ловцом духа, который воин держит в своей левой руке, а ла Горда была югом, корзиной, которую воин несет на спине и где он держит свои объекты силы. Она сказала, что естественной позицией каждого воина является обратиться лицом к северу, т.к. он должен держать оружие, восток, в своей правой руке. Однако направление, в котором мы должны обратиться лицом, было югом, слегка в сторону от востока, таким образом действие силы, которое Нагваль оставил нам для выполнения, заключалось в перемене направления.

Она напомнила мне, что одна из первых вещей, которую Нагваль сделал с нами, было повернуть наши глаза лицом к юго-востоку. Это был способ, которым он завлек наше второе внимание для выполнения дела, которое мы сейчас намереваемся сделать. Было две возможности выполнить это дело. Одна заключалась в том, что все мы развернулись лицом к востоку, используя меня в качестве оси, и таким способом переменили базисное значение и функцию каждого из нас. Лидия стала бы западом, Жозефина — востоком, Роза — югом, а она — севером. Другая возможность состояла в том, чтобы мы изменили свое направление и обратились лицом к югу, не поворачиваясь вокруг. Это была альтернатива силы и она была связана с приведением в действие нашего второго лица.

Я сказал ла Горде, что не понимаю, что такое наше второе лицо. Она сказала, что Нагваль поручил ей попытаться собрать воедино второе внимание каждого из нас, и что каждый воин-толтек имеет два лица и смотрит лицом в двух противоположных направлениях. Второе лицо было вторым вниманием.

Ла Горда внезапно отпустила свою хватку. Все другие сделали то же самое. Она снова села и показала мне жестом сесть около нее. Сестрички остались стоять. Ла Горда спросила, все ли мне ясно. Мне было ясно и в то же самое время не было ясно. Прежде, чем я успел сформулировать вопрос, она выпалила, что одна из последних вещей, которую Нагваль поручил сказать мне, заключается в том, что я должен изменить свое направление, суммируя свое второе внимание с их и включая лицо силы, чтобы увидеть, что находится позади меня.

Ла Горда встала и пригласила меня следовать за ней. Она повела меня к двери комнаты. Она мягко толкнула меня в их комнату. Когда я переступил порог, Лидия, Роза, Жозефина и она присоединились ко мне, а затем ла Горда закрыла дверь.

В комнате было очень темно. Казалось, что в ней не было никаких окон. Ла Горда взяла меня за руку и поместила меня, по-моему, в центре комнаты. Все они окружили

меня. Я вообще не мог видеть их; я мог только ощущать, что они расположились с четырех сторон от меня.

Спустя некоторое время мои глаза стали привыкать к темноте. Я смог увидеть, что комната имеет два окна, которые были закрыты ставнями. Через них просачивалось немного света, и я смог различить всех. Затем все они обхватили меня таким же способом, как делали это несколькими минутами раньше, и совершенно в унисон, поместили свои головы около моей. Я мог ощущать их горячее дыхание со всех сторон вокруг меня. Я закрыл глаза, чтобы произвести образ своего созерцания. Я не мог сделать этого. Я ощущал себя очень утомленным и сонным. Мои глаза ужасно зудели, я хотел потереть их, но Лидия и Жозефина крепко держали мои руки.

Мы пробыли в этой позиции очень долго. Моя усталость была невыносимой и я, наконец, обмяк. Я подумал, что мои колени не выдержали. У меня было ощущение, что я рухну на пол и прямо там засну. Фактически подо мной не было ничего. Когда я осознал это, у меня возник такой интенсивный страх, что я мгновенно и полностью пробудился, однако сила, большая, чем мой страх, толкала меня обратно в то сонное состояние. Я сдался. Я плыл вместе с ними, как воздушный шар. Было так, словно я заснул, видел сон и в этом сне я видел серию несвязанных образов. Мы больше не были в темноте их комнаты. Было так много света, что он слепил меня. Временами я мог видеть лицо Розы напротив моего; уголком глаза я мог также видеть лица Лидии и Жозефины. Я мог ощущать их лбы, плотно прижатые к моим ушам. А затем образ менялся и вместо этого я видел лицо ла Горды напротив моего. Каждый раз, когда это случалось, она прикладывала свой рот к моему и дышала. Мне это очень не понравилось. Какая-то сила во мне пыталась высвободиться. Я ощутил ужас. Я попытался оттолкнуть всех их от себя. Чем сильнее я пытался, тем сильнее они держали меня. Это убедило меня, что ла Горда вовлекла меня в трюк и в конце концов заведет меня в глубокую западню, но в противоположность остальным ла Горда была безупречным артистом. Мысль, что она направляла меня безупречной рукой, доставила мне облегчение. В один из моментов я не стал больше бороться. Мне стало любопытно, когда наступит моя смерть, которую я считал неизбежной, и я опустил голову. Тут я испытал несравнимую радость, избыток чувств, которые, как я думал, были предвестником моего конца, если не самой смертью. Я притянул Лидию и Жозефину еще ближе к себе. В этот момент ла Горда была впереди меня. Меня не беспокоило, что она дышала в мой рот; фактически я был удивлен, что она прекратила это. В тот же момент все они прекратили так же прижимать свои головы к моей. Они начали оглядываться и тем самым освободили также и мою голову. Я мог двигать ею. Лидия, ла Горда и Жозефина были так близко от меня, что я мог видеть только через щель между их головами. Я не мог сообразить, где мы находимся. В одном я был уверен — мы не стоим на земле. Мы были в воздухе. Другое, что я знал наверняка, это что наш порядок изменился. Лидия была слева от меня, а Жозефина справа. Лица ла Горды а также Лидии и Жозефины были покрыты потом. Розу я мог только ощущать позади себя. Я мог видеть ее руки, выходящие из-под моих подмышек и держащие мои плечи.

Ла Горда что-то говорила, что я не мог расслышать. Она произносила свои слова очень медленно, словно желая мне дать возможность прочесть по ее губам, но мое внимание было захвачено деталями ее рта. В какой-то момент я ощутил, что они четверо движут меня, они неторопливо раскачивали меня. Это вынудило меня уделить внимание беззвучным словам ла Горды. На этот раз я отчетливо прочел по ее губам. Она велела мне повернуться вокруг. Я попытался, но моя голова, казалось, была закреплена. Я ощутил, что кто-то кусает мои губы. Я взглянул на ла Горду. Она не кусала меня, но она смотрела на меня, когда произносила ртом свою команду мне повернуть голову. Когда она говорила, я также ощущал, что она фактически лижет все мое лицо или кусает мои губы и щеки.

Лицо ла Горды было как-то искажено. Оно выглядело большим и желтоватым. Я подумал, что, по-видимому, потому, что все вокруг было желтоватым, на ее лице отражалось это сияние. Я мог почти слышать, как она приказывает мне повернуть голову вокруг. В конце концов беспокойство, которое мне причиняло покусывание, заставило меня встряхнуть голову. И внезапно звук голоса ла Горды стал ясно слышен. Она была позади меня и кричала на меня, чтобы я повернул свое внимание вокруг. Роза лизала мое лицо. Я оттолкнул ее от своего лица своим лбом. Роза плакала. Ее лицо было покрыто потом. Я мог слышать голос ла Горды позади себя. Она сказала, что я опустошил их, борясь с ними, и что она не знает, что делать, чтобы уловить наше первоначальное внимание. Сестрички скулили.

Мои мысли были кристально ясными. Однако мои рациональные процессы не были дедуктивными. Я знал все быстро и непосредственно, причем в моем уме не было никаких сомнений. Например, я непосредственно знал, что я снова должен впасть в сон и что это заставит нас опуститься вниз. Но я также знал, что я должен позволить им привести нас к их дому. Здесь я был беспомощен. Если я мог вообще сфокусировать свое второе внимание, то это должно происходить на одном и том же месте в Северной Мексике, которое дал мне дон Хуан. Я всегда был способен представить его себе в уме, как нечто другое в мире. Я не решился воспроизвести это видение. Я знал, что там нам будет конец.

Я подумал, что я должен рассказать ла Горде то, что я знаю, но я не мог говорить. Тем не менее какая-то часть меня знала, что она поняла. Я полностью вверился ей и за считанные секунды впал в сон. В своем сне я смотрел на кухню в их доме. Там были Паблито, Нестор и Бениньо. Они выглядели чрезвычайно большими и сияли. Я не мог фокусировать свои глаза на них, потому что между ними и мной была пелена прозрачного пластичного материала. Затем я осознал, что было так, словно я гляжу на них через оконное стекло, в то время, как кто-то поливает стекло водой. Наконец, стекло разбилось вдребезги и вода попала мне в лицо.

Паблито поливал меня из бадьи, Нестор и Бениньо также стояли здесь. Ла Горда, сестрички и я лежали на земле во дворе позади дома. Хенарос поливали нас водой из бадей.

Я вскочил на ноги. Либо холодная вода, либо необычное переживание, через которое я только что прошел, придали мне бодрости. Ла Горда и сестрички надели новую одежду, которую Хенарос, должно быть, разложили на солнце. Моя одежда также была аккуратно разложена на земле. Я переоделся, не говоря ни слова. Я испытывал своеобразное ощущение, которое, по-видимому, сопутствовало фокусированию второго внимания: я не мог говорить, или, скорее, я мог бы говорить, но не хотел. Мой живот был расстроен. Ла Горда, по-видимому, почувствовала это и мягко потянула меня на площадку у задней части забора. Мне стало плохо. Ла Горда и сестрички испытывали то же самое.

Я вернулся на кухонную площадку и умыл лицо. Холодная вода, кажется, восстановила мое самочувствие. Паблито, Нестор и Бениньо сидели вокруг стола. Паблито принес с собой свой стул. Он встал и пожал мне руку. Затем то же самое сделали Нестор и Бениньо, к ним присоединились ла Горда и сестрички.

Казалось, со мною было что-то неладно. Мои уши гудели, я чувствовал головокружение. Жозефина встала и схватилась за Розу, чтобы опереться. Я повернулся к ла Горде, чтобы спросить, что делать. Лидия падала спиной на скамейку. Я подхватил ее, но ее вес увлек меня и я упал вместе с ней.

Со мной, должно быть, случился обморок. Внезапно я очнулся. Я лежал на соломенном мате в передней комнате. Лидия, Роза и Жозефина спали рядом со мной. Мне пришлось проползти над ними, чтобы встать. Я задел их, но они не проснулись. Я вышел в кухню. Ла Горда вместе с Хенарос сидела за столом.

— Добро пожаловать обратно, — сказал Паблито.

Он добавил, что ла Горда проснулась незадолго до меня. Я ощущал, что я снова был своим прежним «я». Я был голоден. Ла Горда дала мне миску с едой. Она сказала, что они уже поели. После еды я чувствовал себя превосходно во всех отношениях, за исключением того, что я не мог думать, как обычно. Мои мысли чрезвычайно утихомирились. Мне не понравилось это состояние. Тут я заметил, что было уже далеко за полдень. У меня появилось внезапно побуждение бежать на месте лицом к солнцу, так, как меня обычно заставлял делать дон Хуан. Я встал и ла Горда присоединилась ко мне. По-видимому, у нее возникла та же самая идея. В результате этих движений я вспотел. Я очень быстро запыхался и вернулся к столу. Ла Горда последовала за мной. Мы снова сели. Хенарос главели на нас. Ла Горда вручила мне мой блокнот.

— Нагваль собирается здесь умереть, — сказала она.

В тот момент, когда она говорила, на меня лавиной нахлынули обратно мои мысли. Это, должно быть, отразилось на выражении моего лица, потому что Паблито обнял меня и то же сделали Нестор и Бениньо.

— Нагваль собирается жить! — громко сказал Паблито.

— Ла Горда, казалось, тоже обрадовалась. Она потерла свой лоб в жесте облегчения. Она сказала, что я чуть не убил всех их и самого себя своей ужасной склонностью индугировать.

— Фокусировать второе внимание — не шутка, — сказал Нестор.

— Что случилось с нами, Горда? — спросил я.

— Мы потерялись, — сказала она. — ты начал индульгировать в своем страхе и мы потерялись в той безбрежности. Мы больше не могли фокусировать свое внимание тоналя. Но мы успешно связали наше второе внимание с твоим, и ты имеешь теперь два лица.

В этот момент в кухню вошли Лидия, Роза и Жозефина. Они улыбались и казались такими же свежими и бодрыми, как всегда. Они взяли себе еды. Они сели и пока они ели, никто не произнес ни слова. В тот момент, когда последняя из них окончила есть, ла Горда продолжала говорить с того места, на котором она остановилась.

— Теперь ты воин с двумя лицами. Нагваль сказал, что все мы должны иметь два лица, чтобы благополучно пребывать в обоих вниманиях. Он и Хенаро помогли нам собрать наше второе внимание и повернули нас вокруг так, чтобы мы могли быть обращенными лицом в двух направлениях, но они не оказали помощи тебе, потому что для того, чтобы быть настоящим Нагвалем, ты должен только сам провозгласить свою силу. Тебе еще далеко до этого, но позволь сказать, что теперь ты не ползаешь, а ходишь прямо, а когда ты восстановишь свою полноту и потеряешь свою человеческую форму, ты будешь парить.

Бениньо сделал жест рукой, изображая летящий самолет и имитировал рев двигателя своим гудящим голосом. Звук был поистине оглушительным.

Все засмеялись, сестрички, по-видимому, были в восторге.

До этого момента я вполне осознавал, что было уже далеко за полдень. Я сказал ла Горде, что мы, должно быть, проспали несколько часов, потому что мы вошли в их комнату перед полуднем. Она сказала, что мы вообще долго не спали, что большую часть времени мы были потеряны в другом мире и что Хенарос по-настоящему были испуганы и подавлены, потому что они ничего не могли сделать, чтобы вернуть нас.

Я повернулся к Нестору и спросил его, что в действительности делали или видели они, когда мы были ушедшими. Он внимательно взглянул на меня, прежде чем ответить.

— Мы принесли немного воды во двор, — сказал он, указывая на некоторые пустые бочки из-под масла. — затем вы все приковыляли во двор и мы вылили воду на вас, вот и все.

— Мы вышли из комнаты? — спросил я его.

Бениньо громко засмеялся. Нестор взглянул на ла Горду, словно спрашивая разрешения или совета.

— Мы вышли из комнаты? — спросила ла Горда.

— Нет, — ответил Нестор.

Ла Горда, кажется, жаждала узнать так же, как и я, и это встревожило меня. Она даже уговаривала Нестора рассказывать.

— Вы пришли из ниоткуда, — сказал Нестор. — я должен сказать, что это было страшно. Все вы были похожи на туман. Паблито увидел вас первым. Вы, может быть, были во дворе долго, но мы не знали, где искать вас. Затем Паблито завопил, и все мы увидели вас. Мы никогда не видели ничего подобного.

— На что вы были похожи? — спросил я.

Хенарос взглянули друг на друга. Наступило невыносимо долгое молчание. Сестрички уставились на Нестора, раскрыв рты.

— Вы были похожи на клочья тумана, зацепившиеся за паутину, — сказал Нестор. — когда мы вылили воду на вас, вы снова стали твердыми.

Я хотел, чтобы он продолжал рассказывать, но ла Горда сказала, что осталось очень мало времени, потому что я должен уехать в конце дня, а у нее еще есть, что рассказать мне. Хенарос встали и пожали руки сестричкам и ла Горде. Они обняли меня и сказали мне, что им потребуется всего лишь несколько дней, чтобы подготовиться к отъезду. Паблито положил свой стул в перевернутом виде себе на спину. Жозефина побежала на площадку около кухонной плиты, подняла сверток, который они принесли из дома доньи Соледад, и поместила его между ножками стула Паблито, который оказался идеальным приспособлением для переноски.

— Так как ты идешь домой, то ты свободно можешь взять вот это, — сказала она. — это принадлежит тебе, во всяком случае.

Паблито пожал плечами и передвинул стул, чтобы уравновесить груз.

Нестор дал Бениньо сигнал взять сверток, но Паблито не позволил им.

— Все в порядке, — сказал он. — я прекрасно могу быть в роли осла, пока несу этот проклятый стул.

— Почему ты носишь его, Паблито? — спросил я.

— Я должен копить свою силу, — ответил он. — я не могу ходить везде, сидя на чем попало. Кто знает, какая ползающая дрянь сидела там передо мной?

Он захохотал и потряс плечами, заставив сверток качаться.

После ухода Хенарос ла Горда объяснила мне, что Паблито начал свое ненормальное выкаблучивание со стулом, чтобы подразнить Лидию. Он не хотел сидеть там, где сидела она, но его заносит на поворотах, и т.к. он любит индугировать, то теперь он не сидит нигде, за исключением своего стула.

— Он способен нести его через всю жизнь, — сказала мне ла Горда с большой уверенностью. — он почти так же плох, как ты. Он — твой партнер; ты будешь нести свой блокнот через всю жизнь, а он будет нести свой стул. Какая здесь разница? Оба вы индугируете больше, чем остальные из нас.

Сестрички окружили меня и засмеялись, хлопая меня по спине.

— Очень трудно войти в наше второе внимание, — продолжала ла Горда, — а овладеть им, индугируя так, как ты, еще труднее. Нагваль сказал, что ты должен знать, как трудно это овладение, лучше всех нас. С помощью его растений силы ты научился входить очень далеко в тот другой мир. Вот почему сегодня ты тянул нас так сильно, что мы чуть не умерли. Мы хотели собрать наше второе внимание на месте Нагваля, а ты погрузил нас в нечто такое, чего мы не знаем. Мы не готовы для этого, но и ты не готов. Впрочем, ты ничего не можешь с собой поделывать, растения силы сделали тебя таким. Нагваль был прав: все мы должны помогать тебе сдерживать твоё второе внимание, а ты должен помогать нам выталкивать наше. Твое второе внимание может зайти очень далеко, но оно бесконтрольно; наше может пройти только маленький кусочек, но мы имеем абсолютный контроль над ним.

Ла Горда и сестрички, одна за другой, рассказали мне, каким пугающим было переживание быть потерянным в другом мире.

— Нагваль рассказывал мне, — продолжала ла Горда, — что когда он собирал твоё второе внимание с помощью своего дыма, ты сфокусировал его на комаре, и тогда маленький комар стал для тебя стражем другого мира.

Я сказал ей, что это было верно. По ее просьбе я описал им переживание, которое дон Хуан заставил меня испытать. С помощью его курительной смеси я воспринял комара, как ужасающее чудовище высотой в 100 футов, которое двигалось с невероятной скоростью и ловкостью. Безобразность этого создания была отвратительной, и тем не менее, в нем было внушительное величие.

Я также не имел способа уложить это переживание в свою рациональную схему вещей. Единственной опорой для моего интеллекта была моя глубокая уверенность, что одним из эффектов психотропной курительной смеси было вызвать у меня галлюцинации насчет величины комара.

Я представил им, особенно ла Горде, свое рациональное и причинно-обусловленное объяснение того, что имело место. Они засмеялись.

— Здесь нет галлюцинаций, — сказала ла Горда твердым тоном. — если кто-то неожиданно видит что-то отличное, что-то, чего раньше не было, то это потому, что второе внимание этого человека собралось и он фокусирует его на чем-то. Так вот, то, что собирает внимание этого человека, может быть чем угодно — это может быть спиртной напиток, или может быть сумасшествие, или может быть курительная смесь Нагваля.

Ты увидел комара, и он стал стражем другого мира для тебя. А знаешь ли ты, что такое другой мир? Тот другой мир — это мир нашего второго внимания. Нагваль думал, что, может быть, твоё второе внимание было достаточно сильным, чтобы пройти стража и войти в тот мир. Но оно не было сильным. Если бы оно было сильным, ты мог бы войти в тот мир и никогда не вернуться. Нагваль сказал мне, что он приготовился следовать за тобой. Но страж не позволил тебе пройти и чуть не убил тебя. Нагваль вынужден был прекратить заставлять тебя фокусировать твоё второе внимание с помощью его растений силы, потому что ты мог фокусироваться только на устрашающей стороне вещей. Вместо этого он заставил тебя делать сновидение, чтобы ты мог собрать его другим способом. Но он был уверен, что твоё сновидение также будет устрашающим. Он ничего не мог поделывать с этим. Ты следовал по его стопам, а он имел ужасающую, устрашающую сторону.

Они пребывали в молчании. Было так, словно они ушли в свои воспоминания.

Ла Горда сказала, что Нагваль указал мне однажды на одно очень специальное красное насекомое в горах в его родных краях. Она спросила, помню ли я его.

Я помнил его. Несколько лет тому назад дон Хуан взял меня в неизвестную мне местность в горах Северной Мексики. С крайней осторожностью он показал мне каких-то красных насекомых размером с божью коровку. Их спины были блестяще-красными. Я хотел опуститься на землю и изучить их, но он не позволил мне. Он сказал мне, что я должен наблюдать их, не устремляя пристального взгляда, пока я не запомню их форму, потому что я обязан помнить их всегда. Затем он объяснил некоторые замысловатые

детали их поведения, причем это звучало у него, как метафора. Он рассказал мне о произвольной значимости наших наиболее лелеяемых нравов. В подтверждение этого он указал на некоторые нравы этих насекомых и противопоставил их нашим. Это сравнение заставило значимость наших верований выглядеть смешной.

— Как раз перед тем, как он и Хенаро ушли, — продолжала ла Горда, — Нагваль взял меня в то место в горах, где обитают эти маленькие жучки. Я уже была там однажды, и другие тоже. Нагваль убедился, что все мы знаем этих маленьких созданий, хотя он никогда не позволял нам пристально созерцать их.

Когда я была там вместе с ним, он сказал мне, что делать с тобой и что я должна рассказать тебе. Я уже рассказала тебе большую часть того, что он просил меня сообщить тебе, кроме этой последней вещи. Она связана с тем, о чем ты спрашиваешь каждого: где находятся Нагваль и Хенаро. Сейчас я скажу тебе в точности, где они. Нагваль сказал, что ты поймешь это лучше, чем любой из нас. Никто из нас никогда не видел стража. Никто из нас никогда не был в том зеленовато-желтом мире, где он обитает. Ты — единственный из нас, кто испытал все это.

Нагваль сказал, что он последовал за тобой в тот мир, когда ты сфокусировал свое внимание на страже. Он намеревался уйти туда вместе с тобой, может быть, навсегда, если бы ты был достаточно силен, чтобы пройти. Именно тогда он впервые узнал о мире тех маленьких красных букашек. Он сказал, что их мир был самой прекрасной и совершенной вещью, какую можно вообразить. Поэтому, когда пришло время ему и Хенаро покинуть этот мир, они собрали все свое второе внимание и сфокусировали его на том мире. Затем Нагваль открыл трещину, как ты сам свидетельствовал, и они проскользнули через нее в тот мир, где они ожидают нас, чтобы мы присоединились к ним когда-нибудь. Нагваль и Хенаро любили красоту, они пошли туда исключительно ради наслаждения.

Она взглянула на меня. Мне нечего было сказать. Она была права, говоря, что сила должна сама назначить время для ее откровений, чтобы они были эффективными. Я ощущал муку, которую я не мог выразить. Было так, как будто я хотел плакать, и тем не менее, я не был печальным и грустным. Я страстно жаждал чего-то невыразимого, но эта страсть не была моей. Подобно моим ощущениям и чувствам, которые были у меня с момента приезда, она была чужда мне.

Мне на ум пришли утверждения Нестора об Элихио. Я пересказал ла Горде, что он говорил, и она попросила изложить им видения во время моего путешествия между тоналем и нагвалем, которые были у меня после прыжка в пропасть. Когда я закончил, все они казались испуганными. Ла Горда немедленно выделила мое видение купола.

— Нагваль сказал нам, что наше второе внимание когда-нибудь сфокусируется на этом куполе, — сказала она. — в тот день мы будем целиком вторым вниманием, точно так же, как Нагваль и Хенаро, в тот день мы присоединимся к ним.

— Ты имеешь в виду, Горда, что мы пойдем такими, каковы мы есть? — спросил я.

— Да, мы пойдем такими, каковы мы есть. Тело — это первое внимание, внимание тоналя. Когда оно становится вторым вниманием, оно просто входит в другой мир. Прыжок в пропасть на некоторое время собрал все твое второе внимание. Но Элихио был сильнее и его второе внимание было сфокусировано этим прыжком. Вот что случилось с ним, а он был в точности таким же, как все мы. Однако нет способа говорить о том, где он находится. Даже сам Нагваль не знал. Но если он где-то находится, то он в том куполе. Или он переходит от одного видения к другому, может быть, на протяжении целой вечности.

Ла Горда сказала, что в своем путешествии между тоналем и нагвалем я подтвердил в большом масштабе возможность того, что все наше существо становится целиком вторым вниманием, а в значительно меньших масштабах — когда я сегодня довел всех их до затерянности в мире этого внимания, а также когда она транспортировала нас всех на полмили, чтобы удрать от олли. Она добавила, что Нагваль оставил нам в качестве их вызова проблему — способны мы или нет развить свою волю, или силу своего второго внимания, чтобы фокусироваться неограниченно на всем, на чем мы захотим.

Мы некоторое время молчали. Кажется, мне было пора уезжать, но я не мог двинуться. Мысль о судьбе Элихио парализовала меня. Очутился ли он в куполе нашей встречи, или задержался в необъятности — образ его путешествия был сводящим с ума. Мне не составляло никакого труда представить его, потому что у меня был опыт моего собственного путешествия.

Другой мир, на который дон Хуан ссылался, практически, с момента нашей встречи, всегда был метафорой, смутным способом наклеить ярлык на некоторое перцептуальное искажение или, в лучшем случае, способом говорить о некоторых неопределимых

состояниях существования. Хотя дон Хуан заставил меня воспринимать неопишуемые черты мира, я не мог рассматривать свои переживания, как нечто, стоящее по ту сторону игры моего восприятия, своего рода управляемого миража, который ухитрился он меня испытать, или посредством психотропных растений, или путем средств, которые я не мог рационально проследить. Каждый раз, когда это случалось, я заслонялся, как щитом, мыслью, что единство «меня», которого я знал и с которым был знаком, было лишь временно вытеснено. Когда это единство восстанавливалось, мир неизбежно снова становился убежищем для моего незыблемого рационального «я». Замысел, который ла Горда открыла своим откровением, был ужасающ.

Она встала и стащила меня со скамейки. Она сказала, что я должен уехать до наступления сумерек. Все они прошли вместе со мной к моей машине и мы попрощались.

Ла Горда дала мне последнее приказание. Она сказала мне, что, когда я вернусь, я должен ехать прямо к дому Хенарос.

— Мы не должны тебя видеть, пока ты не будешь знать, что делать, — сказала она с лучезарной улыбкой. — но не задерживайся слишком долго.

Сестрички кивнули.

— Эти горы не собираются позволить нам оставаться здесь чересчур долго, — сказала она, и легким движением подбородка указала на зловещие обветренные холмы по ту сторону долины.

Я задал ей еще один вопрос. Я хотел знать, имеет ли она хоть какое-нибудь понятие о том, куда Нагваль и Хенаро пойдут после того, как мы осуществим наше свидание. Она подняла глаза к небу, подняла руки и сделала ими неопишуемый жест.